

Азорские о-ва

Гибралтарский

Ален Бомбар

1492-1493

Е С К И

О К Е А Н

О Е Т Е Ч Е Н И Е

ЗА БОРТОМ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ

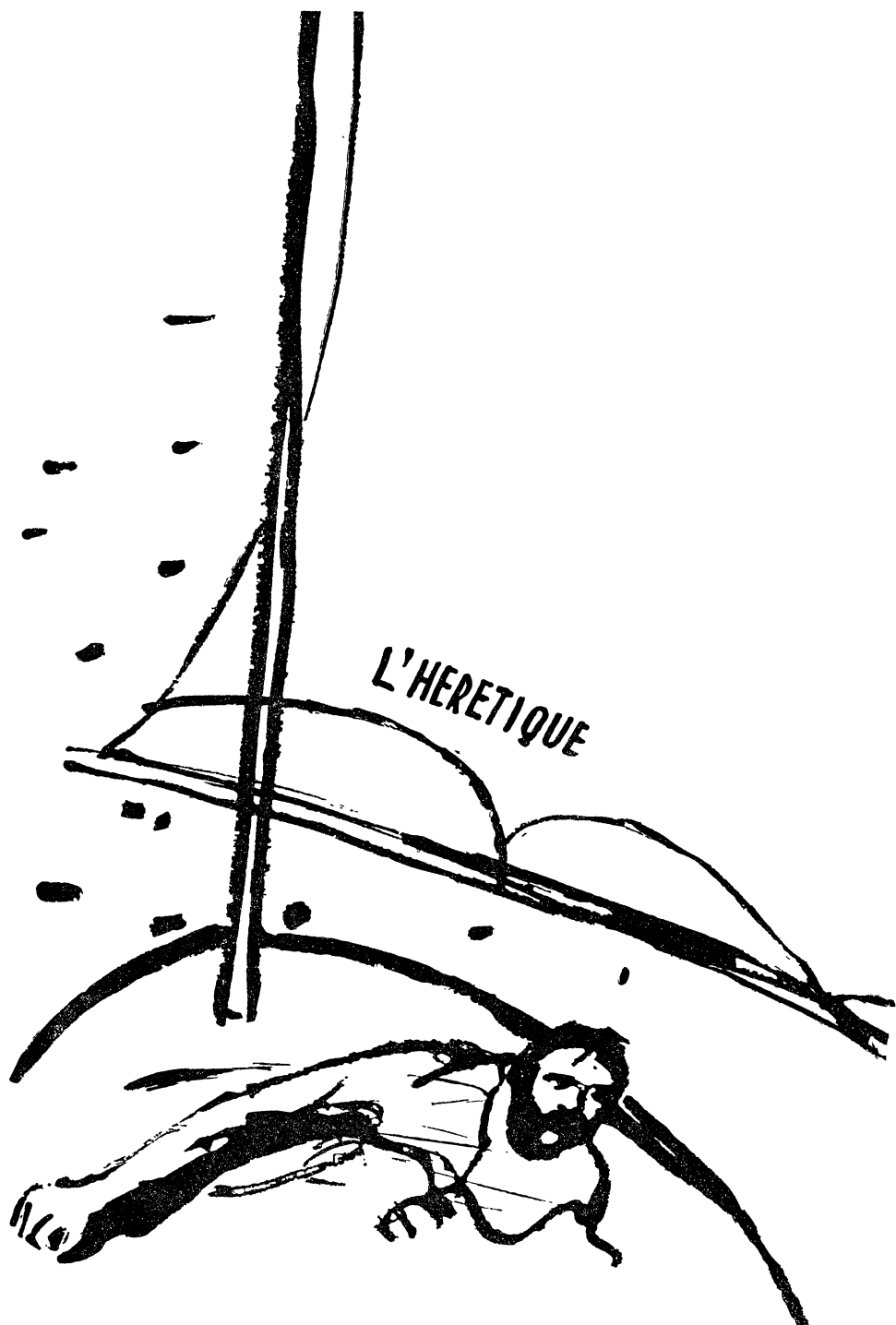
Эта книга посвящается

трем мужчинам:

доктору Фюрнестэну
адмиралу Солю
капитану Картеру

и трем женщинам:

моей жене
моей матери
Касабланке

Путешествия Приключения Фантастика

АЛЕН БОМБАР

**ЗА БОРТОМ
ПО СВОЕЙ
ВОЛЕ**

Государственное Издательство
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва ~ 1959

ALAIN BOMBARD

NAUFRAGÉ VOLONTAIRE

PARIS, 1953

Перевод с французского

Ф. МЕНДЕЛЬСОНА и А. СОБОЛЕВА

Рассказ о необычайных путешествиях, предпринятых молодым французским врачом Аленом Бомбаром в 1952 г. с целью доказать, что люди, потерпевшие кораблекрушение, могут прожить длительное время в море без запасов пищи и воды, питаясь только тем, что они могут добыть в море. А. Бомбар один пересек в маленькой резиновой лодке Атлантический океан за 65 дней. Все это время он питался исключительно сырой рыбой, которую он ловил, а пил только дождевую и морскую воду или сок, выдавленный им из рыб. Путешествие А. Бомбара не имеет себе равных в истории мореплавания.

Художник М. П. КЛЯЧКО

РОЖДЕНИЕ ИДЕИ

Весна 1951 года. Раннее утро. Я мирно сплю в своей комнате при госпитале в Булони. Внезапно раздается телефонный звонок:

— Дежурный интерн?¹

— Да. Что случилось?

— Кораблекрушение у мола Карно!

— Сейчас иду.

Еще не подозревая всего трагизма катастрофы, я, чертыхаясь, натягиваю на себя одежду и поспешно спускаюсь в приемный покой. Здесь еще никого нет. Швейцар рассказывает мне, что траулер «Нотр-Дам-де-Пейраг» из маленького порта Экиэм заблудился в тумане и налетел на конец мола Карно.

Снаружи довольно холодно, но море совсем тихое и поэтому я не испытываю особого беспокойства. Мол Карно — одно из крайних сооружений порта. Во время сильного ветра он очень опасен, но, когда море спокойно, подняться на него не составляет труда, так как на его внешней, обращенной к морю стороне через каждые двадцать метров устроены лестницы.

Слышится автомобильный сигнал: это машина спасательной службы. Двойная дверь распаивается настежь и, весьма гордый своей ролью, я выхожу вперед... Этого зрелища мне не забыть никогда! Сорок три человека, наваленные друг на друга, словно растерзанные марионетки, лежали передо мной — все босиком и все в спасательных поясах. Наши усилия не привели ни к чему: нам не удалось вернуть к жизни ни одного. Ничтожный просчет, а в результате — сорок три трупа и семьдесят восемь сирот.

Мне кажется, что именно тогда я полностью осознал весь трагизм крушения на море и что именно этот случай зародил во мне идею, которая в дальнейшем привела к экспедиции на «Еретику».

¹ Интерн — врач или студент-медик, прикомандированный к лечебному учреждению для повышения квалификации.— *Ред.*

Кораблекрушение! Для меня это слово стало синонимом тяжчайших страданий человека, синонимом отчаяния, голода и жажды. Одна только Булонь теряет ежегодно в море от ста до ста пятидесяти своих граждан, а позднее я узнал, что на всем земном шаре в мирное время ежегодно погибает таким же образом около двухсот тысяч человек. Примерно одна четвертая часть этих жертв не идет ко дну одновременно с кораблем и высаживается в спасательные шлюпки и т. п. Но скоро и они умирают мучительной смертью.

Меня уже давно интересовал вопрос: как долго может противостоять человек всевозможным лишениям, каков предел выносливости человеческого организма? И я пришел к убеждению, что в отдельных случаях человек может перешагнуть через все нормы, обусловленные физиологией, и все-таки остаться в живых.

Длительное время я изучал материалы о заключенных, ссыльных и других группах населения, живущих впроголодь. Но чаще всего подобные теоретические изыскания заканчивались тем, что я сам себя спрашивал: «А к чему мне все это?» Потому что при моей необразованности или моем медицинском образовании — это одно и то же — знания оставались для меня мертвой буквой до тех пор, пока я не находил им практического применения.

Но вот к ряду подобных проблем прибавилась проблема потерпевших кораблекрушение. Особенность ее состояла в том, что внешние факторы, вызывающие страдания человека, не зависят, как в случае с заключенными, от злой воли людей или, как в случае голода в Индии, от внезапной жестокой засухи, когда что-либо изменить невозможно. Наоборот! Потерпевший кораблекрушение попадает в естественную среду, разумеется не безопасную, но в то же время чрезвычайно богатую всем, что необходимо для того, чтобы жить или по крайней мере выжить, добраться до суши или дожидаться подхода помощи. Ведь в одном кубическом метре морской воды в двести раз больше питательных веществ, чем в кубическом метре земли!

Короче говоря, я думал о том, что хотя море и представляет для потерпевшего кораблекрушение вечную угрозу, оно не безжалостно, а главное — не бесплодно. Нужно только победить в себе страх перед морем и добыть себе из него пищу. В этой задаче не было ничего неразрешимого. Так я думал о среде, в которую попадает потерпевший кораблекрушение.

Что же касается организма человека, вынужденного бороться с морской стихией и одновременно черпать из нее жизненные силы, то я пришел к убеждению, что физиологи по большей части недооценивают значение разума и его влияние на тело. Я изучил наиболее известные случаи, когда люди выживали в самых отчаянных условиях. Влияние разума на

весь организм доказано голодовками Ганди, полярными экспедициями Скотта и Амундсена и плаванием капитана Блайя, которого взбунтовавшаяся команда бросила в открытом море на лодке с восьмидневным запасом воды и продовольствия: жажда мести помогла ему продержаться в море более сорока дней и выжить! Таким образом, здесь существовало явное недоразумение. Нельзя было утверждать: «В таких-то физических условиях можно выжить». Правильнее было бы говорить, пользуясь излюбленной математиками формулировкой, что «при прочих равных данных (а сюда входит влияние разума, под которым я подразумеваю мужество и надежду на жизнь) вполне возможно выжить, если существуют такие-то и такие-то физические условия».

Отправляясь от этого, я вернулся к статистике. Ежегодно пятьдесят тысяч человек погибает, уже находясь в спасательных судах. Неужели ничего нельзя сделать для их спасения? А если можно, то что?

Я принялся перечитывать легендарные рассказы о потерпевших кораблекрушение, но, судя по ним, всякая борьба казалась безнадежной, а всякая надежда бессмысленной.

2 июля 1816 года фрегат «Медуза» выбросился на песчаную отмель в ста восьмидесяти километрах от африканского побережья. Сто сорок девять человек — пассажиры, солдаты и несколько офицеров — разместились на сооруженном наспех плоту, который буксировали шлюпки. При загадочных обстоятельствах буксирный канат оборвался и плот понесло в открытый океан. На плоту было шесть боченков вина и две бочки пресной воды. Плот был найден всего через двенадцать дней, но в живых на нем осталось только пятнадцать человек. Десять из них были при смерти и умерли сразу после того как их взяли на борт.

14 апреля 1913 года трансатлантический пассажирский пароход «Титаник» столкнулся с айсбергом. Через несколько часов «Титаник» затонул. Первые суда подошли к месту катастрофы всего через три часа после того как пароход исчез под водой, но в спасательных шлюпках уже было немало мертвецов и сошедших с ума. Знаменательно, что среди тех, кто поплатился безумием за свой панический страх или смертью за безумие, не было ни одного ребенка моложе десяти лет. Эти малыши находились еще в достаточно разумном возрасте.

Подобные примеры подкрепили мое интуитивное убеждение, что моральный фактор играет решающую роль. Статистические данные, утверждающие, что 90 % жертв погибает в течение первых трех дней, следующих за кораблекрушением, сразу стали удивительно понятными. Ведь для того чтобы умереть от голода или жажды, потребовалось бы гораздо больше времени!

Когда корабль тонет, человеку кажется, что вместе с его кораблем идет ко дну весь мир; когда две доски пола уходят у него из-под ног, одновременно с ними уходит все его мужество и весь его разум. И даже если он найдет в этот миг спасательную шлюпку, он еще не спасен. Потому что он замирает в ней без движения, сраженный обрушившимся на него несчастьем. Потому что он уже больше не живет. Окутанный ночной тьмой, влекомый течением и ветром, трепещущий перед бездной, боящийся и шума и тишины, он за каких-нибудь три дня окончательно превращается в мертвеца.

Жертвы легендарных кораблекрушений, погибшие преждевременно, я знаю: вас убило не море, вас убил не голод, вас убила не жажда! Раскачиваясь на волнах под жалобные крики чаек, вы умерли от страха.

Итак, для меня стало совершенно очевидным, что множество потерпевших кораблекрушение гибнет задолго до того, как физические или физиологические условия, в которых они оказываются, становятся действительно смертельными.

Как же бороться с отчаянием, которое убивает вернее и быстрее любых физических лишений?

ПОДГОТОВКА

«Когда дело идет о спасении человека, лучше прямо говорить всю правду».

Конец сентября 1951 года. Жан Ван Хемсберген, один из моих соперников по заплыву через Ла-Манш, звонит мне и предлагает совершить морскую прогулку. Он хочет испытать новый тип спасательного судна. Сразу же после дежурства в госпитале я отправляюсь на берег и там он показывает мне резиновую надувную лодку, такую же, какой будет потом «Еретик», только поменьше. Кормовая часть этой подковообразной лодки замкнута доской.

В четыре часа пополудни мы пускаемся в испытательное плавание с подвесным мотором.

Погода стоит превосходная.

— А что если мы отправимся в Фолкстон? — предлагает мой друг. Я соглашаюсь. Мы ложимся на курс северо-северо-запад и плывем к маяку Южного Фуланда, проблески которого через регулярные промежутки времени указывают нам направление в наступившей темноте. К ночи поднимается ветер, море разгуливается. «Хич-Хайкер»¹ — так называется наша лодка — ведет себя восхитительно, и в 23 часа мы входим в английский порт. У меня нет паспорта, однако англичане во всем идут мне навстречу.

Тем временем погода окончательно испортилась и начался настоящий шторм, столь обычный для Северного моря. Несмотря на все доверие, которое мы питаем теперь к нашему суденышку, мы решаем отложить возвращение, пока не наступит затишье. В понедельник мы думали было выйти в море, но это оказалось чистейшим безумием. Приходится ждать.

Между тем погода не улучшалась. В госпитале должно быть начали всерьез беспокоиться за меня. Правда, я послал туда телеграмму, но все равно мне необходимо вернуться и приступить к работе, потому что мои дежурства окончатся только 1 октября.

¹ Хич-Хайкер (англ.) — человек, останавливающий на дорогах машины, чтобы его подвезли. — *Прим. перев.*

Наконец, во вторник, в 9 часов утра, несмотря на все уговоры друзей, мы покидаем фолкстонский порт. Море свирепствует по-прежнему. Выйти из порта настолько трудно, что мы начинаем колебаться. Однако возможность провести интересный опыт слишком соблазнительна. В самом деле, разве для кораблекрушения выбирают подходящую погоду? И разве в трех случаях из четырех терпящим бедствие не приходится плыть на утлых суденышках именно по такому вот бушующему морю?

Мы плывем, зарываясь носом в волны, и ждем, что мотор вот-вот захлебнется. Но нет, пока все великолепно. «Хич-Хайкер» идет своим курсом в полном одиночестве. Па-де-Кале, этот столь оживленный в обычное время морской перекресток, сегодня пуст. Много раз море готово было нас поглотить, но в 18 часов мы благополучно пристаем к берегу близ Виссана. Опыт удался!

На берегу нас ожидал человек, который в дальнейшем сделался моим меценатом. Это был известный специалист спасательный службы, голландец с открытым и честным взглядом, ростом в 1 метр 80 сантиметров, весом в 152 килограмма. Он обладал огромной силой убеждения и был очень набожным человеком. Во всяком случае такое впечатление он произвел на меня при первом знакомстве.

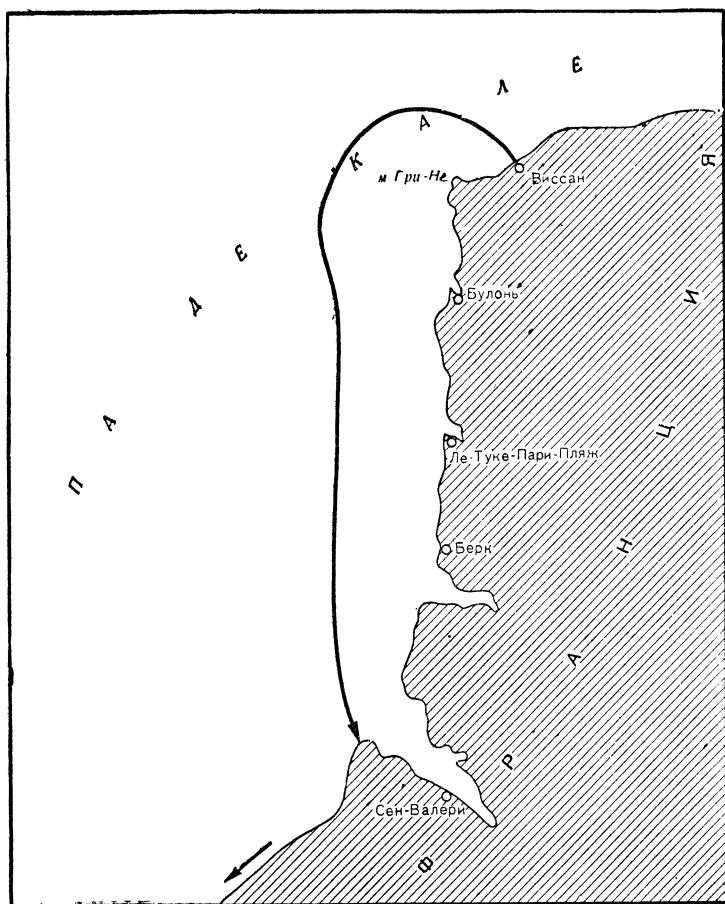
В тот день мы разговорились и были одинаково увлечены одной и той же идеей. Тут же он предложил мне стипендию, которая позволила бы мне провести лабораторные исследования, необходимые для подкрепления моей тогда еще только зарождавшейся теории о возможности сохранения жизни потерпевших кораблекрушение. Я должен был научно обосновать возможность найти все необходимое в океане, а затем мы отправимся втроем в море, чтобы на собственном опыте доказать свою правоту. Ибо только человеческий пример может излечить от отчаяния всех, кому может быть придется стать жертвами кораблекрушений.

Мне предстояло установить маршрут экспедиции. Всю материальную сторону дела наш меценат взял на себя. Мы решили, что нашим научно-исследовательским центром будет Океанографический музей в Монако. Отплытие было назначено на конец года.

Однако внезапный случай ускорил ход событий, и я приступил к своим опытам в качестве человека, который, подобно всем остальным, потерпел кораблекрушение помимо собственной воли.

* *
*

Прежде чем отправиться в Монако, Ван Хемсберген и я должны были побывать в Англии, чтобы присутствовать на свадьбе одной нашей близкой знакомой. Но в среду третьего

октября, когда мы вышли на нашей надувной лодке из Виссана, чтобы испытать новый подвесной мотор, этот мотор заглох в трех милях к северо-северо-западу от мыса Гри-Не, и мы начали дрейфовать. Так как мы рассчитывали провести только короткое испытание, у нас не оказалось с собой ни паруса, ни весел. Постоянный северо-северо-восточный ветер понес нас, и так мы плыли два дня и три ночи, не имея возможности приблизиться к земле. Берега Франции скрылись из глаз, но поскольку от устья Соммы линия побережья выдается в море на запад, мы особенно не волновались. Даже не видя берега, мы знали, что плывем параллельно земле и в конце концов причалим где-нибудь между Сен-Валери и Дьеппом. И вот в пятницу около 9 часов утра мы увидели траулер «Нотр-Дам-дю-Клержэ» и направились к нему, под-

няв вместо паруса чехол нашей надувной лодки: из больших затруднений обычно выпутываешься с помощью самых простых средств.

Этот урок не прошел для нас даром. В течение двух дней Ван Хемсберген не пил ничего. Я же, наоборот, чтобы умерить жажду, пил понемногу морскую воду, зная, что в малых дозах она не принесет мне ни малейшего вреда. Что же касается еды, то у нас не было ничего, кроме фунта масла, которое случайно оказалось в лодке и от которого только еще больше хотелось пить.

Едва поднявшись на борт траулера, мой товарищ осушает целый кувшин воды. Полагая, что я также хочу пить, я пытаюсь последовать его примеру, но уже после второго глотка останавливаюсь, потому что в сущности не испытываю жажды. Мне это просто показалось. Благодаря морской воде, которую я пил, в организме достаточно влаги и вода мне не нужна. Любопытно только лишний раз отметить, насколько сильно влияние психики на организм! Иной раз разум заставляет тело стремиться к тому, в чем оно в сущности совсем не нуждается.

Через три дня после этого я прочел в одной газете:

«Ален Бомбар умер голодной смертью! Труп найден близ Сен-Валери». Обо мне уже начали сочинять романтические истории! В действительности же два человека, которые едва ступив на берег, бросились на аэродром, чтобы захватить самолет, отлетающий на Тукэ, и поспеть в Англию к свадьбе, меньше всего походили на трупы. Но тут в дело ввязалась береговая охрана, и началось первое действие фарса, который я окрестил «Комическая интермедия». Этот фарс с самыми неожиданными эпизодами разыгрывался и в дальнейшем в продолжение всего моего плавания.

Итак, комическая интермедия.

Первое действие происходит в бюро, заставленном столами. На столах — горы бумаг. За одним из столов сидит морской офицер с пятью большими нашивками и орет во всю глотку. Я сижу перед ним словно школьник, который провинился, но не желает признавать свою вину.

— Известно ли вам, что вы подлежите суду Морского трибунала? Вы вышли из территориальных вод, не имея на то разрешения!

— Но ведь для мелких судов это не обязательно...

— Не обязательно! Но такие суда называются «пляжными», и нигде не сказано, что они могут выходить из территориальных вод!

— Но разве им запрещается плавать в открытом море?

— Этого тоже нигде не сказано!

— В таком случае...

Но офицер перебивает меня:

— Все равно, такие фокусы вам даром не пройдут! Я этого не допущу!

— Но ведь я был только пассажиром, и в лодке находился ее владелец! Это вы знаете?

— Я не желаю вам отвечать! О моем решении вам сообщат позднее!

На этом мы расстаемся, так ни до чего и не договорившись. Но судьба улыбнулась мне, как это случалось еще не раз во время подобных же комических интермедий. В приемной я сталкиваюсь с офицером в таком же чине, однако на сей раз это настоящий моряк, капитан Мопэу. Он раскрывает мне объятия и говорит:

— Поздравляю тебя, дорогой мой!

НАУЧНАЯ ПОДГОТОВКА

19 октября я прибыл в Монако и отправился в Океанографический музей с просьбой включить меня в число исследователей, располагающих своей лабораторией.

Меня принял заместитель директора господин Беллок, который позднее следил за моими опытами с неослабевающим интересом и всегда относился ко мне по-дружески. Благодаря ему мне в тот же день были созданы все условия для изысканий, и я сразу принялся за работу.

Прежде чем рассказывать о ней, необходимо кратко подытожить все, что было известно относительно кораблекрушений к тому моменту, когда я приступил к своим опытам. А также то, что считалось известным.

Есть два основных вида кораблекрушений: кораблекрушение береговое (вблизи земли) и кораблекрушение в открытом море. Из 200 тысяч ежегодных жертв морских катастроф немногим более половины погибает у самых берегов. Спасением этих людей занимаются самоотверженные спасатели из Общества помощи утопающим. В открытом море дело обстоит совсем по-другому.

Если 50 тысяч человек тонет ежегодно тотчас же после катастрофы, то что происходит с остальными 50 тысячами жертв, которым удастся попасть в спасательные лодки? В этом случае также возможны два исхода.

Я разделяю суда на два типа. Суда первого типа держат постоянную связь с землей; их радио не умолкает в продолжение всего рейса. К таким судам относятся пассажирские пароходы и крупные военные корабли. Если они идут ко дну, весь мир тотчас же узнает, в каком месте произошла катастрофа. Это место указывается с точностью до нескольких миль, и поэтому помощь приходит к ним очень быстро. Так, например, было с «Титаником». В подобных случаях достаточно, как говорят, «поддержать дух» потерпевших кораблекрушение, чтобы они спокойно ожидали подхода спасательных судов. Им нет надобности заботиться о пище и воде в течение длительного срока.

Но, кроме того, существует другой тип судов, которые держат с землей лишь периодическую радиосвязь, причем пере-
рывы между передачами довольно значительны — 6, 12, а то
и все 24 часа. После того как их радиосигнал был принят в
последний раз, такие суда проплывают значительные расстоя-
ния, и в случае катастрофы никто не знает, где именно она
произошла. Поэтому найти шлюпки с оставшимися в живых
невозможно. Так бывает со всеми судами, которые обычно на-
зываются «бродягами»: с большими траулерами, крупными
грузовыми пароходами и всякими рыбацкими судами. Своим
опытом я хотел оказать реальную помощь потерпевшим ко-
раблекрушению именно на таких судах.

Что предпринимается для их спасения сейчас? Я был
совершенно убит, когда узнал, что таких людей заранее счи-
тают погибшими. Самое большее, что для них делают — и то
лишь в особо благоприятных случаях, — это организуют деся-
тидневные поиски, которые практически ничего не дают, так
как на море не остается следов. По истечении 10 дней поиски
в соответствии с какими-то «нормами» нашей цивилизации
прекращаются. Полагают, что проведя десять дней в откры-
том море, никто из потерпевших кораблекрушение все равно
не останется в живых и искать их дальше совершенно бес-
смысленно. Подобная точка зрения обосновывается тем, что
ни человек, ни снаряжение в данных условиях якобы не мо-
гут выдержать дольше.

Необходимо было вернуть этим несчастным надежду. Одно
это спасало бы ежегодно тысячи людей, и тысячи вдов не
проливали бы над ними слезы. Ради этого стоило рискнуть
одной жизнью.

Итак, я принялся составлять подробную библиографию по
следующим вопросам:

- а) обучение людей на случай возможного кораблекру-
шения;
- б) поддержание жизни после кораблекрушения;
- в) рыбы и их строение;
- г) способы рыбной ловли;
- д) благоприятные ветры и течения.

Одновременно я начал проводить на себе лабораторные
опыты, пытаюсь тем, что может быть доступно потерпевшему
кораблекрушению. Ван Хемсберген, который присоединился
ко мне, занялся испытанием спасательных судов различного
типа.

Нужно было изучить все.

В течение шести месяцев я переходил от химического
анализа морской воды к исследованию видов планктона и
корпел над изучением строения рыб. В своих опытах я дол-
жен был исходить из того, что спасательная шлюпка снаб-
жена всеми необходимыми предметами лишь теоретически,

но на деле все, что могло из нее исчезнуть, исчезло в тот самый момент, когда эти предметы действительно оказались необходимыми.

В первый же день я нашел научное подтверждение своей мысли в только что вышедшем «Бюллетене друзей Океанографического музея». Это было небольшое сообщение, сделанное в Академии наук 17 декабря 1888 года самим основателем Океанографического музея князем Монако Альбертом I.

«Как видно из приведенных фактов,— говорилось в сообщении,— экипаж судна, оставшийся без провианта в северной части Атлантического океана, а также где-либо в другом море с умеренной или теплой температурой воды, вполне может избежать смерти от истощения, если будет располагать, хотя бы частично, следующим снаряжением:

1) одной или несколькими мелкими сетками размером от метра до двух на двадцатиметровом тросе, для вылавливания морской фауны и отцеживания саргасовых водорослей;

2) несколькими пятидесятиметровыми шнурами, оканчивающимися латунными поводками длиной в три браса¹ с большим крючком и искусственной наживкой для ловли тунцов;

3) небольшой острогой, сделанной из обломков, чтобы гарпунить морских окуней, и несколькими блестящими крючками, на которые окуни ловятся иногда даже без всякой наживки;

4) гарпуном для более крупных животных, которых привлекают обломки кораблекрушений.

Перечисленные мною предметы в большинстве случаев помогут мореплавателям с затонувшего корабля поддержать свое существование до подхода помощи».

Теперь следовало определить, какая пища и в каких количествах необходима человеку в подобных условиях, и доказать, что в любом случае море способно обеспечить его этой пищей.

Что может дать море в любой момент? Морскую воду, рыбу и планктон².

¹ Брас — старая морская мера длины, равная 162 см. Три браса равны т. о. 4 м 86 см.— *Прим. перев.*

² Планктон состоит из миллионов мельчайших, почти микроскопических существ, находящихся во взвешенном состоянии в любых водах как соленых, так и пресных. Он подразделяется на две основные группы: на зоопланктон, состоящий из животных микроорганизмов и рыбьих икринок, и на фитопланктон, или растительный планктон, состоящий из мельчайших водорослей. Биологическое значение планктона огромно. Достаточно сказать, что для китов, самых крупных из существующих ныне млекопитающих, планктон является единственной пищей.

Что касается состава морской воды, то в одном ее литре в среднем содержится ¹:

NaCl — 27,3 г
MgCl₂ — 3,4 г
MgSO₄ — 2,0 г
CaSO₄ — 1,3 г
KCl — 0,6 г
CaCO₃ — 0,1 г
H₂O — 965,3 г

Анализ рыб тех видов, которые должны были мне попа-
даться во время экспедиции, дал следующие цифры по трем
основным составляющим их элементам ²:

Название рыб	Количество воды в %	белки в %	жиры в %
Скат	82,2—76,8	24,2—18,2	1,6—0,1
Акула	68,0	15,2	16,0
Дорада	78,89—77,00	19,00—17,25	3,31—1,0
Брама ролл . .	78,90	18,42	0,34
Сардина . . .	78,34	21,00—16,3	12,00—2,0
Анчоус	76,19	21,92	1,11
Бонита	69,17—67,5	24,0—18,52	12,46—7,0
Морской окунь	79,94—77,00	19,96—18,53	2,50—0,84
Летучая рыба .	75,6	19,5	3,9
Макрель . . .	74,27—68,84	23,10—17,59	8,36—5,14
Тунец	58,5	27,0	13,00
Рыбья икра .	От 48,8 до 78,31	От 11,50 до 45,9	От 1,16 до 16,2

Что же касается планктона, то его состав, разумеется, гораздо разнообразнее. К тому же он гораздо меньше изучен. Поэтому я принялся именно за планктон, чтобы попытаться отыскать в нем те элементы, которых мне еще не доставало.

Я очутился в положении человека, которому дают материалы в самых ограниченных количествах и приказывают: «Постройте мне из этого дом!» И я построил.

Человеку прежде всего нужно пить. Каждый знает, что вода гораздо важнее пищи. Без пищи можно протянуть до тридцати дней, но если человека оставить совершенно без воды, то смерть неизбежна уже на десятый день.

Откуда же взять пресную воду? Довольно скоро я пришел к заключению, что ее мне даст рыба, причем в количестве, вполне достаточном. Приведенная выше таблица показывает, что от 50 до 80% веса рыбы приходится на воду. Именно эта влага и должна спасти меня от жажды, потому что в организме рыбы вода пресная.

¹ Согласно данным Jean Rouch, Traité d'océanographie physique Flammarion.

² По данным Creach, Les protides liquides du poisson.

Вам, наверное, приходилось есть рыбу, которую нерадивая хозяйка забыла посолить. Такая рыба совершенно безвкусна. И в самом деле, как показал в дальнейшем анализ, плоть рыбы содержит гораздо меньше соли, чем мясо млекопитающих. Правда, есть несколько исключений, к которым мы вернемся, когда речь пойдет о белках.

Итак, если удастся извлечь жидкость из рыбы, мне будет достаточно трех килограммов рыбы в день, чтобы полностью обеспечить себя водой, необходимой для поддержания жизни. Оставалось только извлечь эту жидкость. Но такая задача уже выходила за рамки лабораторных исследований.

Но что произойдет, если я ничего не буду ловить? Как мы увидим в дальнейшем, именно такова судьба потерпевших кораблекрушение в течение первых трех-четырех дней после катастрофы. Если человек не будет пить, на десятый день неизбежно наступит смерть от обезвоживания организма. И если даже он начнет через несколько дней получать свой нормальный водный рацион, этого будет уже недостаточно: такой рацион будет лишь поддерживать его на прежнем пониженном уровне, но не сможет дать ему то количество влаги, которое необходимо организму для нормального существования. Значит крайне важно именно в первые дни, когда нет рыбы, давать организму нормальное количество влаги. А для этого можно пить морскую воду.

Морская вода опасна — это знает буквально всякий. Если пить ее в больших количествах, это приведет к смерти от нефрита. Но как же тогда быть? Решение вытекает из простого ознакомления с химическим составом морской воды. Важнейшим ее элементом является хлористый натрий (поваренная соль). Ну что ж! Отныне я буду поглощать свой обычный дневной рацион поваренной соли, принимая ее с морской водой. Это позволит мне выпивать от 800 до 900 граммов соленой жидкости. Единственное, с чем придется считаться, это с концентрацией соли в организме. Необходимо, чтобы она не превышала возможностей мальпигиевых клубочков¹. Иными словами, соленую воду можно пить лишь в течение пяти дней, так как в дальнейшем употребление ее грозит привести к нефриту.

«Но как быть с другими растворенными в морской воде солями?» — могут спросить маловеры. И на это я могу ответить! В восьмистах граммах морской воды содержится:

— такое же количество магнезии ($MgCl_2$), как в одном литре минеральной воды Сали (3,4 г);

¹ Мальпигиевы клубочки представляют собой фильтры, через которые проходят соли в почках. В случае перенасыщения организма минеральными солями эта часть почек работает особенно напряженно. Вся сложность заключается в том, чтобы определить, сколько времени этот фильтр сможет работать безотказно.

— такое же количество сульфата магния ($MgSO_4$), как в одном литре минеральной воды Монмирэль (2 г);

— такое же количество сульфата кальция ($CaSO_4$), как в одном литре минеральной воды Контрексвиль (1,3 г);

— такое же количество хлористого калия, как в одном литре минеральной воды Бурбон (0,6 г);

— такое же количество углекислого кальция ($CaCO_3$), как в одном литре минеральной воды Виши «Гранд Грий» (0,1 г).

Таким образом, проблема воды была, по-видимому, решена.

Теперь я мог заняться пищей в собственном смысле этого слова.

Прежде всего необходимо было определить, какое количество сырой пищи могло дать нужное число калорий, разделенных по трем основным группам на белки, жиры и углеводы.

Таблица состава рыб ясно показывает, что с количественной точки зрения белков в рыбе более чем достаточно.

Но дело осложняется тем, что человеческий организм капризен: он нуждается в совершенно определенных веществах. Некоторые из них, например аминокислоты, ничем не могут быть заменены. Подобные вещества врачи называют динамическими. В человеческом организме их насчитывается десять¹. И рыбы должны были мне их дать все. Вот в каком количестве содержатся эти вещества в рыбах различных пород:

Название рыб	Аминокислоты в том порядке, в каком они даны в примечании к стр. 19									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Макрель	5,8	3,8	5,2	7,2	8,1	2,7	3,5	4,9	1,0	5,4
Сельдь	5,5	2,4	4,9	7,1	7,8	2,7	3,4	4,4	0,8	5,0
Сардина	5,1	4,7	4,6	7,2	8,4	2,8	3,7	4,3	1,0	5,2
Тунец	5,3	5,7	4,7	7,2	8,3	2,8	3,5	4,5	1,0	5,1
Креветка	9,4	2,2	5,3	8,5	8,5	3,4	4,5	4,1	1,0	5,1

Следует еще сказать, что мне нужно было опасаться некоторых вредоносных веществ: таких, например, как уреиды. Но они встречаются в больших количествах лишь у рыб из семейства хрящевых. Таким образом, следовало относиться с осторожностью к акулам и скатам.

Что касается жиров, то здесь нужно было выяснить лишь одно: есть ли в рыбах фосфорные жиры, т. е. жиры, содержащие фосфор. Да будет мне позволено, не останавливаясь на деталях, просто сказать, что такие жиры в изобилии встречаются во всех рыбах.

¹ Это: 1) аргинин, 2) гистидин, 3) изолейцин, 4) лейцин, 5) лизин, 6) метионин, 7) фенилаланин, 8) треонин, 9) триптофан, 10) валин.

Но затем передо мною возникла сложная проблема, великая проблема для врачей-диетологов. Что делать с углеводами? Как быть с сахаром? Их можно получить двумя путями: либо непосредственно в пище, извне, либо путем воспроизводства их в самом организме. Увы, на снабжение извне мне рассчитывать не приходилось! Где я найду в море сахар? Правда, он есть в планктоне, в частности в планктоне растительном. Но может ли человеческий организм усвоить углеводы в тех соединениях, в каких они содержатся в фитопланктоне?

Сахаристые вещества подразделяются на три основные группы:

1. Сахар, усваиваемый непосредственно. Обычно он называется сахар C_6 , так как его молекула представляет собой цепь из шести атомов углерода. К этой группе относится, например, глюкоза.

2. Сахариды или сахар C_{12} (двенадцать атомов углерода), такие, как сахароза: тростниковый сахар или сахар из свеклы. Сахариды не усваиваются непосредственно, зато они гидролизуются, т. е. молекулы их делятся пополам и образуют по две молекулы C_6 каждая.

3. Наконец, полисахариды, или сахар C_n . Здесь n обозначает число атомов углерода в молекуле, которое различно для каждого вида, но всегда очень велико. Такова целлюлоза, не расщепляющаяся, не гидролизующаяся с образованием некоторого количества сахара C_6 и неусваиваемая организмом. К несчастью, в планктоне содержится сахар только этой последней группы.

Правда, в печени рыб есть орган, вырабатывающий глюкозу. Но если я буду есть рыбью печень в больших количествах, я рискую заболеть самыми тяжелыми болезнями, которые вызываются избытком двух необходимых, однако опасных веществ: витамина А и витамина D. Оставалось одно — вырабатывать в собственном организме нужные мне углеводы из других веществ, которыми я буду питаться.

Такого рода синтез возможен и осуществляется вполне нормально, когда человек питается мясом и жирами. Но для этого организму требуется много воды. Я очутился в заколованном кругу. Ведь для того чтобы добыть воду, мне нужно было достаточное количество рыбы! Только опыт, поставленный на человеке, мог подсказать выход из положения. И единственное, что тогда поддерживало во мне надежду, это пример эскимосов. Шесть месяцев подряд в течение всей полярной зимы они питаются только мясом и жирами, пьют лишь солоноватую воду, полученную из растопленного льда, и тем не менее, по-видимому, не страдают опасными желудочно-кишечными расстройствами.

Кроме всего вышеперечисленного, человеческому орга-

низму необходимы, хоть и в количествах бесконечно малых, еще некоторые вещества. Речь идет о пресловутых витаминах. Они оказывают свое действие в самых ничтожных дозах, однако полное отсутствие витаминов приводит к серьезным заболеваниям, вызывает всякого рода авитаминозы. И наоборот, чрезмерное количество витаминов в организме становится причиной не менее опасных болезней. Человеку совершенно необходимы четыре витамина: А, В, С, и D. Без них он не может обходиться даже самое короткое время. Что же касается остальных витаминов, то их отсутствие ничем не угрожает человеку на протяжении довольно значительного срока.

Как известно каждому, рыбий жир содержит исключительно большое количество витаминов А и D. Не случайно в нормальных условиях эти витамины извлекают из рыбьей печени.

Точно так же в теле рыб содержится много витаминов В₁ и В₂. Зато в нем никогда не удавалось обнаружить витамин В₁₂, но я полагаю, что даже длительное отсутствие в организме этого вещества не очень опасно. Анемия, вялость, которую я испытывал в конце экспедиции, очевидно доказывает, что витамин В₁₂, играющий роль возбудителя, встречается в море лишь в самых ограниченных количествах.

Но и после того как все эти сложные проблемы были решены, оставалась еще одна, самая страшная для мореплавателей. Речь идет о цинге. Цинга вызывается резким нарушением обмена веществ вследствие недостатка витамина С, содержащегося в свежих фруктах, зелени, овощах и в растениях. Отсутствие витамина С ведет к цинге, очень опасной болезни, которой так страшились мореплаватели в старину.

Как же избежать этой опасности?

Я рассуждал следующим образом: животные подразделяются в этом отношении на две группы — одни вырабатывают аскорбиновую кислоту (витамин С) в своем организме, другие получают ее извне вместе с пищей. В частности киты, нуждаясь в аскорбиновой кислоте, получают ее извне. Но киты питаются только планктоном да мельчайшими рачками, обитающими в планктоне. Следовательно, я найду витамин С в планктоне. В дальнейшем химический анализ подтвердил это предположение.

Таким образом, я составил довольно полный рацион питания: у меня были витамины А, В, С и D, необходимые для жизни, а с точки зрения калорийности я располагал достаточным количеством белков и жиров. Итак, я отправился в путь лишь с одной нерешенной проблемой: хватит ли моего водного рациона на то, чтобы вырабатывать в организме необходимое количество углеводов? Вопрос, признаться, не праздный.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

Я заметил, что с помощью цифр мне довольно легко убедить в своей правоте специалистов, но зато моряки относились к этим цифрам гораздо сдержаннее. Стоило мне заговорить с кем-либо из них о своей работе, и я неизменно слышал один и тот же ответ: «Все это превосходно, но ведь это только теория! Пока вы сидите в своей лаборатории, все возможно! Другое дело в море. Нам-то это известно!»

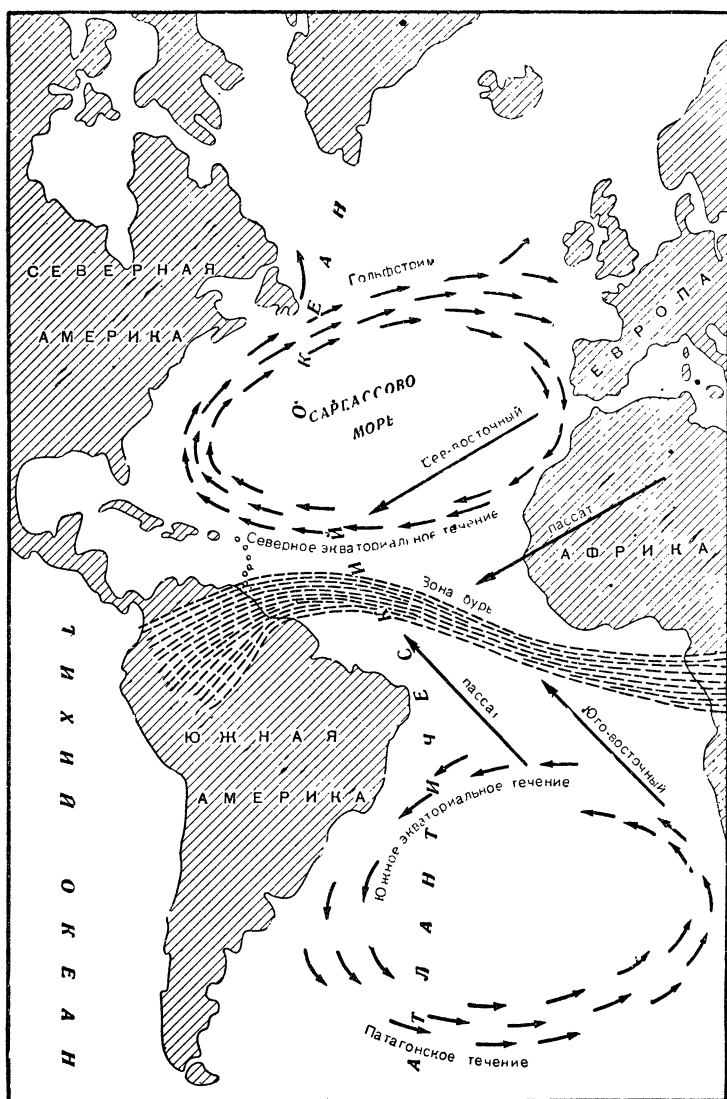
Итак, нужно было преодолеть самое сложное препятствие: нужно было убить это убийственное отчаяние, эту смертоносную безнадежность. Такая задача выходила за рамки проблемы питания, но если вода важнее пищи, то надежда для человека важнее и нужнее воды. Если жажда убивает быстрее голода, то отчаяние убивает гораздо быстрее жажды. «Помни, человек, ты прежде всего — разум!» Значит, нужно было прежде всего заняться разумом.

Кто обычно терпит кораблекрушение? Ученый или моряк? Врач или рыбак? Конечно, вторые. И вот я решительно свернул с протоптанной тропинки.

Необходимо было, чтобы моя теория перестала быть только теорией и начала приносить какую-то пользу. Но для этого нужно было испытать ее на человеке, нужно было отправиться в плавание.

Какой маршрут подошел бы больше всего в данном случае? Надо было изыскать способ, позволивший бы участникам этого опыта остаться одним в море на протяжении длительного периода — не менее месяца, но и не более трех. Нужно было выбрать такой путь, на котором течения и ветры наверняка донесли бы нас до берега и на котором во избежание соблазна нам не встретилось бы ни одно судно. И, наконец, этот маршрут должен был быть таким, чтобы мы смогли не только поразить воображение людей, но и доказать, что человек может жить в открытом море вдали от всех берегов.

И вот я погрузился в изучение так называемых «исключительных» плаваний, главным образом одиночных. Я не буду останавливаться на истории одиночных морских путешествий,

достаточно подробно описанных моим другом Жаном Меррьен¹. Скажу только, что изучение этих плаваний показало мне с достаточной ясностью, что для того чтобы привлечь к нашей экспедиции внимание, нужно пересечь океан, что для этого лучше всего избрать Атлантический океан, ко-

¹ Jean Merrien, Les Navigateurs solitaires (Denoël).— Жан Меррьен, «Мореплаватели одиночки», изд. Деноэль.

который позволит нам пробывать вдали от берегов столько времени, сколько нужно; и что для того чтобы наверняка доплыть до какой-нибудь земли приблизительно за два месяца, не встречая соблазнов на каждом шагу, нужно идти дорогой пассатов, иными словами, совершить еще раз второе и четвертое путешествия Христофора Колумба: Испания — Канарские острова — мимо островов Зеленого мыса к Антильским островам. Так мы оставляли в стороне главные морские пути: тот, который ведет к Северной Америке и Антильским островам, пролегает севернее, а тот, что ведет к Южной Америке, проходил южнее. Одновременно мы оставляли в стороне Саргассово море и зону бурь, где мы затерялись бы, не принося никому никакой пользы.

Занимаясь в Монако приготовлениями к экспедиции, я успевал одновременно делать массу дел. Целыми днями я просиживал в библиотеке, роюсь в каталогах и извлекая из них с помощью библиотекаря господина Комэ «запас пищи» на неделю вперед. Почти ежедневно я выходил в море на одном из судов Океанографического музея, на «Пизе» или на «Эйдере». И, наконец, я безустали выжимал влагу из самых разнообразных рыб, стараясь добиться наилучших результатов как с точки зрения вкуса, так и с точки зрения количества. В конечном счете я убедился, что для того чтобы добыть воду, рыбу лучше всего отжимать в самой обыкновенной давилке для фруктов.

Понемногу я знакомился с тем, что должно было стать моей пищей. Результаты оправдывали мои ожидания. К тому же лабораторные опыты все больше и больше подкрепляли мою теорию.

По какой-то счастливой случайности вокруг моего проекта не было почти никакой шумихи. Я полагаю, что этому способствовала добродушная ирония и благожелательный скептицизм большинства тех, кто о нем знал. Я мог работать спокойно. Но если уж говорить правду, то следует сказать, что по-настоящему верил в «это» я один.

Назначенные первоначально сроки нашего отплытия откладывались все дальше. Сперва предполагалось, что наш экипаж будет состоять из трех человек: ван Хемсбергена, нашего мецената и меня. Потом это число возросло до пяти, потом до шести человек. Вначале речь шла об обыкновенной спасательной лодке, а теперь наш распорядитель фондов настаивал на испытании какого-то совершенно невообразимого сооружения.

Я хочу остановиться на этой истории, которая сыграла немалую роль в том, что я превратился в «одинокого странствующего рыцаря»:

Наш меценат и так уж внес немало изменений в первоначальные планы. Но теперь, под предлогом того, что мы

должны отплыть на более подходящем судне, он решил воспользоваться катамараном. Это сооружение, разновидность полинезийского плота, состояло из двух узких лодок, соединенных между собой палубой, и в общем сильно смахивало на водяной велосипед, только вместо педалей и винта здесь двигателем должен был служить парус.

...Итак, он прислал нам «образец» такого катамарана, чтобы мы испытали его, совершив рейс до Корсики и обратно. Сработан он был вполне прилично... для прогулок вдоль пляжа, но только для подобных прогулок, не более.

Немало дней провозились мы с Жаном ван Хемсбергеном, снаряжая эту нелепую посудину. Один господь бог знает, как хохотали над нами местные жители!

Наконец, ясным утром в один из последних дней ноября нас выводят на буксире из порта. К 11 часам поднимается легкий бриз. Наш катамаран развивает довольно большую скорость, но на обратном пути одна из поперечных распорок ломается. Тем не менее все, казалось бы, должно было окончиться благополучно. Надо сказать, что оба поплавка сверху были открытыми, для того чтобы можно было в них сесть, как в каноэ. Стремясь испытать наше плавучее сооружение на устойчивость, мы не задраили отверстия и волны время от времени заплескивались в наветренный поплавок. Случилось то, что должно было случиться: внезапно вода захлестнула этот поплавок, и наш катамаран перевернулся. В этот момент мы находились в середине залива Монте-Карло. Ветер понес нас к мысу Мартен, где мы и выбрались на берег часов в 8 вечера. Я первым добрался до земли вплавь, а за мною — Жан ван Хемсберген, которого дотащил вместе с катамараном буксир. В довершение всего в это дело вмешалась полиция: я ободрал об острые камни мыса бедро, и кто-то уже успел сообщить властям, что в лесу бродит голый окровавленный человек.

Я не зря говорил о том, что прежде чем оказаться за бортом по своей воле, мне еще предстояло невольно испытать несколько кораблекрушений!

Этот случай должен был бы убедить нашего мецената, что идти дальше по такому пути совершенно бессмысленно. Но увы, вместо того чтобы отказаться от своей идеи, он принялся разрабатывать проект большого катамарана длиной в четырнадцать метров с кабиной и камбузом (!). Становилось все более очевидным, что наши цели и наши пути расходятся все дальше и дальше. В ответ на все мои скромные пожелания или возражения я слышал только одно: этой экспедиции необходимо придать международный характер; в плавание должно отправиться несколько судов сразу, и вообще торопиться некуда; и, наконец, это будет кругосветное путешествие! Все наши планы превращались в утопию. А главное, какое

отношение имели подобные прожекты к потерпевшим кораблекрушение?

Постепенно в моей голове укрепилась мысль, что мне нужно держаться наших первоначальных планов, все подготовить, а потом поставить своих попутчиков перед свершившимся фактом. Я говорил себе, что когда мои нерешительные коллеги увидят, что все уже готово, какое-то решение они примут, и экспедиция действительно состоится в тех примитивных условиях, которые для нее необходимы. Мне сообщили, что все будет подготовлено к маю — июню. Про себя я решил завершить к этому времени свои исследования и, когда прибудет снаряжение, отплыть во что бы то ни стало. Я надеялся, что наш великодушный друг не будет на меня в претензии.

К концу марта я в основном довел до конца свои исследования и теоретическую работу. Моим соседом по лаборатории был тогда доктор С. К. Кон из Ридингского университета, приехавший в Монако для изучения рачков «гамбаротти»¹. Он предложил познакомить меня со специалистами, которые могли бы сообщить мне некоторые недостающие сведения. Я отправился в Англию и благодаря доктору Кону, а также доктору Мэджи из Министерства здравоохранения встретился там с рядом представителей авиации и флота. Один из них, доктор Уитенгхэм, впоследствии стал моим другом. Эти люди уточнили, что именно их интересует, и в чем они сомневаются (если у них возникали сомнения). Что касается Уитенгхэма, то после встречи с нашим меценатом, он даже сам приехал в Монако. К сожалению, я дважды упустил возможность встретиться со специалистом по планктону профессором Кембриджского университета Мак Кэнсом и должен был покинуть Англию, так и не повидав его.

Моя непродолжительная поездка в Англию имела совершенно неожиданные последствия. На таможне в Кале один из служащих спросил меня:

— Ну что, опять поплывете через Ла-Манш?

Я рассмеялся и ответил:

— Ничего похожего! Теперь я поплыву через Атлантический океан!

Тогда он мне не поверил и тоже засмеялся. Но позднее, подумав, он сказал себе: «А почему бы и нет?» и сообщил об этом в редакцию одной английской газеты.

Таким образом, наш проект вскоре стал достоянием печати. Ко мне в мою лабораторию в Монако приехал журналист, а вслед за тем в газетах начали появляться статьи, зачастую грубо искажающие правду. Сам того не предполагая, я заварил такую кашу, по сравнению с которой кухня начинающего

¹ «Гамбаротти» — маленькие рачки зоопланктона, один из важнейших элементов пищи китов. Насколько мне известно, они появляются на поверхности моря только в районе между Ментоной и мысом Мартен.

алхимика показала бы детской шуткой. Преувеличениям не было числа. Заговорили о «первой премии музея имени Бомбара», о «профессоре Бомбаре» и т. п. Вся эта шумиха сильно смахивала на ярмарочную рекламу и начинала мешать моей работе. Но нет худа без добра! Зато теперь ко мне толпами хлынули добровольцы и я уже не опасался, что мне придется отправиться в плавание в одиночку.

Поскольку я рассчитывал плыть с Ван Хемсбергенем, нам оставалось найти еще одного попутчика, и тогда наш экипаж был бы укомплектован полностью. И вот однажды ко мне в гостиницу явился высокий рыжий англичанин, эдакий невозмутимый флегматик, и сказал, что поступает в мое распоряжение вместе со своим секстантом и судном. Это был Герберт Мьюир-Пальмер, гражданин республики Панама, более известный под именем Джека Пальмера. Превосходный моряк, он совершил на собственной десятиметровой яхте «Гермуана» переход от Панама до Каира через Атлантический океан. Когда это было, мне так и не удалось точно выяснить. Затем он вместе с женой отплыл из Каира и приплыл в Монако через Кипр, Тобрук и Мессинский пролив. В Монако он жил уже около года, оставшись без средств, как это частенько случается со многими путешественниками.

Я подробно рассказал ему о наших планах. Вдвоем или втроем мы должны на такой же лодке и в таких же условиях, в каких оказываются люди, потерпевшие кораблекрушение, остаться без пищи и без воды и доказать всему миру, что даже в этих условиях можно выжить. Он попросил у меня несколько часов на размышления, не желая ничего решать сгоряча. Затем он снова пришел ко мне и просто сказал:

— Доктор Бомбар, я ваш.

С каждым днем он становился мне все симпатичнее, и я искренне радовался этой «находке». Но пока мы находились еще на суше. Помимо своей воли, я не переставал себя спрашивать: «А что с ним будет, когда мы начнем голодать? Не набросимся ли мы друг на друга? Я знаю, как поведет себя Хемсберген, но Пальмер...»

Именно из этих соображений мы решили для начала сделать опыт в Средиземном море, вместо того чтобы сразу отплыть в океан из Танжера или Касабланки. Средиземное море, столь обманчиво напоминающее озеро, должно было стать нашим полигоном для испытания снаряжения и людей. Чем милосерднее оно будет к нам, тем большую службу оно нам сослужит. Так мы узнаем, что нас ждет впереди и будем готовы к встрече с Атлантическим океаном.

Возвратившись к своим первоначальным планам, я договорился с конструктором, изготавливавшим наш «Хич-Хайкер», чтобы он сделал нам такую же лодку, но только побольше. Однако переговоры затягивались.

Со всех сторон я получал более или менее серьезные предложения от желающих плыть вместе со мной. Журналисты не давали мне покоя.

Среди писем, которые я получал, попадались иной раз прелестные, иной раз совсем странные. Например, один предлагал взять его с собой из чисто гастрономических соображений: в случае неудачи экспедиции он заранее разрешал себя съесть.

Другой сообщал, что уже трижды безуспешно пытался покончить с собой и теперь просил взять его в экспедицию, полагая, что я изобрел самый верный способ отправиться на тот свет.

Третий предлагал мне в качестве пассажирки свою тещу, заклиная меня начать спасение утопающих с его семейства, которое идет ко дну из-за этого нежного создания.

А что сказать о тех, кто спрашивал меня, как им поливать морской водой цветы? Ведь я утверждаю, что она утоляет жажду! Или о тех, кто, не теряясь ни в каких условиях, старался всучить мне для испытания какое-то более или менее усовершенствованное снаряжение?

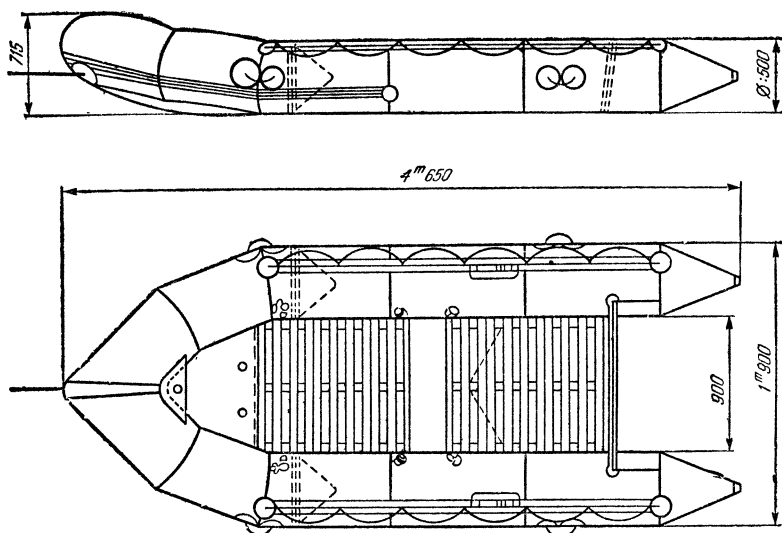
В четверг 15 мая мне позвонил по телефону Жан-Люк де Карбуччия, сделавшийся впоследствии моим верным другом. Он брался издать мою будущую книгу и предлагал подписать договор, благодаря которому окупались все экспедиционные расходы, и жена могла спокойно ожидать моего возвращения. В субботу 17 мая я приехал в Париж и после шумных переговоров с конструктором получил, наконец, лодку, которой суждено было носить имя «Еретика». Торжествуя, я вернулся в Монако вместе со своим трансатлантическим кораблем. Мы могли, наконец, выйти в море как раз тогда, когда многие начали сомневаться в том, что экспедиция состоится. Я вызвал телеграммами Ван Хемсбергена и нашего мецената. Последний прибыл накануне отплытия и заявил:

— Это самый прекрасный день моей жизни! Сегодня мой день рождения и сегодня день отплытия. Ван Хемсберген задерживается, но я его заменяю.

Мне пришлось ему долго доказывать, что со своими 152 килограммами он несколько осложнит наше плавание в столь хрупкой посудине и что он принесет нам гораздо больше пользы, если останется на суше и займется подготовкой следующего этапа экспедиции.

Теперь мы были готовы к отплытию, назначенному на 24 мая.

Конструктор, аэронавт Дебрутель в последний раз проверял в порту Монако нашу надувную лодку. Это была плоскодонка длиной в 4 метра 65 сантиметров при ширине в 1 метр 90 сантиметров. Она отвечала всем условиям, которые предъявлялись к судну в такой экспедиции, как наша. Эта лодка

представляла собою туго накаченную резиновую колбасу, изогнутую в форме вытянутой подковы, оконечности которой были соединены деревянной кормой. Благодаря такой корме мы могли не бояться, что наши лески или поводки перетрут резину; для надувной лодки это было бы губительно. На резиновом дне лежали легкие деревянные слани.

В лодке не было ни одной металлической детали. Боковые поплавки ее состояли каждый из четырех отсеков, которые накачивались и спускались независимо один от другого. Дальнейшее плавание показало, насколько разумно подобное устройство. Дно лодки было практически плоским. Неподвижно укрепленный брус, как хребет, делил лодку вдоль на две части, образуя небольшой килевой выступ, который при том же сопротивлении волнам увеличивал устойчивость лодки на море. Плоскодонка двигалась при помощи четырехугольного паруса площадью около трех квадратных метров. К несчастью, этот парус крепился на мачте, слишком далеко вынесенной вперед, что не позволяло нашей лодке идти против ветра. Тем не менее она могла совершать некоторые маневры благодаря двум выдвижным килям, укрепленным по бортам на уровне трети длины лодки, считая от носа. Эти две металлические пластины нужны были главным образом для причаливания к берегу.

Теперь оставалось только получить разрешение на выход в море. Могут подумать, что это было пустой формальностью. В действительности же дело обстояло совсем по-другому, и был момент, когда я не без оснований опасался, что наша экспедиция не состоится из-за отсутствия этого разрешения. Всего

за несколько дней до отплытия я с изумлением узнал, что суд в департаменте Нор заочно приговорил меня к штрафу в две тысячи франков за нарушение правил навигации в открытом море. Я немедленно сел в поезд и выехал, чтобы опротестовать это решение и оправдаться.

Второй акт того, что я называю «Комической интермедией», разыгрался в торжественной обстановке уголовного суда. Меня обвиняют в том, что я без разрешения воспользовался для плавания в открытом море судном, фигурирующим под названием «прогулочной лодки».

Я прошу слова:

— Господин судья, прежде всего меня удивляет тот факт, что к ответственности привлекли одного меня, хотя я был всего лишь пассажиром лодки, которой управлял ее владелец. С другой стороны, я хочу спросить: получил бы я тогда разрешение на плавание в открытом море, если бы стал о нем ходатайствовать?

— Никто не стал бы вам запрещать такое плавание или давать подобное разрешение. Оно не обязательно.

— В таком случае...

Но тут, как чертик из коробки, выскакивает господин помощник прокурора. До сих пор он не раскрывал рта, но зато теперь разражается громовой речью, исполненной желчи.

— Я считаю своим долгом обратить внимание суда на то, что обвиняемый представляет собой угрозу обществу. Своим пагубным примером он может увлечь за собой и привести к гибели многих молодых людей. Он был приговорен заочно к двум тысячам франков штрафа. Но в действительности он совершил аналогичный проступок дважды, и поэтому я настаиваю, чтобы сумма штрафа была удвоена!

— Господин судья, я в настоящее время подготавливаю экспедицию, которая, по-видимому, будет иметь мировое значение. Я прошу вас ради себя и ради вас самих оправдать меня.

— Как известно суду, обвиняемый прибыл из Монако. А оттуда недалеко и до Марселя¹. Он веселый шутник: вся эта экспедиция существует лишь в его воображении.

После этого суд удаляется на совещание и приговаривает меня условно к двум штрафам по тысяче франков каждый со следующей формулировкой: «За нарушение правил навигации в открытом море, выразившееся в том, что обвиняемый использовал для плавания в открытом море прогулочную лодку». Для подачи апелляции у меня уже не оставалось времени, и я вернулся в Монако.

¹ Марсельцев во Франции считают завзятыми шутниками и выдумщиками.— *Прим. перев.*

В Монако у меня произошла одна несчастная встреча, которая едва не сорвала всю экспедицию.

Ко мне явился довольно представительный мужчина лет тридцати, по виду типичный американский репортер. Со свойственной некоторым журналистам стремительностью и фамильярностью он принялся меня интервьюировать и вдруг спросил:

— А у вас есть радиопередатчик?

— Нет.

— Нет? Дорогой мой, благодарите бога, что вы встретились со мной! Я вам достану передатчик.

И пока я с изумлением смотрел на моего неожиданного благодетеля, еще не решаясь верить своим ушам, он продолжал:

— Мы очень интересуемся вашим опытом. Знаете ли вы, что установка приемника-передатчика на посудине вроде вашей выдвигает целый ряд сложных технических проблем? Мы хотели бы их разрешить, разумеется, с вашей помощью. Вы согласны? Вам нравится такой проект?

Я бросился пожимать ему руку, всячески выражая свою признательность.

— Добейтесь от властей княжества разрешения на передачи. Это самое сложное. Как только у вас будут свои официальные позывные, мы к вам приедем.

— Но... в таком случае мне хотелось бы получить аппаратуру как можно скорее. С ее установкой придется, по-видимому, повозиться.

— Доверьтесь нам во всем.

И с этими словами он отбыл.

Вне себя от радости я обратился с заявлением к властям княжества Монако, попросив ускорить дело. Разрешение я получил на руки 23 мая, но поскольку благоприятный ответ был мне дан заранее, я смог сообщить о нем моему репортеру уже 20 мая.

За четыре дня до этого, 16 мая, я был в Париже и рассказал там обо всем Жану-Люку. Я ожидал безудержных восторгов, но он отнесся к этому делу сдержанно.

— Знаешь ли ты, какие трудности связаны с подобной установкой? — спросил он меня. — Знаешь ли ты, что для того чтобы с помощью слабенького приемника-передатчика поддерживать связь через океан за три тысячи километров, нужно быть настоящим радиотехником или по крайней мере опытным радиолюбителем?

По правде говоря, я и сам об этом подумывал. Я даже предупредил моего репортера, что ничего не смыслю в радио.

— Тем лучше! — ответил он мне.

Посеяв в Париже тревогу, я уехал. А Жан-Люк после дол-

гих раздумий отправился к Жану Феррэ из Французского объединения радиолюбителей и обратился к нему за советом.

Тем временем я был преисполнен доверия. Тогда я еще не знал, что мне придется обойтись без радио. Но я об этом не жалею: во всяком случае я получил взамен двух верных друзей.

22 мая. Жан Феррэ звонит мне из Парижа. Его возмущение может сравниться только с его неутолимой любопытством:

— Какие лампы стоят в вашем аппарате? Какой тип антенны? Какой источник энергии? На каких волнах вы будете работать? Какой у вас приемник?

Смущенный собственным невежеством, говорю в ответ:

— Я им доверяю.

— Но известно ли вам,— спрашивает он меня,— что даже профессионалам требуются месяцы предварительной подготовки для разрешения подобной проблемы? Известно ли вам, что даже нам, любителям, привыкшим обходиться самыми скромными средствами и работать в самых неподходящих условиях, требуется по крайней мере две недели на установку и наладку уже готовой аппаратуры? Сегодня 22 мая. Вы хотите отплыть 24-го. И у вас еще ничего нет? Вы просто сумасшедший!..

И он вешает трубку.

Я тотчас же звоню моему радиорепортеру:

— Поспешите! Я отплываю двадцать четвертого...

— Дорогой доктор, мы это знаем. Доверьтесь нам.

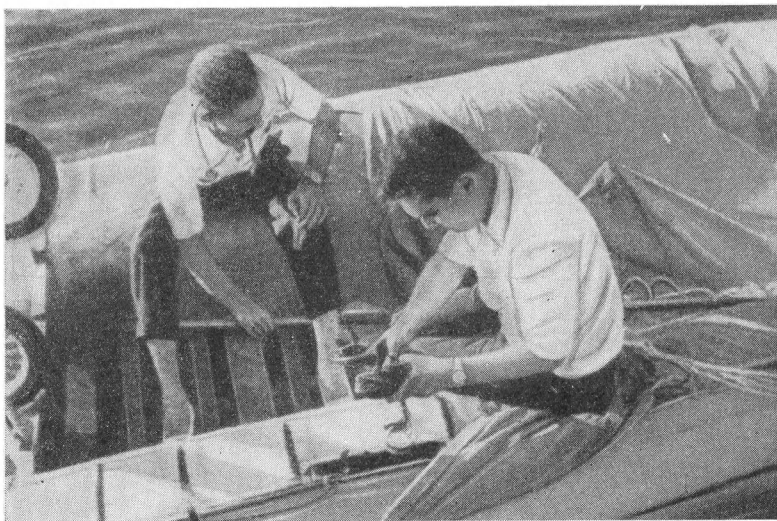
23 мая я встречаю на перроне вокзала Карбуччия и Феррэ. Последний вместо приветствия потрясает перед моим носом листом бумаги, на котором отпечатано на машинке:

«Президент Французского объединения радиолюбителей откомандировывает г-на Жана Феррэ F 90v¹ в распоряжение доктора Бомбара с тем, чтобы он изучил совместно с ним все технические вопросы радиосвязи во время его экспедиции. Г-н Феррэ должен держать доктора Бомбара в курсе всех мер, принятых для того, чтобы провести этот опыт, представляющий для радиолюбителей первостепенный интерес как с технической, так и со спортивной точки зрения.

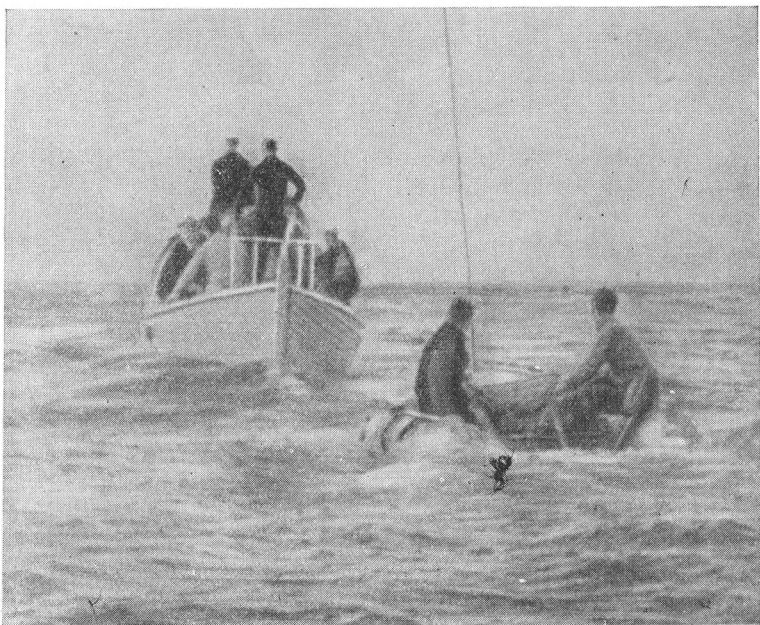
Подпись: *Маршвиль F 8 NH*».

Такой оборот дела меня удивил. Тогда мне объяснили, что мой случай был исключительным. В самом деле, подобного опыта не проделывали еще никогда. Следовательно, моя аппаратура должна была представлять собой шедевр технической мысли, прежде всего с точки зрения идеальной изоляции

¹ Каждый радиолюбитель получает от Главного радиоуправления свои позывные. Французские позывные начинаются с буквы F. Позывные монашеских радиолюбителей начинаются шифром ЗА9.

Последние приготовления перед отплытием из Монако

«Еретик» на буксире во время отплытия из Монако

Техника потрошения рыбы и извлечения из нее сока

от воды и конденсирующейся влаги, причем такой изоляции, которая не загромождала бы и не утяжеляла мою лодку. Далее, такая аппаратура должна была иметь безотказный источник питания и работать при любой антенне на всех волнах. Для подобного приема и передачи нужно было либо самому быть опытным радиостом, либо обладать чрезвычайно сложным приемником-передатчиком...

— А знаете ли вы,— не унимался Жан Феррэ,— что из-за нерегулярности распространения коротких волн вам придется, чтобы обеспечить связь, проходить весь диапазон от десяти до сорока метров? В определенные часы невозможно услышать даже передатчик мощностью в сто тысяч ватт, а в вашем их самое большее десять!

Оставался только один выход: привлечь к этому делу радиолюбителей. Может быть они с их умением ловить и разбирать даже самые слабые позывные сумеют меня услышать. Ведь на земном шаре их целых двести тысяч! Предупрежденные французскими радиостанциями двести тысяч любителей будут слушать меня день и ночь.

Я не знал, как мне выразить свою признательность этим двумстам тысячам добровольцев, которые будут безотрывно следить за моими сигналами.

— Хм, для того чтобы убедиться, будет ли им за чем следить, я должен сперва осмотреть вашу аппаратуру!

Я снова бросаюсь к телефону. С другого конца провода мне отвечают:

— Не волнуйтесь, все будет на месте. Мы приедем завтра утром.

Тогда Жан Феррэ сам садится к телефону:

— Знаете ли вы, какие трудности вас ожидают?

— Конечно.

— На какую антенну вы рассчитываете?

— Антенну мы прикрепим к мачте.

— Да ведь у «Еретика» мачта всего в два метра высотой! С такой антенной ни один передатчик не сможет работать.

— ???

— Может быть вы остановитесь на антенне, привязанной к шару-зонду или на металлической раздвижной?

— Конечно, конечно!

— А какой у вас приемник?

— Об этом можете не беспокоиться.

— А рабочая волна?

— Десять мегациклов (тридцать метров).

Эти сведения были тотчас переданы по телеграфу господину Маршвилю, президенту французского радиовещания. Он ответил немедленно: «30 метров рабочая волна WWV точка. Ничего не понимаем».

Мы понимали еще меньше. WWV вашингтонская радиостанция Национального информационного центра заполняла весь эфир своими сигналами, и моему несчастному аппарату никогда не удалось бы пробиться сквозь эти мощные передачи, звучащие на той же волне.

Снова звоним по телефону и снова слышим в ответ:

— Ни о чем не беспокойтесь.

Пятница 23 мая. В Монако прибыл представитель фирмы.

— Я послан, чтобы все подготовить,— заявляет он.— Аппаратуру доставят завтра.

Мы растолковываем ему, как обстоит дело. Пораженный, он восклицает:

— Ну, знаете, это номер!

У нас не хватило сил даже улыбнуться ему в ответ.

Окончательно убедившись, что из этой затеи ничего не выйдет, я уже хотел позвонить еще раз, от всего отказаться и заявить, что отплываю без радио. Меня удержала одна мысль. А что если они в самом деле все подготовили и я сведу на нет все их усилия?

Пятница. Уже полдень. И все еще никого и ничего. Моя жена встревоженно спрашивает Жана Феррэ:

— Как вы думаете, мы с Аленом сможем переговориваться?

Он не отвечает ни слова. Наш добрый друг мечется, словно лев в клетке. Он думает о сотнях часов, необходимых любителю для откладки приемника-передатчика, и о той работе, которую необходимо проделать радиотехникам для установки аппаратуры. А ее все еще нет.

Раздается телефонный звонок. «Мы сейчас приедем!» 15 часов, 16 часов, 17 часов. Любители Монако и Ниццы просто потрясены легкомыслием швейцарских радиотехников, которым мы полностью доверились.

24 мая. Отплытие по-прежнему назначено на 15 часов. В 11 часов группа радиотехников, наконец, прибывает в Монако. Как они ухитрились потратить целых четыре часа на то, чтобы проехать всего пятьдесят километров?

Представитель радиостанции устремляется к Жану Феррэ.

— С кем я могу договориться о закреплении за нами исключительного права?

Жан смотрит на него, ничего не понимая. Исключительного права? Какого исключительного права? Ведь речь идет о том, чтобы помочь двум «потерпевшим кораблекрушение», которые рискуют своей жизнью, чтобы спасти жизнь другим!

— Я говорю о предоставлении нам исключительного права на трансляцию ваших радиопередач. Вы сейчас поймете. Если у меня будет исключительное право на эти передачи, я смогу их продать Би-Би-Си, а может быть даже американцам!

Пока они разговаривают, я осматриваю аппаратуру. Передатчик представляет собой голую схему, собранную на панели. Она ничем не прикрыта. Такие схемы даже в радиомастерских ставят на стол с бесконечными предосторожностями. Приемник — самый простой, батарейный, какой можно купить, где угодно. Только генератор действительно хороший.

— А где антенна? — спрашиваю я.

— Знаете, мы ничего не успели сделать. Но вы будете пользоваться антенной, привязанной к воздушному змею.

В полдень Жан собирает всех нас в гостинице.

— От имени Французского объединения радиолюбителей, которое поручило мне высказать вам мое мнение, я утверждаю, что с подобной аппаратурой никакая связь между вами и землею невозможна, потому что:

во-первых, эта аппаратура не защищена от морской воды; во-вторых, нужно быть специалистом-радиотехником, чтобы ею пользоваться. При первом же порыве ветра, при первой же неисправности, если даже просто оборвется антенна, вы ничего не сумеете сделать. Аппарат выйдет из строя. Мы будем думать, что вы погибли и терзаться неизвестностью;

и, наконец, в-третьих, ни Бомбар, ни Пальмер не знают азбуки Морзе. А передатчик рассчитан только на морзянку.

В ответ на это радиотехники заявляют:

— Дорогой доктор, не беспокойтесь ни о чем! Главное, не слушайте этого молодого человека! У него, конечно, самые добрые намерения, но у него нет опыта. Доверьтесь нам! Мы обо всем позаботимся.

Мои друзья совершенно убиты. Жена умирает от волнения. Мы с Пальмером держим военный совет.

Теперь я знаю, что радио работать не будет. Ну и пусть! Месяц тому назад я о нем даже не думал. У потерпевшего кораблекрушение не бывает радио. Нужно плыть.

Но поскольку ветер неблагоприятный, мы сможем отплыть только на следующий день. Таким образом, у радиотехников еще будет в запасе двадцать четыре часа.

Я никогда не забуду последних слов моего журналиста, проводившего радиорепортаж с борта катера, который должен был вывести нас в море 25 мая:

— Мы будем вас запрашивать по радио! Отвечайте так: точка — да, тире — нет. Прощайте, доктор! Точка — да, тире — нет, точка — да, тире...

* * *

*

Здесь я хотел бы рассказать о последнем дне перед отплытием. С того момента как печать заинтересовалась нашей экспедицией, число любопытных и журналистов непрерывно возрастало. Вскоре я полностью постиг все тайны моментальной фотографии, в которой каждый воображает, что именно он

первый отыскал самый лучший ракурс. В течение последних недель репортеры буквально осаждали меня, и я уже не мог больше работать. Но в день отплытия началась настоящая ярмарка. Я не мог пройти по улице с женой без того, чтобы какой-нибудь незнакомец не подбежал ко мне со словами:

— Не будете ли вы так добры обнять мадам Бомбар?
Я вас сниму!

Шумиха, поднятая вокруг экспедиции, создавала неблагоприятную атмосферу для отплытия. Разумеется, печать должна осведомлять читателей обо всем. Но не менее верно и то, что большинство читателей интересуется не столько фактами, сколько оригинальными анекдотами. Случилось так, что газеты, идя навстречу своим читателям, многих ввели в заблуждение относительно целей нашей экспедиции, а в глазах некоторых и вовсе ее опорочили. На первый план была выпячена «сенсационность» нашего плавания. Но при этом совершенно забыли основную цель, к которой мы стремились, выходя в Средиземное море: мы хотели просто-напросто испытать людей и снаряжение. Создалось такое положение, при котором малейшее, даже кажущееся отступление от того, что мы говорили, и — что еще страшнее! — от того, что нам приписывали, могло навсегда дискредитировать всю экспедицию. Никто не желал считаться с тем, что каждое испытание начинается на ощупь и требует многих попыток. Помимо нашей воли, нам навязали ореол славы... в отделе происшествий. В действительности же, как я уже говорил, Средиземное море было для нас только репетицией, и ничем иным быть не могло. И тем не менее при любой неудаче нас предали бы анафеме.

Чрезмерный интерес прессы к нашей экспедиции таил в себе еще одну опасность. Ведь весь этот опыт с начала и до конца противоречил общепринятым нормам. С точки зрения так называемого здравого смысла это была сплошная ересь.

Я считался еретиком по многим причинам. Во-первых, потому, что мы хотели доплыть до заранее определенного пункта на лодке, которую все признавали неуправляемой и непригодной для такого плавания. Эта первая ересь непосредственно затрагивала судостроителей и моряков. В самом деле, многие специалисты уверяли нас, что мы не уплывем дальше Йерских островов. Но гораздо страшнее была вторая ересь, которая заключалась в том, что я ломал общепринятые представления, утверждая, что человек может жить одними дарами моря и пить соленую воду. И, наконец, третья ересь, о которой в одной «серьезной» газете было сказано следующее: «Даже опытные моряки на кораблях не считают, что они всегда могут справиться с бушующим морем, ветрами и течениями. И в то же время какой-то новичок без колебаний до-

веряет свою жизнь и жизнь своего товарища обыкновенной ореховой скорлупке, которая не была даже осмотрена морским инспектором!»

После всего этого я дал нашей лодке имя «Еретик».

К счастью, нас поддерживало немало авторитетных людей. Благодаря личному вмешательству господина Жана Гавини, заместителя министра военно-морского флота, я получил разрешение на плавание в открытом море. Теперь «Еретик» мог плыть под французским флагом до самых берегов Америки.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

ОТПЛЫТИЕ

С самого раннего утра мы собрались в маленьком порту Фонвеей. Журналисты тотчас же набросились на нас с расспросами. Я ответил им, как мог, и принялся за осмотр снаряжения, уложенного в надувную лодку.

Толпа уже начала собираться, хотя отплытие было назначено на три часа пополудни: в это время обычно бывает более сильный ветер. Группа техников работает не покладая рук над установкой радиоаппаратуры. Им помогают добровольцы, радиолюбители Монако и Ниццы.

Часа в два прибывает нотариус и запечатывает герметические банки с неприкосновенным запасом: этот запас предназначен на тот случай, если расчеты на чисто морской рацион питания не оправдаются. Пробившись сквозь толпу фоторепортеров, которые меня осаждают, внезапно появляется представитель Океанографического музея и сообщает мне, что ни одно судно музея не сможет отбуксировать нас в открытое море ни в субботу, ни в воскресенье.

Здесь нужно раз и навсегда объяснить одну вещь. Наша надувная лодка не могла идти против ветра. Для того чтобы сделаться потерпевшими кораблекрушение, нам нужно было отойти как можно дальше от берега, потому что иначе встречный ветер сразу же вынес бы нас на сушу. А чтобы этого избежать, необходимо было, чтобы нас отбуксировали, как плот Кон-Тики, миль на десять от берегов.

К счастью, в тот день в порту стоял американский крейсер, капитан которого смог предоставить нам один из своих быстроходных катеров.

Толпа с каждым часом становилась все многочисленнее. Но тут поднялся юго-западный ветер, и если бы мы отплыли, нас выбросило бы обратно на берег в самый короткий срок. Все зрители, разумеется, с нетерпением ждали, когда же мы, наконец, выйдем из порта. Но поскольку капитан американского крейсера согласился отбуксировать нас в море на рассвете следующего дня, мы решили отложить отплытие. Джек полагал,

что завтра ветер будет нам благоприятствовать. Местные метеорологи предсказывали то же самое и, как ни странно, на этот раз не ошиблись.

Когда провожающие узнали о том, что отплытие откладывается на завтра, многие зрители и даже некоторые журналисты, обозленные бесцельным ожиданием, принялись ругаться, обвиняя нас в мистификации. В этот момент ко мне подошел здоровенный, похожий на ковбоя детина в широкополой шляпе.

— Послушай, малыш, — сказал он, — один добрый совет! Мне такие штуки знакомы по Южной Америке. Главное, не глупи. Если твой компаньон загнется, не вздумай его выбросить за борт. Съешь его! Сожрать можно все. Я сам жрал даже акулье мясо.

— Спасибо, я воспользуюсь твоим советом.

— И подумать только, что ты долгие месяцы будешь хихикать над всеми, а здесь на земле они будут все это время проливать о тебе слезы!..

После этого я отправился к себе в гостиницу, чтобы хоть немного отдохнуть.

В 4 часа 30 минут утра мы уже снова были в порту. Толпа провожающих сильно поредела. Остались только наши преданные друзья. Атмосфера становится все более напряженной, и отплытие как-то сразу приобретает реальный характер. «Ярмарка» кончилась. Теперь речь идет всерьез о начале долгого и трудного плавания. Постепенно во мне крепнет уверенность: мы отплываем, экспедиция начинается.

Нас провожают немногие: Жинетта (моя жена), Жан, Жан-Люк, несколько репортеров и швейцарские радиотехники. Джек и я выпиваем по последней чашке кофе с молоком и заказываем по последнему бутерброду с ветчиной. Но когда через несколько минут нам приносят бутерброды, мы от них отказываемся. Мысленно мы уже начали наше трудное путешествие. Какая в сущности разница, перестанем мы есть сейчас или через несколько часов! Если бы мы знали, сколько раз нам еще придется вспоминать об этих не съеденных бутербродах во время ожидавшего нас многодневного поста!

Пять часов утра! Ровно в пять с точностью, свойственной всем военным морякам мира, американский катер с крейсера входит в наш маленький порт. Им командует сам капитан, одетый, несмотря на ранний час, в парадную форму. Все уже готово. Джек и я молча усаживаемся в «Еретика». Нам трудно говорить: с самого утра мы еще не обменялись ни словом.

— Готово? — кричит нам капитан.

— Да.

— Пошли!

И катер неторопливо ведет нашу лодку в ожидающее нас открытое море. Мы сидим на бортовых поплавках друг против друга, свесив ноги внутрь.

Море скоро начинает волноваться, и мы получаем представление о том, что такое плохая погода. Волна идет короткая, злая, с неправильными интервалами; гребни то и дело внезапно сталкиваются, усиливая волнение. Катер ныряет носом и валится с борта на борт. Однако наша надувная лодка, несмотря на волны, сохраняет равновесие, в котором я вижу залог нашей безопасности. Она обладает тем, что в физике называется «идеальной устойчивостью на плоскости». «Еретик» спокойно идет через волны, не испытывая ни килевой, ни бортовой качки. На американском катере все вынуждены цепляться за что попало, чтобы удержат равновесие: сигнальный колокол на нем раскачивается из стороны в сторону и время от времени слышится звонкий удар. А мы с Джеком сидим и спокойно машем руками, прощаясь с провожающими.

С самого начала плавания «Еретик» продемонстрировал свое превосходство над судном-ортодоксом.

Стоя на катере, Жинетта делает героические усилия, чтобы улыбнуться. Несмотря на то что солнца не видно, она в темных очках, но и они не могут скрыть ее слез.

В нескольких сотнях метров от берега к нам присоединяются еще два-три судна. Наше первое отплытие уже приобретает характер праздника. Правда, на этот раз праздника довольно скромного. Лишь позднее, с каждым новым этапом нашего плавания торжествующий «Еретик» стал приобретать все новых и новых приверженцев. А в тот день нас еще мало кто знал и мало кто понимал.

Мы еще отвечаем улыбками на улыбки провожающих, машем руками в ответ на их прощальные возгласы и в то же время чувствуем оба, и Джек и я, что мы уже далеки от них, очень далеки. Мы уже не принадлежим к их сухопутному миру, а составляем одно целое с нашим хрупким суденышком, в котором для нас на протяжении многих дней воплотится вся вселенная.

На море появляются белые барашки. Скоро их бесчисленные стада станут нашими единственными спутниками.

Сквозь водяную пыль, которая начинает нас окатывать с головы до ног, доносится звон колокола с катера. Джек подает знак и буксирный трос падает в воду. Последнее прощание. Хоровод судов с журналистами описывает вокруг нас еще один круг. Мы продолжаем машинально махать им руками. Но человеческие существа, сами не зная этого, уже стали для нас чужими. Мы отдалены от них необычностью нашего плавания, и эта преграда непреодолимее, чем стена. Да, это так! Это ощущение вдруг охватывает нас с непреодолимой силой внезапно и непреложного откровения: мы и люди отделены друг от друга! Наша жизнь в море уже стала гораздо реальнее, гораздо осязательнее и гораздо важнее всех отношений с этими существами, хоть они и находятся еще совсем непода-

леку от нас. Единственные слова, еще не потерявшие смысла, которые мы можем сейчас им сказать, это просьба: «Уплывайте же, уплывайте!». Нам хочется прокричать им эти слова, но мы не произносим их даже шепотом.

Постепенно все суда удаляются. И вот мы, наконец, совершенно одни, среди чуждой нам стихии, на поверхности которой нас поддерживает жалкий поплавок. Я почувствовал приближение страха, страшного врага, пытавшегося не раз сломить меня за последние семь месяцев. Он внезапно обрушился на нас, словно исчезновение последнего судна за линией горизонта расчистило ему дорогу. Но на сей раз это была лишь царапина по сравнению с глубокими ранами, которые страх наносил мне впоследствии. Потом нам еще пришлось испытать страх, настоящий страх, а не эту мгновенную тревогу, вызванную отплытием. Настоящий страх — это паника тела и души, обезумевших в схватке со стихией, когда кажется, что вся вселенная неумолимо ополчилась на тебя.

Резкие порывы ветра усиливались. Тучи закрывали от нас все еще спящую землю. Можно было различить только вершину горы «Собачья Голова» и гребень итальянской части хребта Бордигера.

Катера исчезли вдаль: лишь белые полосы пены еще видны на воде. Мы остались одни, лицом к лицу с тем неведомым, к которому мы стремились. Мы так часто думали об этом одиночестве, что сейчас оно показалось нам драгоценным подарком, о котором мы мечтали долгие годы и который, наконец-то, получили. Вода, ветер, плеск волн — все было на месте! До сих пор не хватало только нас. Но теперь, когда мы, наконец, прибыли на это странное свидание с неизвестным, круг замкнулся. Теперь все как будто бы было в порядке.

ПЛАВАНИЕ ВБЛИЗИ БЕРЕГОВ

(25—27 мая 1952 г.)

Сначала мы с Джеком молчим. Это молчание давит нас невыносимо. Мы чувствуем гнет грядущего, еще не известного, но неотвратимого.

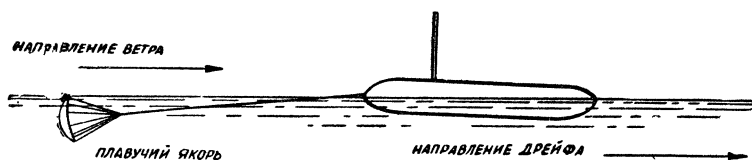
Мы не стали сразу поднимать парус. Опасаясь, что он не выдержит порывов ветра, Джек решил постепенно испытать его надежность, а заодно и прочность мачты. Но для того чтобы нас не снесло к Ницце, мы впервые воспользовались плавучим якорем¹. «Еретик», послушный нашей воле, легко поворачивается носом в сторону итальянского берега.

Наконец, занялся день. Туман рассеялся, и мы увидели, что побережье угрожающе близко от нас. Прежде всего нужно было уйти как можно дальше в открытое море, чтобы удалиться от мысов, выдающихся на восток. Это были опасные препятствия на нашем пути.

Впереди нас подстерегало немало ловушек: мыс Ферра, Антибский мыс, Леренские острова. Следом за ними шел мыс Камара и тотчас же за ним — остров Леван, который даже самые большие оптимисты считали непреодолимым препятствием для нашего суденышка. За островом Леван побережье отклонялось к западу и перед нами открывалось чистое море.

¹ Плавучий якорь некогда был в большом почете у моряков, и недавно знаменитый капитан Восс вновь доказал его пригодность. Такой якорь можно соорудить из любого предмета, способного держаться на воде в полупогруженном состоянии и привязанного тросом к носу корабля. Действует плавучий якорь по следующему принципу: он удерживает корабль носом против волны, чтобы тот принимал их удары в самом выгодном для корпуса положении. В случае бури паруса убирают и корабль начинает дрейфовать по ветру. Он тянет за собой плавучий якорь. Но тот, испытывая сопротивление воды, всегда поворачивает корабль носом против ветра. Таким образом, одновременно замедляется дрейф и корабль не рискует попасть под удар бортовой волны, которая может его перевернуть.

Наш плавучий якорь представлял собой маленький парашют, который раскрывался в воде, когда лодка его тянула, и таким образом выполнял свою роль тормоза. В сущности мы замедляли дрейф точно так же, как парашютист замедляет падение. Впоследствии, для того чтобы уменьшить в соответствии с моей теорией количество необходимого снаряжения, я приспособил плавучий якорь и для других целей,

Ветер утих. Теперь мы подняли парус. Эта операция оказалась чрезвычайно сложной, потому что нужно было добраться до мачты, вынесенной далеко вперед. Наша лодка походила на ванну, закрытую в носовой части и открытую с кормы. Свободным оставалось лишь небольшое пространство в два метра на метр десять сантиметров, на котором мы теснились вдвоем. Ходить по тенту, закрывавшему переднюю часть лодки, мы не решались, боясь прорвать непрочную материю. Поэтому нам приходилось показывать чудеса акробатики, пробираясь к носу по одному из бортовых поплавков. Возвращение требовало еще большего проворства. Но чаще всего я просто ложился на поплавок и подтягивался к мачте на руках.

Парус поставлен, и наш «Еретик» двинулся вперед. Право же, под полным парусом с туго натянутым шкотом он шел неплохо! Наша лодка гордо бороздила море, оставляя за кормой мощный след, совершенно не соответствовавший ее скорости. Но все равно, мы чувствовали, что движемся.

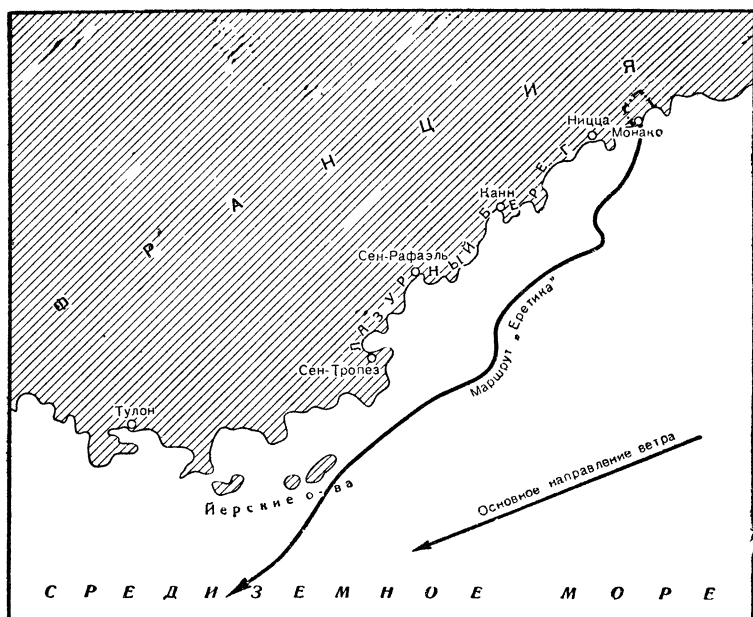
Позади нас разбегались крутые буруны. Вначале мы судили о скорости хода по этому следу, но позднее я научился определять ее по степени натяжения шкота. Пока что мы шли со скоростью не более полутора узлов¹. Но все же мы двигались вперед!

Однако около 11 часов ветер ушел от нас. В этот момент мы находились как раз напротив мыса Ферра. Поистине, стать потерпевшим кораблекрушение оказалось не так-то просто!

Тишина гнетет нас, и все же нам приходится делать над собою усилие, чтобы как-то прервать молчание. Каждый думает о том, что он оставил на суше. Теперь, когда мы, наконец-то, можем здраво оценить все случившееся, нами овладевают воспоминания и сожаления, как самыми обыкновенными сухопутными людьми. Образы друзей и близких, вновь занимают свое место в наших сердцах. Мы уже больше не могучие герои, мы снова становимся простыми смертными, какими мы и были на самом деле.

Чтобы встряхнуться, мы устраиваем первый военный совет. При этом каждый из нас старается показать другому, что

¹ Узел — мера скорости движения судов, составляющая одну морскую милю (1,852 км) в час.— *Ред.*

он безмятежно спокоен. И тут оказывается, что самое трудное, это говорить нормальным голосом: мы оба все время невольно сбиваемся на шепот. Но мы понимаем, что так дело не пойдёт, что если мы не перестанем опасливо перешептываться, страх услышит нашу жалкую молитву и, торжествуя, воцарится над морем.

Пользуясь тем, что ветра нет и нам не нужно маневрировать, мы окончательно приводим в порядок снаряжение, необходимое для жизни на море. Прежде всего мы забрасываем две дорожки, чтобы обеспечить себе пропитание, затем самым тщательным образом разрабатываем расписание: на суше, несмотря на длительную подготовку, мы не успели сделать это как следует.

Прежде всего, как организовать дежурства? Днём, пока один из нас находится за рулем, другой должен отдыхать. Я считал, что при такой ненормальной жизни отдых для нас важнее всего. Особенно трудную задачу в этом отношении представляла ночь. Воды Средиземного моря все время бороздят различные суда; поэтому было необходимо, чтобы кто-то из нас всегда бодрствовал. Мы разделили ночь на две части, или вернее на две вахты: один дежурил с 20 часов до часу ночи, другой — с часу до 8 утра.

Все вещи были размешены так, чтобы мы могли сразу найти любую из них даже ошупью, в полнейшей темноте. Впе-

реди, под брезентом, в специальных непромокаемых мешках, мы поместили фотопринадлежности, пленку, навигационные книги, секстант, аптечку, опечатанный при отплытии неприкосновенный запас, средства для сигнализации на случай бедствия, и все, что могло понадобиться для ремонта лодки. Компас вместе с компасной коробкой занял место перед рулевым, который должен был не сводить с него глаз.

Не было еще ни одной поклевки, а время трапезы уже наступило. Тогда мы заменили плавучий якорь планктонной сетью, которая служила нам ту же службу и вдобавок собирала для нас пищу. За час мы собрали около двух столовых ложек питательной кашицы, довольно приятной на вкус, но малоаппетитной на вид. Она состояла преимущественно из зоопланктона, который придавал ей вкус пюре из креветок или лангустов — ну просто объединение!.. Тем не менее Джек, пока я поглощал свою долю, посматривал на меня с некоторой опаской. Но он не захотел быть трусом и в конце концов осторожно пригубил свою порцию с видом заблудившегося в прерии европейца, которому индейцы племени Сиу предлагают отведать слизнякового варенья. К его великому удивлению, блюдо оказалось не таким уж противным, и я втайне торжествовал.

Мало-помалу мы освоились, и, когда прекрасный закат завершил чудесный весенний день, нам уже казалось вполне нормальным наше присутствие на этом еретическом судне. Все наши тревоги улетучились.

Я довольно скоро начал смотреть на нашу странную жизнь в лодке, как на совершенно естественную благодаря тому, что мы привыкли к ней постепенно. Вслед за тревожениями отплытия пришло спокойствие, раны разлуки зарубцевались. Позднее, когда я оказался в Атлантическом океане, это произошло еще быстрее. Моя теория подтвердилась. Достаточно было продержаться только первые часы, чтобы начать осваиваться.

Считается, что морская вода действует как слабительное. Возможно, что содержащиеся в ней сульфат натрия и сульфат магния вызывают такой эффект, когда люди находятся на суше, в нормальных условиях, но, судя по собственному опыту, я полностью отрицаю подобное ее действие на человека, находящегося в море¹. Джек проявил гораздо большее недоверие к морской воде и предпочел надеяться на проблематичный успех в рыбной ловле и на маловероятный дождь. От употребления морской воды он воздерживался, несмотря на все мои советы и уговоры. Его поведение было ярким доказательством того, насколько опасны бывают укоренившиеся в нас традиции. Даже мой пример не мог его переубедить.

¹ Работы немецких ученых подтверждают мою теорию.

А ведь пока мы находились на суше, мои выводы казались ему безупречными и он был готов применить их на деле. Но как только он оказался в реальных условиях, «табу», наложенное на морскую воду предыдущими поколениями, полностью овладело его сознанием. Таким образом, в одном спасательном судне встретились классический «ортодоксальный» тип терпящего бедствия и «еретик», тип современный.

Внезапно голос Джека прервал мои размышления:

— Алэн, уже 3 часа, время, когда ждут нашу передачу. Может быть, воспользуемся затишьем?

— Попробуем.

Мы не питали никаких иллюзий. Жан Феррэ позаботился о том, чтобы к моменту отплытия у нас их не осталось. Мы знали, что наш передатчик представлял собой лабораторный прибор, который мог быть поврежден малейшим толчком. Мы знали, что влага должна была безнадежно испортить изоляцию. Мы знали, что передатчик не работает и никогда работать не будет. Но ведь было 3 часа...

В течение нескончаемых минут радиолюбители средиземноморского побережья, ничего не зная о смехотворности нашего технического оснащения, рыскали по всем волнам.

— Три часа,— повторил Джек.

Я подумал о своей жене, оставшейся в Монако, о женевском радио, о запасе воды, от которого мы отказались, чтобы взять с собой аппаратуру; я представил себе телефонные звонки, которые раздадутся в 4 часа, чтобы сообщить моей жене: «Вот уже целый час, как мы его ловим!»...

А что если Жан Феррэ ошибся? А что если это оборудование действительно было приготовлено специально для меня, как утверждали радиотехники? Может быть, мы сумеем связаться с землей?

Я снова обрел надежду. Этот набор проводов и ламп для меня уже не был мертв. Он должен был ожить! Не могли же в конце концов так жестоко подшутить над двумя людьми, отправляющимися в подобное путешествие!

— Джек, давайте поднимем антенну!

Поднять антенну! А вы когда-нибудь пробовали запускать змей, сидя в кресле? Запустить змей с антенной с трехметровой площадки — только наши «радиотехники» могли решить, что мы способны на такой фокус!

Вероятно, у нас был потешный вид! Суется и спотыкаясь при каждом ударе волны, мы изо всех сил старались совершить чудо.

Кончилось это тем, что змей врезался в гребень волны и закачался на ней, размокший и ни на что больше негодный. Нас охватил ужас. А что если, несмотря на уверения наших друзей, там, на земле, все еще надеются?

Джек ставит «запасную антенну» — обыкновенное удилище!

Наша мачта вместе с прикрепленным к ней удищем вышится всего на пять метров над поверхностью моря — это высота средней волны. От мачты провод спускается к передатчику. Со всевозможнейшими осторожностями я вставляю контрольную лампу, затем прилаживаю амперметр и говорю:

— Крути!

Из-под ног Джека раздается ворчание генератора. Мне показалось, что какой-то таинственный ток пронизывает нас. Лампы засветились. С чувством, с которым выпускают последний патрон, я надавил на ключ аппарата морзе...

Я повторил это сотни раз. Вертел все ручки. Проверил все провода, пальцами «попробовал» обещанные 250 вольт. Одной капли воды, одного сотрясения было вполне достаточно...

Я ничего не сказал Джеку, но он сам перестал крутить. Мы смотрели друг другу в глаза.

«Все, теперь действительно все, теперь мы совсем одни».

Вечер первого дня плавания угасал в многоцветном великолепии. Справа от нас зажегся первый маяк. Это был Антибский маяк. Мы его узнали по описанию в «Книге маяков»¹.

И тут, наконец, произошло то, на что мы давно рассчитывали: со стороны земли подул легкий ветер и повлек нас дальше в открытое море. Те, кто клялся, что меньше, чем через 12 часов мы будем выброшены на берег, отныне потерпели полное поражение. Это была настоящая победа, и она вдохнула в нас мужество в первый же день нашего плавания. Поблагодарим же тех, кто нам не верил! Без них мы никогда не познали бы этой радости.

Началась первая ночь. По жребию я заступил на первую вахту — до часу ночи. Завтра мы переменимся часами вахт.

Очень скоро мы поняли, насколько такое чередование справедливо: первая вахта — с восьми вечера до часу ночи оказалась несравненно тяжелее, чем вторая, хотя и более продолжительная.

Днем мы могли принимать самые различные положения, иногда даже довольно рискованные. На ночь же мы расположились следующим образом: рулевой, в данном случае я, сел у руля, опираясь спиной о надувной жилет и зажав компас между колен: это неудобное положение было придумано специально, чтобы вахтенному было легче бороться со сном. Ноги его касались края тента, под которым находился спящий. Уложив вещи вдоль левого борта нашей «ванны», мы высвободили место, достаточное, чтобы вытянуться: метр восемьде-

¹ Каждый маяк или туманный ревун имеет свое лицо. Оно определяется продолжительностью сигнала, промежутком между вспышками, цветом и размещением вспышек. По этим признакам узнают название и местоположение маяков. В «Книге маяков» даются такие характеристики каждого из них.

сят на шестьдесят сантиметров. Тент служил нам одеялом, мешки — подушкой.

Джек спит. Но я бодрствую не один. С наступлением темноты вокруг нас началась кипучая деятельность. Морские жители, казалось, специально приплывали к нам, чтобы познакомиться. Фырканье дельфинов, прыжки и всплески рыб вокруг лодки населяли ночь странными призраками; вначале они пугают, но вскоре становятся привычными. Бормотание волн сливается в ровный гул, из которого выделяются порой отдельные всплески, словно голос солиста в играющем под сурдинку оркестре. «О море, бесконечное море, чей мерный рокот, тишине подобен»¹. Да, это именно так! Равномерное дыхание моря столь же безмолвно, как величие горных вершин. Насколько относительны понятия шума и тишины! Вы помните того мельника, который просыпался, когда мельничное колесо останавливалось? Тишина порой бывает такой же выразительной, как и звук. Бах, крупнейший мастер гармонии, употребил в токкате ре минор замечательный аккорд тишины. Кульминация, построенная на паузе!

Дул ветер и наша лодка медленно скользила вперед. Ветер с суши продержался всю первую ночь. До того как попасть в зону постоянных ветров, мы в основном рассчитывали на ежедневное чередование ветров с суши и моря. Утром море делает выдох и посылает бриз в сторону суши, затем приостанавливается и, «переведя дыхание», делает вдох вечернего ветра, как бы запасаясь воздухом на всю ночь.

Глубоко дыхание океана! Живые потоки воздуха несли нас словно на гигантских качелях².

Первая же ночь показала, насколько необходимы были вахты. Нам встретилось около десятка кораблей. Наш сигнальный фонарь висел слишком низко и был почти незаметен, во всяком случае он никак не мог гарантировать безопасности. Тогда нам пришла мысль предотвратить столкновение при помощи средств, имеющихся в лодке.

¹ П. В а л е р и, Морское кладбище.

² Причины этого чередования ветров следующие: утром, когда восходит солнце, земля нагревается быстрее, чем море, и теплый воздух устремляется вверх. «Природа боится пустоты!» Это объяснение Паскаля неверно, однако как оно поэтично! Воздух с моря устремляется к земле, в свою очередь нагревается и возносится вверх. Так устанавливается воздушный поток с моря к суше. Но если море нагревается медленнее, чем земля, оно удерживает тепло дольше, и начиная с вечера образуется обратный воздушный поток. Таким образом, нам нужно было пользоваться ночным ветром и остерегаться дневного, который мог выбросить нас на сушу.

Когда появлялся корабль и нам казалось, что он движется на нас, мы направляли на парус луч света от карманного фонаря и таким образом создавали довольно большую освещенную поверхность, которую должны были видеть издалека. Наверное странное впечатление производило это беспризорное световое пятно, затерявшееся где-то в волнах, между их гребнями и впадинами. Не вызвало ли оно у некоторых моряков каких-нибудь образов из морских легенд? Не думалось ли им, что этот блуждающий огонек — предвестник Бегущей по волнам или Летучего Голландца?

Но возможно так же, что наш «последний парус» оставался никем не замеченным, несмотря на все световые ухищрения.

Но вот моя вахта кончается, и я передаю управление лодкой Джеку.

Утром 26 мая я спал блаженным сном, когда меня разбудил Джек. Сначала я ничего не мог понять. Где я? Что со мной? Прежде мне уже пришлось испытать подобное чувство; случилось это в детстве, когда я однажды проснулся в номере гостиницы. Это пробуждение тотчас же напомнило мне то далекое, давно забытое ощущение. Примерно то же мне пришлось впоследствии испытать при первом пробуждении на суше, когда я уже прибыл на Антильские острова.

Как мы и предвидели, ветер переменялся и гнал нас к земле. Первый раз мы опустили в воду оба кия, стараясь плыть таким образом, чтобы ветер дул в парус под углом в 90°. Это самое большее, чего мы могли достичь на нашем суденышке: идти против ветра оно не могло.

Кили действовали весьма эффективно. Хотя наша скорость и сократилась (мы делали не больше узла), но по крайней мере нас не гнало к земле: мы теперь двигались параллельно берегу.

Вскоре мы по-настоящему проголодались. До сих пор нам лишь казалось, что «завтрак запаздывает». Теперь же мысль о еде превратилась в навязчивую идею. Нам подвело животы или, как пишут в историях болезни, мы почувствовали «спазмы и рези в желудке». Не считая этого неприятного ощущения, которое для меня вовсе не было неожиданным, я себя чувствовал великолепно. Джеку было немного хуже. Я предложил ему подвергнуться первому медицинскому осмотру, и он согласился. Язык у него был сухим и обложенным, на тыльной стороне ладоней виднелась сыпь, пульс был медленным, но четким. Никаких серьезных признаков обезвоживания организма я не обнаружил.

Джека мучила жажда, но, несмотря на все мои уговоры, он отказывался пить морскую воду. Казалось, мой пример мог бы его убедить, так как я прекрасно переносил соленую воду, которую поглощал систематически, «согласно предусмотренному плану». У обоих у нас был запор, опровергавший зловещие

пророчества «борцов за ночные горшки для терпящих кораблекрушение»¹.

Но если я совершенно не испытывал жажды, а мой спутник ее неплохо переносил, то голод становился все более и более мучительным. То один, то другой из нас с нежностью вспоминал бутерброды, от которых мы отказались при отплытии. Эти бутерброды являлись нам, как нечто вполне реальное и до отчаяния соблазнительное, куда более соблазнительное, чем любые деликатесы из лучших меню, которые мы могли себе представить! Нам не хватало именно этих бутербродов — ведь мы «могли их съесть!» Так я познал силу человеческого желания и горечь сожаления.

После полудня, когда я сменился с вахты, моему мысленному взору начали являться завтраки, которые я поглощал, будучи интерном в госпиталях Булони и Амьена. Время от времени в моей голове даже проскальзывала трусливая мыслишка: «Как все было хорошо и приятно там, на земле. И какой черт толкнул меня на эти муки?»

Милые дельфины резвились в нескольких десятках метров от нашей лодки. Они были доверчивы, и их компания нас подбадривала, как присутствие друзей. Кроме того, мы думали: если они ловят рыбу, то почему бы не выудить что-нибудь и нам?

День был ясный и тихий, и мне удалось запечатлеть на киноплёнке окружающий нас вид.

К сожалению, для того чтобы утолить голод, у нас все еще ничего не было, кроме ложки планктона. Конечно, мы могли наловить его и больше, но планктонная сеть, действуя одновременно как плавучий якорь, слишком замедляла скорость, а пренебрегать хотя бы наполовину благоприятным ветром в такой опасной близости от берега было неосторожно.

После полудня Джек, наконец, уступил моим настояниям и сделал несколько глотков морской воды. Перед этим я ему объяснил, что если он не начнет пить сейчас, то обезвоживание организма достигнет таких размеров, что употребление морской воды станет бесполезным и даже опасным. К моему великому облегчению, после этого он сдался. На следующий день все признаки недостатка воды в его организме должны были исчезнуть. Жажда тоже утихнет. Это обращение в «еретическую веру» нас весьма позабавило, и мы пришли в великодушное настроение.

¹ Чтобы разъяснить, в чем тут дело, я должен рассказать одну забавную историю. В день отъезда к нам явился «специалист по спасению утопающих» и заявил моей жене: «Не видать вам больше вашего мужа!» На ее вопрос: «Почему?» он ответил: «Они же совершенно не подготовились к плаванию. Ну, например, они будут находиться в открытом море полтора месяца, а ночного горшка у них нет». Всем, у кого возникнут сомнения, обещаю представить свидетелей, присутствовавших при этом разговоре.

В последующие ночи нас ожидал приятный сюрприз: к утру в результате конденсации у нас набиралось до пол-литра пресной воды. Эта вода скапливалась на дне нашей лодки, как роса на крыше хорошо закрытой палатки. Воздух был чрезвычайно насыщен влагой, а так как в наше судно еще не попало ни капли морской воды, нам удавалось с помощью губки собирать совершенно пресную воду в довольно значительных количествах. Безусловно, этой воды нам не хватало, но она была для нас существенной поддержкой. Ведь это была пресная вода! О, какой сладкой она нам казалась!

Вечереет. Ветер, откровенно говоря, приводит нас в отчаяние. Весь день он был неровен по силе и все время менял направление. Через каждые 10 минут налетал внезапный шквал, который сменялся полным штилем. А теперь еще поднимается волнение. Однако наше суденышко не сдается этому ненавистному Средиземному морю, воистину «мерзкому морю». Неужели я не ошибся и наша лодка действительно представляет собой идеальное спасательное судно?

За весь день мы ни разу не видели берега. Однако мы знали, что он где-то неподалеку и его скрывают от нас лишь обильные испарения, вызванные жарой. Джек не определил нашего положения по секстанту. Где мы в сущности находимся?

Около 6 часов вечера вдали показался берег. Что это? Уже Эстерель и Сен-Рафаэль или все еще Антибский мыс? Мы не могли ответить на этот вопрос, а тем временем солнце закатилось, второй раз с тех пор как мы вышли в море. Тотчас же маяки послали нам свои световые сигналы: мы находились между Сен-Рафаэлем и мысом Камара в открытом море, но все же на расстоянии, настолько близком от берега, что это могло оказаться опасным.

Мы очень голодны и поэтому вторую ночь встречаем со значительно меньшим оптимизмом. Парадоксально, но факт — начинает подниматься ветер с моря. Неужели нашей экспедиции с позором окончиться в такой близости от пункта отправления, у мыса Камара, как нам предсказывали «специалисты»? Не стоит ломать себе над этим голову, лучше заснуть.

В час ночи Джек меня будит: пора заступать на вахту. С каким облегчением я вижу, что мы уже обогнули мыс Камара, оставив его сзади, за правым бортом! Во всяком случае, к нему-то уж мы теперь не пристанем. Остается миновать остров Леван, и опасность оказаться на французском побережье уйдет в область воспоминаний. Да, не так-то легко сделаться потерпевшим кораблекрушение!

27 мая запомнится мне надолго. Это был день полный чудес. Прежде всего сбылась наша самая пылкая мечта. После полудня, привязав леску к ноге у щиколотки, я задремал. Позже я поумнел и уже не делал подобной глупости: клюнь рыба покрупнее, и она могла бы с легкостью оторвать мне

ступню. Вдруг леска сильно натянулась. Это оказался великолепный морской окунь. Дрожа от нетерпения, мы его вытаскивали. Так же, вероятно, вытаскивают первое ведро воды из колодца оазиса после долгого пути в пустыне. Какая удача! Рыба была по всем правилам вычищена и — о причуды цивилизации! — нарезана правильными ломтиками. Переднюю часть мы оставили на следующий день, а хвостовую тут же поделили. Когда я поднес это розовое мясо ко рту, то почувствовал сильный приступ тошноты. То же отвращение, вероятно, должен был испытать и мой спутник. Но я уже ел сырую рыбу в лаборатории и поэтому обязан показать пример. Черт возьми, я же знаю, что это вкусно!.. Первый глоток удается. Табу преодолено. Это победа! Попирая все правила хорошего тона, мы рвем зубами сырую рыбу, которая благодаря какому-то чуду кажется нам теперь и полезной и вкусной. Остальную часть рыбы мы разложили на тенте, чтобы солнце могло ее лучше высушить. Предварительно из нее была выжата вся жидкость моей «давилкой для фруктов».

Каждая цивилизация наложила свое табу на какие-либо блюда. Стали бы вы есть стрекоз или белых червей? Нет. А мусульманин не может есть свинины. Мне лично однажды, когда я был в Англии, случилось есть китовое мясо. Жаль, я знал, что я ем; думаю только поэтому оно мне не понравилось. Ведь найдется немало таких людей, которые будут спокойно есть конину или кошатину, если им сказать, что это говядина или кролик! Все дело привычки! Разве смогли бы наши бабушки поглощать с такой легкостью, как мы, что-нибудь вроде кровавого бифштекса по-татарски? Скажу в заключение, что для первого дня я съел слишком много сырой рыбы и поэтому меня чуть-чуть не стошнило.

В тот день дул жаркий и очень слабый ветер. Но желудки наши были туго набиты, и это настраивало нас оптимистически. А потому, когда из Тулонского порта вышло французское патрульное судно и направилось в нашу сторону, мы чувствовали себя спокойно и уверенно. Однако мы пережили нечто, похожее на муки Тантала, когда капитан смеясь предложил нам несколько бутылок холодного пива. Мы стоически отказались. Об этом факте, насколько мне известно, нигде не было упомянуто. Зато какой крик подняли бы газеты, если бы мы взяли пиво! Случай с пароходом «Сиди Феррук», который мы встретили десять дней спустя, наглядное тому доказательство.

Этот чудесный, но тихий день подходил к концу, когда при последних вспышках догорающего солнца потянул, наконец, благоприятный ветер и береговые огни медленно утонули в ночи. Французское побережье скрылось из виду. Наперекор всем пророчествам нас на него не выбросило.

В ОТКРЫТОМ МОРЕ

(28 мая — 7 июня)

Странное дело, каким огромным утешением для нас, неисправимых приверженцев земли, является возможность не терять ее из виду! Утром 28 мая мы не без некоторого беспокойства обнаружили, что земля исчезла окончательно.

Мы шли тогда по 210° компаса, то есть теоретически на юго-запад¹. Но так как склонение² составляло 10° на запад, то практически это означало юго-юго-запад. Мы двигались примерно посередине между Корсикой и Сардинией на востоке от нас и Балеарскими островами на западе, постепенно приближаясь к Балеарским островам. Изучая перед отплытием течения Средиземного моря, я узнал, что мало известное, но вероятно существующее «балеарское течение» может отнести нас к западу.

Увы, мы только что съели последний кусок нашего окуня! Придется снова голодать... Но, черт побери, если один попался к нам на крючок, то неужели другие не последуют его примеру?! А пока что остается снова глотать планктон и пить морскую воду. Опасаться жажды во всяком случае было нечего, потому что Джек взялся всерьез за соленую воду.

29-го мимо нас прошли два больших грузовых парохода: греческий и английский, «Дего». Оба приветствовали нас, что было событием совершенно исключительным, так как ни до, ни после этого другие суда нас просто не замечали. Было ли это намеренно? Или нас действительно не видели? Так или иначе, я постепенно убедился, что потерпевший крушение должен сам искать своих спасителей, ибо трудно рассчитывать на то, что эти спасители его найдут. Ведь весь мир знал, что

¹ Компас представляет собой катушку, циферблат которой разделен на четыре сектора (роза ветров), а кроме того — на 360° . Север находится на 0° или 360° , восток — на 90° , юг — на 180° , запад на 270° .

² Склонением называется угол между стрелкой компаса, указывающей на магнитный полюс данного места, и истинным географическим полюсом. В зависимости от местоположения стрелка компаса всегда отклоняется к западу или к востоку от истинного полюса. В картах указывается такое склонение, которое нужно учитывать, прибавляя или вычитая необходимое число градусов из показаний компаса, чтобы определить свой истинный путь.

мы плывем по морю без еды и питья. И однако... Все это настолько странно, что я склонен предполагать, что наше положение над самой поверхностью воды мешало нас заметить. Значит то же ожидает людей, в действительности потерпевших крушение, и они должны рассчитывать только на себя.

К вечеру поднялся восточный ветер и понес нас прямо к Балеарским островам. Мы снова жестоко страдали от голода. С морским окунем было покончено еще накануне в полдень, и с тех пор ни одна рыба не попалась на крючок, словно во-круг вообще ее не было, и мы находились не в открытом море, а в какой-то безжизненной пустыне.

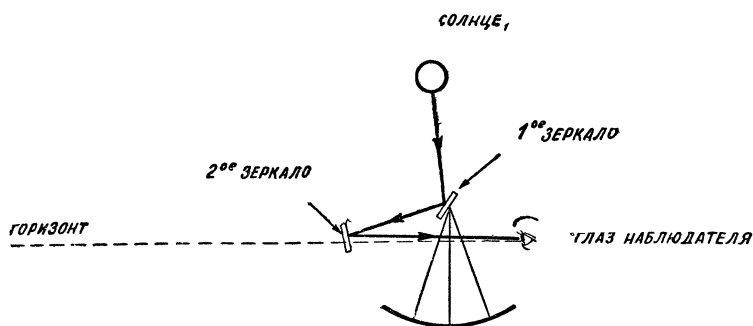
Надвигалась ночь. Я встал на первую вахту. Вначале все казалось нормальным. От голода все чувства были обострены. Около 11 часов мне показалось, что мой напряженный слух различает в величественном молчании моря какой-то странный шум. Галлюцинация? Я встревожился. Пытаюсь рассуждать. Люди были далеко, так далеко, что даже мысленно им было трудно следовать за нами. Значит, источник этих странных звуков — само море. В ночной темноте ничего нельзя было рассмотреть. Я представил себе стаи дельфинов, танцующих в нашу честь сарабанду¹ вокруг хрупкого суденышка, идущего своей дорогой. Однако продолжительность и размах этого шумного праздника показались мне странными. Сгорая от любопытства, я не мог уснуть и с нетерпением ждал дня. На рассвете я различил вокруг «Еретика» несколько огромных сероватых призраков, отливавших металлическим блеском.

— Киты! — воскликнул я и изо всех сил дернул Джека за руку. Мы насчитали до десятка этих огромных животных величиной от 20 до 30 метров, мирно расположившихся во-круг нашей лодки. Иногда один из китов направлялся к ней и нырял под воду, не доплыв всего несколько метров; мы еще видели его хвост, когда голова показывалась где-то далеко впереди.

Эти гиганты казались спокойными, кроткими и полными самых добрых намерений. Но Джек был встревожен их неожиданным присутствием. Он боялся, что неосторожное или резкое движение одного из них опрокинет лодку. Вкратце он рассказал мне о том, что однажды произошло с братьями Смит: заснув в легкой лодке, они случайно задели кита, и разъяренное животное перевернуло их посудину ударом своего страшного хвоста.

Когда стало совсем светло и киты ушли, Джек обещал не оставлять меня одного на ночной вахте, так как он не разделял мою веру в благожелательность наших ночных гостей.

¹ Сарабанда — старинный испанский танец, отличающийся страстностью и живостью. — *Ред.*

Я был чрезвычайно доволен и впоследствии прибегал к невинной уловке, чтобы заставить его проводить со мной наиболее тяжелые минуты ночных дежурств.

30 мая прошло без приключений и ничего не прибавило к нашему меню... Понемногу мы привыкали, так сказать, «притирались» к этой ненормальной жизни. Оставалось еще только выяснить, как будет вести себя лодка во время бури? Справится ли она с непогодой, как это было на пути из Булони в Фолкстон? Я в это верил. Уверенность Джека была менее непоколебимой, но и он соглашался рискнуть. Разумеется, лучше было рискнуть здесь в этом море с оживленным движением, чем в океане на расстоянии в полторы тысячи миль от любого берега.

Вечер 30 мая принес нам большую радость: почти через грое суток, после того как мы перестали различать вдали французский берег, мы увидели в сумерках неясные очертания Мон-Торо, самой высокой точки острова Менорки. Джек предсказал это еще в полдень, когда ценой немалых усилий ему удалось определить по солнцу наше местоположение. Эта операция, которая даже в нормальных условиях казалась мне непостижимой, в нашей лодке приобрела характер настоящего рекорда. С помощью своего секстанта Джек должен был совместить отражение нижнего края солнечного диска с линией горизонта. Сделать это чрезвычайно сложно даже с высоты корабельной палубы. А попробуйте справиться с этим, сидя на поплавке, который бросает с волны на волну!

— Земля! Менорка!

Какая огромная, всезаполняющая, острая до боли радость охватывает потерпевшего кораблекрушение, когда он видит, наконец, долгожданную землю! Мы полагали, что ей давно пора бы было появиться, потому что голод мучил нас невыносимо. В течение двух последних суток мы съели только несколько ложек планктона.

Однако до конца наших страданий было еще далеко. Нам понадобилось целых двенадцать дней, то есть в два раза

больше времени, чем мы провели до сих пор в море, чтобы достичь этого берега, до которого, казалось, рукой подать. Если бы мы это знали, мы, возможно, пришли бы в отчаяние! Но мы находились в блаженном неведении и уже строили планы сухопутной жизни и заранее составляли телеграммы. Мы уже смаковали наш первый завтрак в маленьком сельском трактире, когда внезапно ветер стих и парус жалобно захлопал. Мы впились взглядом в небо: оно хмурилось, на юго-востоке громоздились облака; надвигалась гроза. Скорей плавающий якорь в море! Мы еще не осмеливались идти под парусом до последней минуты. Как только парус был спущен, мы закрыли всю лодку брезентом, чтобы провести ночь в ожидании, пока кончится буря. Она налетела внезапно¹. Мы сидели на корточках в страшной тесноте, испытывая все неудобства, какие только можно вообразить, но в безопасности. Волны разбивались о нос «Еретика», и мы слышали, как вода с шумом перекачивается над нашими головами. Казалось, будто мы находимся в огромном венском колесе, и какой-то гигант раскачивает нас, но все время в горизонтальном направлении. Подобно спруту, «Еретику» скользил по волнам, словно цепляясь за них. Я был теперь убежден, что ничто на свете не сможет поколебать его великолепную устойчивость. Внутри лодки все оставалось на своих местах, и я даже мог вносить записи в судовой журнал. А снаружи волны бесновались все больше.

Все это время мы почти не разговаривали и переживали непогоду молча, лишь изредка обмениваясь восклицаниями. Сидя на корточках под брезентом в пространстве, предназначенном для сна, мы смотрели друг на друга, покорные судьбе. Все внутри было залито желтым светом, проникавшим сквозь тент. Желтым был Джек, желтым был я, желтоватым казался даже воздух. По совести говоря, чувствовать себя во власти разбушевавшейся стихии было просто страшно. Нам оставалось только выжидать и строить различные предположения. Мы пытались догадаться, куда занесет нас буря. Джек принялся делать на бумаге какие-то сложные вычисления, чтобы определить величину нашего отклонения от курса, и в конце-концов заявил, что нас отбросит в глубину Валенсийского залива. Я тотчас же взглянул в навигационный справочник и узнал, что это один из опаснейших районов со шквальными ветрами, которые отсюда устремляются в направлении страшного залива Льва. Мы должны были обойти этот залив любой ценой. Но что могла сделать вся наша человеческая воля, когда

¹ Метеослужба Монако взяла под сомнение этот факт, так как буря не была отмечена в ее диаграммах. Довод был следующий: раз мы не предсказывали бури, значит ее не было. Пилоты авиакомпании «Эр-Атлас», пролетавшие над этим сектором моря, позднее говорили мне, что вспоминали о нас во время этой бури.

мы были неразрывно связаны с этим «поплавком»?! Поэтому мы положились на судьбу и благоразумно решили использовать вынужденное бездействие для восстановления своих ослабевших сил.

Но в темноте под брезентом наше воображение продолжает работать. Что происходит там, наверху? Чем кончится эта бешеная борьба неба и моря, швыряющего нас, словно соломинку? Мы считали часы, ожидая, пока кончится ночь, и мы, может быть, снова превратимся в людей из беспомощных кукол, которых бросает из стороны в сторону по воле стихий.

Кончился последний день мая. Он прошел сносно, но мы удалились от цели. 1 июня встретило нас бурным морем и туманом, настолько густым, что его, казалось, можно было резать ножом. Мы не различали даже противоположного конца нашего суденышка.

Позднее мы рассмотрели сквозь туман в сотне метров от нас большой трансатлантический пароход, шедший на всех парах к Барселоне. К этому времени поднялся ветер с востока-северо-востока, грозя выбросить нас на испанский берег. Мы до такой степени ослабели, что нам пришлось трижды меняться для того, чтобы втащить в лодку двадцать пять метров лесы, бесполезно болтавшейся за бортом. В полдень Джек попытался определить наши координаты, несмотря на то что бледное солнце было едва заметно на низко нависшем небосклоне. Это ему не удалось, и тогда он попробовал найти величину нашего отклонения от курса. По его мнению, нас относило в Валенсийский залив, к группе мельчайших островов Колумбретес, которые расположены как раз против Валенсии. Теперь нас подстерегали две ловушки. Этот день был особенно длинным и утомительным, потому что прошел в вынужденном бездействии.

Внезапно странный и далекий шум предупредил меня о том, что в море происходит нечто необычное. Мы вылезли из своего убежища, готовые к любой неожиданности, и от изумления застыли на месте. По левому борту в ста метрах от «Еретика» показалась огромная белоснежная масса, какое-то нереальное существо, словно вынырнувшее из глубины веков. Фантастическое чудико медленно приближалось к нам. Я зарядил на всякий случай свое подводное ружье. Но тут я с изумлением узнал в огромном, до 30 метров длиной животном кита-альбиноса наиболее редкой, особенно для Средиземного моря, разновидности — белого кита¹.

Прежде всего требовалось доказать самому себе, а впоследствии и всем остальным, что в этот момент я был в здравом рассудке. Поэтому я сменил бесполезное ружье на

¹ См. примечания заместителя директора Национального музея естественной истории П. Бюдке, помещенные в конце книги.

кино-аппарат и спокойно заснял грозно приближавшееся чудовище.

С бьющимся сердцем мы ожидали дальнейших событий. Я был словно загипнотизирован взглядом красных глаз животного, а Джек с ужасом следил за его страшным хвостом, одного капризного взмаха которого было бы достаточно, чтобы смести нашу утлую лодчонку с морской поверхности. Сколько бы я не вспоминал нашу последнюю мирную встречу со стадом китов, неожиданное приближение этого одинокого гиганта не переставало меня тревожить. Чудовище подплыло к нам вплотную, нырнуло под лодку, а затем стало добродушно кружить вокруг нее, любезно предоставляя нам возможность любоваться своей белоснежной кожей. Наконец, оно повернулось и исчезло в тумане.

Мы еще не оправились от этой тревоги и продолжали обсуждать появление фантастического призрака, как вдруг нам пришлось снова насторожиться. Что это? Может быть, белоснежный кит был предвестником целого ряда чудес, от которых должен был помутиться наш рассудок? Не прошло и часа после исчезновения белого гиганта, как в тумане ясно послышался вой сирены. Этот сигнал бедствия заставил нас обоих вскочить. Откровенно говоря, мне уже некоторое время казалось, что я улавливаю какой-то шум, но настолько далекий и неясный, что я, не доверяя своим ушам, предпочитал об этом молчать. Я подумал, что земля от нас недалеко... Но к чему было пробуждать такую надежду в моем товарище, если она могла оказаться тщетной. Теперь все сомнения исчезли. Этот сигнал, который могли подать только люди, приближался, делался все громче, покрывая звук наших голосов.

Мы чуть не свернули себе шеи, пытаясь определить, откуда исходит сигнал. В тумане это сделать очень трудно: мне казалось, что звуки идут с юго-запада, Джеку — с северо-запада. Совершенно не представляя, где мы находимся, мы развернули карту Средиземного моря и, призывая себя к спокойствию, начали разыскивать наиболее близкую землю. Наши пальцы встретились в одной и той же точке: на маленьком затерянном островке группы Колумбретес, расположенном на десятках миль к югу от того места, где, по мнению Джека, мы находились. Вдруг совершенно неожиданно нами овладело ощущение приближающейся опасности: рев мотора, перекрывающий пронзительный вой сирены, оглушил нас, и мы решили, что какой-то пароход идет на «Еретика». Катастрофа неизбежна! Мы поспешно ухватились за все, что могло звенеть: мне попалась кастрюля, и я принялся барабанить по ней винтом от пресса для выжимания рыбы, а Джек яростно замолотил крышкой по своей миске. Отчаяние удесятирило наши силы. Рокот мотора и вой сирены все нарастали приближаясь и, наконец, слились в какой-то адский оглушительный рев...

И вдруг все кончилось так же внезапно, как началось. Воцарилась гробовая тишина. Мы с Джеком окаменели на мгновение, но затем с еще большим усердием принялись греметь и звенеть, подавая свои импровизированные сигналы. И тут снова послышались рокот мотора и зловещее завывание сирены. Я понял, что если так будет продолжаться, мы сойдем с ума... Казалось, что диссонирующие звуки доносились к нам со всех сторон с одинаковой силой. Я начал считать минуты: одна... другая... Прошло десять мучительных минут, которые показались нам самыми длинными в нашей жизни. Потом рев опять стих, а вместе с ним исчезло и наше лихорадочное волнение.

И тогда, словно по волшебству, порыв ветра разорвал плену тумана. Мы увидели море совершенно пустынное до самого горизонта. Ничего на 30 километров вокруг! Мы остолбенели. Мы могли поручиться, что все это не было обманом чувств. Но в тот момент наши умственные способности были слишком притуплены, и мы так и не смогли дать логичное объяснение этому происшествию, которое до сих пор называем «тайной островов Колумбретес». По общему соглашению мы тут же решили по возможности забыть хотя бы на время этот кошмар, чтобы он не преследовал нас по ночам... Надо было срочно восстановить наши силы.

Позднее, сравнивая наши впечатления, мы склонились к мысли, что это была подводная лодка, поднимавшаяся на поверхность, чтобы набрать свежего воздуха. Но у подводных лодок не бывает сирен для подачи сигналов в тумане, так что тайна остается тайной...

Видно, потерпевшие кораблекрушение всегда одинаковы: все они попадают под власть таинственных чар моря.

Лично меня ожидало еще одно испытание, более простое, но не менее трагичное: во время этой кошмарной ночи с 1 на 2 июня я почувствовал в челюсти болезненные подергивания, характерные для образующегося нарыва, а вскоре он действительно появился и стал быстро расти. Его вызвало загрязнение недавно полученной ранки. Питание сырой рыбой отнюдь не способствует быстрому заживлению ран, и надо отметить, что малейшая из полученных нами царапин затягивалась очень долго. Мы стали чрезвычайно восприимчивыми ко всякой инфекции.

Если б речь шла о моем товарище, я сейчас же прибег бы к пенициллину, но такой старый подопытный кролик, как я, мог обойтись и без этого средства. Однако вскоре боль стала настолько сильной, что я прокалил на керосиновой лампе свой складной нож и вскрыл нарыв, посыпав порез стрептоцидом. На какой-то момент боль стала совершенно невыносимой, и Джек, глядя на меня, уже приходил в отчаяние. Но тут мне стало легче и уже надолго: в конце концов мой метод лечения был не так уж плох.

Нас опять окружали киты. Очевидно, они готовили мне одну из самых шумных ночей за все время путешествия. Ветер по-прежнему дул порывами. Море с обычным шумом обрушивалось на нос нашей лодки, но сквозь этот мерный и гулкий звук можно было отчетливо различить посапывание и вздохи окружавших нас морских гигантов. Успокоенные ночной темнотой и нашей пассивностью, они подошли очень близко и, надо сказать, не внушали мне особого доверия. Я откровенно боялся, что эти любопытные киты, забыв о своей величине, слишком быстро высунутся из воды и тогда прощай наша надувная лодочка и те, кто на ней находится...

Наш фонарь привлекал все живое: дельфины и рыбы всех видов резвились в его лучах. Вдруг за кормой из глубины всплыли два маленьких зеленых огонька, словно глаза кошки, освещенные фарами автомобиля. Это был небольшой скат, привлеченный необычным светом. Несмотря на все мои усилия, мне не удалось его загарпунить, и это было очень хорошо: в этой рыбе столько же соли, как в море, и есть ее, не имея пресной воды, было бы опасно для наших почек.

В эту ночь я сделал неловкое движение, и одно из весел упало в море. Это была катастрофа: запасного весла мы не взяли, а грести только одним веслом было невозможно. Мы долго шарили по поверхности моря лучом фонарика, но безрезультатно. Теперь мы уже не могли высадиться на берег без помощи ветра.

На следующий день, 2 июня, небо прояснилось, но ветер, хотя и переменившийся на юго-западный, оставался по-прежнему сильным. Если бы мы могли хотя бы замедлить дрейф нашей лодки к грозному заливу Льва! Джек считал, что мы отклоняемся от курса примерно по 50 миль в день.

Вот уже пять суток, как мы ничего не ели, и голод все увеличивался или, вернее, теперь мы страдали от него по-новому. Желудок нас больше не мучил. Мы испытывали лишь общую усталость, желание «ничего не делать». На фотографиях этого периода мы выглядим бледными, истощенными, с мешками под глазами. Моя физиономия искажена отеком. Неодолимая сонливость овладела нами: хотелось спать и спать долго и крепко, как сурки. Поэтому я, как обычно, дремал, когда около 9 часов утра Джек, следивший за рулем, закричал:

— Ален! Ален! Рыба!

Я вскочил и еще успел рассмотреть морского окуня, который, используя нашу кормовую волну, бесцеремонно нырял между концами поплавков. На этот раз это был крупный экземпляр весом не менее трех-четырех килограммов. Держась все время около руля, он иногда почесывал о него спину, словно осел о стену. Самое главное — не промахнуться! Мое

подводное ружье заряжено, я мгновенно принимаю положение для стрельбы и старательно прицеливаюсь. Гарпун касается воды. Любопытная рыба сейчас же подплывает, чтобы рассмотреть этот странный предмет. Роковое любопытство! Я нажимаю на спусковой крючок, и стрела на пятнадцать сантиметров входит в голову рыбы. Окунь убит наповал, вода вокруг краснеет. Мы втаскиваем его на борт и некоторое время обалдело стоим перед своей добычей, пожирая ее глазами. Я считаю, что эта пауза была очень полезной, так как позволила нашим желудкам выделять желудочный сок и готовиться к принятию настоящей пищи. Наши желудки, так сказать, заранее облизывались... О, великий рефлекс Павлова!

Прежде всего напиться. Я решил попробовать на этой крупной рыбе метод насечек на спине, в общем аналогичный тому, какой применяют при сборе сосновой смолы. Какое наслаждение пить, наконец, пресную жидкость! Как и в прошлый раз, первую порцию пищи было довольно трудно переварить. Наши желудки без особой охоты приспосабливались к этому странному режиму: сырая рыба — пост, пост — сырая рыба! Ничего, приспособятся! Зато теперь у нас был запас на два дня. Настроение заметно улучшилось. Буря продолжала нас трепать, но было тепло, а главное — у нас была пища.

Один за другим прошли три дня созерцательной жизни, три дня гнетущего бездействия и снова: «Припасы наши подошли к концу, оэ-оэ»!¹.

Мы ни на шаг не продвинулись к островам, наоборот, нас систематически относит от них все дальше. На четвертый день снова начнется пост. Несмотря на всю бодрость нашего духа, такая перспектива нас угнетает. Очевидно, подобный режим нельзя выносить долго. Средиземное море явно не обеспечивало наших потребностей. Мимо нас с угрожающим шумом часто проходили разные суда, но ни одно из них нас не замечало или во всяком случае не интересовалось нами. Конечно, мы к ним не обращались за помощью, но хотелось бы знать, что было бы, если б мы это сделали? Придется как-нибудь произвести опыт.

Наконец, утром 5 июня, на 12-й день путешествия волнение утихло. Мы были измучены и голодны, но полны веры и решимости все вынести и продолжать путь. Где мы находимся? Это надо было выяснить прежде всего. В полдень Джек установил, наконец, впервые за последние шесть дней наши координаты. Сделав петлю во время бури, мы находились на расстоянии 150 миль к северо-северо-востоку от Менорки. Придется снова идти тем же самым путем, по которому мы шли несколько дней назад. Но это капризное море любит контрасты: ветер сменился полным штилем. Вокруг ни малейшего дуновения.

¹ Слова известной французской песенки.— *Прим. перев.*

Море словно зеркало, из которого временами выпрыгивают черные точки, а затем падают обратно; от них на поверхности разбегаются концентрические круги. Мы буквально окружены тунцами и дельфинами, выпрыгивающими из воды со всех сторон. Склад продовольствия раскрывает перед нами свои двери. Необходимо во что бы то ни стало достать оттуда хоть что-нибудь! Вспоминая о том, что я пытался сделать в то утро, я не могу удержаться невольной улыбки: я всерьез решил загарпунить тунца. Только умирая от голода можно пуститься в такую авантюру! Загарпунить тунца — не велико достижение, но пытаться вытащить его на борт — это уже цирковой номер, который вызвал бы дружный хохот всех любителей подводной охоты. Я надеваю маску, прилаживаю дыхательную трубку и спускаюсь на воду. Джек подает мне подводное ружье. Я быстро подплываю к стае тунцов. Бац! Стрела вылетает и дрожа впиается в плотную массу...

В тот день я едва не попался к рыбе на удочку. Конечно, тунец потащил меня за собой, а не наоборот. К счастью, прочность шнура имеет свои пределы, даже когда это шнур из нейлона. И слава богу!

Потеряв стрелу, а вместе с ней и все иллюзии, я с помощью Джека еле влезаю в лодку. Благодарение providению, что там был Джек: без него я никогда не сумел бы подняться на борт.

А пост продолжается: 4, 5, 6 июня... Тянутся однообразные и все более изнуряющие дни. Наше единственное питье — морская вода, наша единственная пища — планктон, который с каждым днем надоедает все больше. Малейшее движение причиняет боль и стоит нечеловеческих усилий. Голодание превратилось в настоящий голод; из острого состояния он перешел в хроническое. Мы начали потреблять собственные белки, это было саморазрушение. Мы больше ни о чем не думали, три четверти суток мы либо спали, либо дремали.

Ветер дул редко, но, к счастью, каждый раз хоть немного приближал нас к цели. Вечером в пятницу 6 июня мы решили испытать нашу сигнализацию. Мы попытаемся остановить пароход и таким образом узнаем, каковы наши шансы быть замеченными в случае катастрофы. Мы сможем послать весточку своим; они, вероятно, умирают от беспокойства. А кроме того, мы боялись, что нас вот-вот начнут искать, чего мы не просили, и прервут наш опыт. Впрочем, если бы мы даже были подобраны каким-нибудь судном, как мы этого желали, моя теория о возможности жизни на море от этого бы не пострадала.

В самом деле, в Средиземном море для потерпевшего кораблекрушение не существует проблемы поддержания жизни, потому что его должны быстро заметить с одного из многочисленных кораблей, бороздящих эти воды. Другое дело, когда

речь идет о таком огромном и пустынном океане, как Атлантический. Теперь, испытав себя и снаряжение, мы хотели скорее прибыть в Танжер или Гибралтар и оттуда отправиться в Атлантический океан. Джек хотел, чтобы это произошло до начала сентября, ибо он был убежден, что тайфуны в районе Антильских островов начинаются именно в это время. На самом деле в сентябре они кончаются, и в период с ноября по март никто их не наблюдал. Почему он так ошибся, мне до сих пор неясно.

Таким образом, было решено: в этот же вечер мы попытаемся остановить пароход и попросим дополнительных припасов. Пусть нам будет хуже!

До сих пор нам ни разу не приходило в голову открыть наши запасы концентратов. Эти продукты очень трудно достать, и они могли бы нам чрезвычайно пригодиться во время плавания по Атлантическому океану. А кроме того, плыть, питаясь нашими продуктами, не имело никакого смысла: они должны были пойти в ход лишь в том случае, если у нас не хватит сил сопротивляться. А мы еще чувствовали себя довольно сносно и даже не думали к ним притрагиваться. Повторяю еще раз: опыт тогда потерял бы всякий смысл.

18 часов. Впереди нас справа по борту судно. Мы пускаем в ход заранее приготовленные сигнальные приспособления. Джек выпускает две ракеты. Никакой реакции. Я хватаю тогда мой гелиограф, прибор, направляющий солнечный луч в глаз наблюдателя по принципу детских «зайчиков», и пытаюсь привлечь к нам внимание, мигая прибором в ритме SOS. Пароход идет своим курсом. Может ли быть, чтобы нас в самом деле не видели? Тогда это казалось совершенно невозможным, но теперь я убежден в обратном, потому что заметить нас хоть один пассажир, он бы сейчас же об этом заявил.

Как только пароход исчез за линией горизонта, на море все стихло. Но если людям до нас не было дела, то жители моря о нас не забывали.

Этот вечер закончился зрелищем, странным и неповторимым. На закате я вдруг увидел на поверхности моря тысячи маленьких отражений солнца. Вглядываясь в это сверкающее зеркало, я с изумлением понял, что это были сотни и сотни морских черепах, панцири которых, словно припаянные один к другому, образовали толстую корку на поверхности волн. По временам из этой массы высывалась уродливая голова и пристально смотрела на нас маленькими злыми глазками. Я сделал неосторожное движение, пытаюсь приблизиться, чтобы метнуть гарпун, и вся масса удалилась, поблескивая, словно огромная металлическая пластина. И опять воцарилась ночная тьма, равнодушная как к буре, так и к затишью.

Суббота 7 июня. Рассветает. Очевидно, день будет зной-

ным. Правда, барометр настроен пессимистически: он все время падает. Джек еще спит. Я тихонько бужу его:

— Джек, примерно в двух милях корабль!

Снова подаем сигналы бедствия. Джек берет свою ракетницу: раз, два, три... Ракеты взлетают в воздух и вспыхивают в утренних сумерках, но корабль спокойно идет дальше. Для моего гелиографа еще слишком рано. Что делать? Неужели и это судно уйдет от нас? Неужели потерпевший кораблекрушение должен отказаться от всякой надежды быть замеченным? Последний шанс: у нас имеется дымовая шашка с оранжевым дымом, заметным в утреннем свете. Мы бросаем ее в море, и нас начинает окутывать дымное облако. Как томительно ожидание! Как долго тянутся минуты!

Облако рассеивается, и мы видим, что тяжелая машина движется прямо на нас. К нашему удивлению, судно приближается, не уменьшая хода. Это «Сиди Феррук».

Капитан кричит нам с моста:

— Вам что-нибудь нужно?

Словно мы его потревожили, чтобы сказать: «Нет, что вы».

— Пришлите наши координаты и какие-нибудь продукты! — просим мы.

Корабль делает большой круг и останавливается примерно в полукилометре. Несмотря на истощение, мне приходится взяться за весло... Я приближаюсь к борту корабля. Пассажиры вступают с нами в дружескую беседу. Помощник капитана приказывает передать нам кое-какие припасы и воду. Но тут появляется сам капитан, похожий на грубого унтера.

— Хватит болтать! — кричит он. — У нас нет времени на всякие опыты!

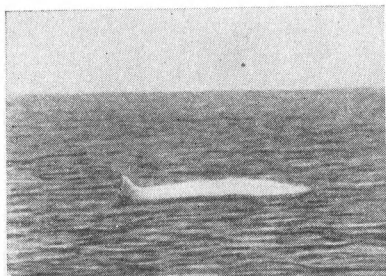
В общем, настоящий «джентльмен»! Джек насупился и замолчал. Он не курил уже пять дней и надеялся получить хотя бы сигарету, но теперь он не хочет ее просить. Помощник торопливо отдает команду, и мы расстаемся, причем никто так и не предложил нам подняться на борт. «Сиди Феррук» удаляется вместе со своим «любезным» капитаном.

Мы и не предполагали, как дорого обойдется нам эта встреча и сколько упреков посыплется на нас за то, что мы приняли какую-то смехотворную продовольственную помощь. Но этот случай стал прекрасным предлогом для тех, кто захотел забыть, что из 14 дней плавания 10 дней мы провели без пищи и питья, а четыре дня питались только морским окуном и пили только рыбий сок. Разве мы могли предполагать, что превратимся в обманщиков только потому, что попросили немного еды в такой момент, когда наше положение было ничем не лучше положения пассажиров «Медузы»!

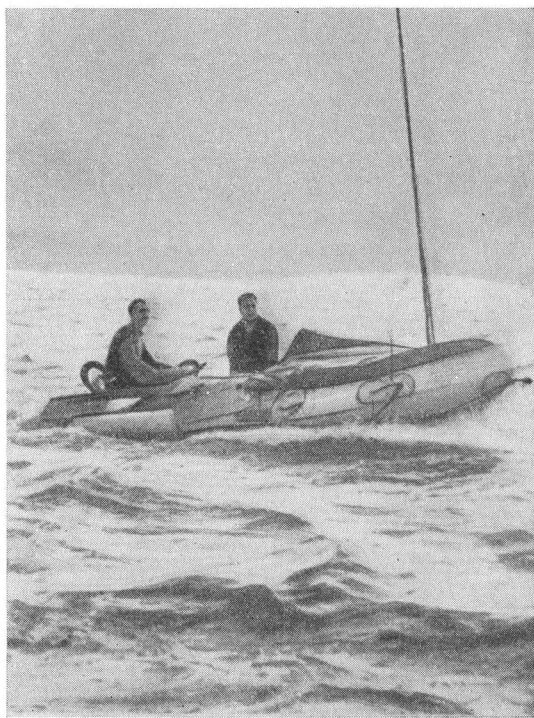
Ведь мы продержались 14 дней! А большинство пассажиров «Медузы», несмотря на наличие воды и вина, были найдены мертвыми уже на 12-й день.

Ален Бомбар
в своей лаборатории в Монако.
В левой руке он держит пресс
для выжимания рыбьего сока,
в правой — бутылку с этим соком

«Белый кит».
То, что кажется хвостом кита,
в действительности
его спинной плавник.
Хвостовая часть животного
скрыта под водой

Бомбар и Пальмер
в «Еретики»
при отплытии из Монако.

С 7 ПО 21 ИЮНЯ

«Сиди Феррук» быстро удаляется. Желаю, капитан, чтобы вам никогда не пришлось участвовать в таких «опытах», как наш!

Корабль скрылся, унося с собой груз насмешек, клеветы и оскорблений, которые посыплются на нас в ближайшие месяцы. Но тогда мы этого еще не знали.

Джек изливает свое возмущение по поводу невежливого поведения французского капитана. Я не могу с ним не согласиться. Но по крайней мере наши будут успокоены. И, кроме того, мы не поддались искушению подняться на борт... Опыт продолжается.

Наконец-то, мы можем отвести душу и напиться пресной воды! Открываем мешок с провизией. Он содержит сухари, четыре банки мясных консервов и банку сгущенного молока.

Барометр не солгал: несмотря на сверкающее солнце, ветер усиливается. Но на этот раз он дует в нужном нам направлении: на юго-юго-запад.

Приближается Менорка... А вот и воскресный подарок: 8 июня в полдень показывается вершина Торо. Она видна гораздо яснее, чем восемь дней назад. Сможем ли мы на этот раз пристать к берегу?

Балеарский архипелаг состоит из шести островов, из которых главные Менорка, Мальорка и Ивиса. Менорка расположена восточнее остальных. На южном берегу находится ее столица Маон, знаменитая благодаря сражению, которое дал здесь герцог Ришелье¹. Мы можем пристать к острову либо у столицы на востоке, либо у маленького порта Сьюдадела на западе. С севера пристать невозможно из-за береговых скал и утесов, которые были причиной многих кораблекрушений и, в частности, гибели «Генерала Шанзи» в 1910 году. Так что северный берег придется обойти.

Сначала мы направились к северо-восточной оконечности острова, надеясь к ночи добраться до Маона. Но ветер решил иначе и отнес нас немного западнее. Поэтому на следующее

¹ Именно тогда был изобретен майонез (правильнее «маонез»).

утро мы оказались в нескольких кабельтовых от северного берега. Где же вы, цветущие бухточки, которые возникают перед глазами при словах «Балеарские острова»? Заливы и пляжи находятся лишь на южном берегу.

Три бесконечных дня мы плывем вдоль побережья, не имея возможности к нему пристать. А между тем мы находимся совсем рядом! Я не выпускаю из рук киноаппарата: если внезапный ветер отнесет нас в сторону, киноплёнка будет нашим свидетелем.

В понедельник мы постепенно продвигаемся к северо-западной оконечности острова. Мы настолько приблизились к берегу, что я вижу, как по холму бежит кролик.

Муки голода окончились: ежедневно я занимаюсь подводной охотой. Боже мой, какое благодатное место! Во время нашего путешествия вдоль берега и последующего пребывания на острове я почти ежедневно охотился по часу и каждый раз приносил не менее 6 килограммов рыбы.

Тем не менее мы спешим добраться до порта. Дальнейшее плавание по Средиземному морю кажется нам бесполезным: мы хотим поскорей окончить этот первый этап и переправиться в Малагу или в Танжер, то есть непосредственно в район Гибралтарского пролива. А оттуда мы сможем отправиться через Атлантический океан.

Во вторник 10 июня, на закате солнца, мы находились в нескольких десятках метров от северо-западной оконечности острова. Слабый ветерок постепенно пригнал нас сюда, но в тот момент, когда надо было обогнуть мыс Менорка, он нас покинул. Ни бухты, ни заливчика, где можно было бы бросить якорь. В довершение всего ветер с суши отбрасывал нас в открытое море. О Менорка, земля обетованная, неужели ты опять исчезнешь? Неужели мы снова будем совершать «круги ада» по Валенсийскому заливу?

Мы еще раз попробовали задержать отклонение от курса с помощью плавучего якоря. К несчастью, течение тоже несло нас к северу, и, проснувшись в среду 11 июня, на восемнадцатый день путешествия, мы с отчаянием убедились, что находимся по крайней мере в 15 милях от столь желанного берега.

Но вскоре мужество к нам вернулось. Поднялся легкий бриз, и мы снова стали приближаться к западной оконечности острова, все к тому же мысу Менорка. Мы знаем, что стоит только обогнуть этот мыс и примерно в миле к югу нас ждет маленький порт Сьюдадела, наше спасительное убежище. С какой радостью часов в 10 утра мы увидели, наконец, у берега десяток направлявшихся в разные стороны рыбачьих судов! Они нас не замечали. Но одно из них направилось вынимать сети к северо-востоку от нас. Невозможно, чтобы оно не встретилось с нами на обратном пути. Мы решаем попросить, чтобы нас отбуксировали до самого порта.

Нас все еще не замечают! Неужели нашу лодку опять отнесет от желанного мыса Менорка? Мы подходили все ближе к земле, когда ветер снова стих. Что ж, опять все сначала? К счастью, нет! Когда мы были в двадцати метрах от берега, к нам подошла рыбацья лодка и взяла нас на буксир... Через десять минут, не веря собственным глазам, мы входим в маленький очаровательный порт, который нас приютил и совершенно обворожил. Впрочем, это очарование было опасным для моего товарища, так как, несмотря на всю свою стойкость, мужество и ровное настроение на море, он не умел противиться соблазнам земли.

По случаю нашего прибытия собралась большая толпа. Впереди стоял пожилой испанский офицер, в глазах которого светился ум.

Взглянув на наш флаг, он обратился ко мне. Я с трудом держался на ногах, поддерживаемый двумя любезными добровольцами. Завязался быстрый разговор:

— Вы француз?

— Да.

— Откуда вы прибыли?

— Из Франции.

— Вот на этом? — он взглянул на «Еретика».

— Да.

— Из какого порта?

— Монте-Карло.

— Милостивый государь, для того чтобы я вам поверил...

Я протянул ему вырезку из газеты, где сообщалось о нашем предстоящем отплытии.

Тогда этот старый испанский офицер отступил на шаг, вытянулся перед нашим флагом и воскликнул:

— В таком случае, господа, да здравствует Франция!

Справившись с охватившим меня волнением, я попросил его засвидетельствовать неприкосновенность нашего аварийного запаса.

Какой контраст по сравнению с двумя предыдущими сутками! Прежде всего поскорей послать телеграммы своим. Затем большой стакан пива со льдом — настоящее благословение божье! Мы выпили его в маленьком кафе, хозяйка которого по-матерински ухаживала за нами все время нашего пребывания на острове.

И начали действовать чары волшебной страны. Проводники, ставшие нашими друзьями, познакомили нас с богатствами и соблазнами этого счастливого городка.

Спасибо тебе, Гильермо, за то, что ты ввел нас в жилища, где сохранились вещи, напоминающие о различных завоевателях — маврах, французах, англичанах, испанцах, где мебель времен королевы Анны находится рядом с испанским оружием и великолепными фламандскими рукописями. Спа-

сибо тебе за то, что ты сказал мне однажды: «Этот дом твой!» Ведь в устах человека твоей нации это не пустая фраза.

Спасибо тебе, Августин. Ты угощал меня типичными блюдами Менорки и среди них — знаменитой «собразадой», жгучее воспоминание о которой я сохранил до сих пор.

Спасибо вам, Фернандо и Гарсиа! Вы показали мне маленькие уютные бухточки, где резвились морские окуни и множество других рыб, вселявших надежду в такого незадачливого рыбака, как я.

Даже моя вторая страсть, любовь к музыке, получила полное удовлетворение на этом чудесном острове. На следующее воскресенье Гильермо познакомил меня с одним из местных композиторов, в доме которого я встретился с прекрасным пианистом Мальорки доном Мас Порселем, учеником Альфреда Корто. И вот Бах, Фалла, Шуман и Дебюсси вновь овладели мною. Как мне трудно будет уехать!

И тем не менее в понедельник мы под аплодисменты присутствовавших покинули прелестный маленький порт. Нам помогли друзья — моряки и тот симпатичный офицер испанского флота, который так радушно нас встретил, — Мануэль Деспухоль. Рыбачья лодка отбуксировала нас примерно на пять миль от берега Менорки по направлению к Алькудии.

Второй раз произошло то, к чему мы должны были постепенно привыкнуть. Минут через десять буксир был отцеплен, и мы снова остались одни. На этот раз наш путь был короток: мы хотели достичь Мальорки, находящейся на расстоянии сорока миль отсюда. Мы могли прибыть туда на рассвете следующего дня. Но для этого надо было добиться, чтобы нас не отбросило к северному берегу, — задача довольно трудная, так как кили нашей лодки были плохо закреплены и почти не действовали, а ветер дул с юго-востока.

Наиболее удобным пунктом высадки нам казалась Алькудия, порт на северо-восточном берегу. Все шло как будто благополучно, и утро 17 июня мы встретили на правильном пути посередине фарватера. Показалось несколько рыбачьих судов, которые дружески нас приветствовали.

Пребывание на земле не слишком продолжительным, и мы быстро вернулись к привычной жизни на «Еретике». Впрочем, мы взяли с собой некоторые съестные припасы, считая, что на пути между двумя островами опыты проводить бессмысленно. Аварийный запас оставался по-прежнему в целости для путешествия по Атлантическому океану.

Наконец, около 18 часов милый остров Менорка, незначительно возвышавшийся на линии горизонта, исчез на востоке, а в лучах заходящего солнца появилась величественная и надменная Мальорка.

Все шло как нельзя лучше. Огни Алькудии были уже ясно видны. Мы находились примерно в пяти милях от порта.

Вдруг Джек, сидевший за рулем, сообщил мне со свойственным ему спокойствием:

— Ален, мы чертовски отклоняемся к северу. Ветер дует теперь точно с юга. Мне это не нравится: оба ветра — южный и северный — приносят в этом проливе сильные бури. Впрочем, попытаемся добраться до порта.

Увы, обрывистые утесы Мальорки пронесли мимо. Нас опять уносит в Валенсийский залив! Единственная надежда — плавучий якорь. Поистине, это море хоть кого приведет в отчаяние! Когда, наконец, мы его покинем и вступим в область регулярных ветров? Я даю себе клятву никогда больше не плавать по Средиземному морю без мотора.

Опять предстоит ночь бездействия и ожидания. Что-то принесет завтрашний день? Право же, Средиземное море начинает нам надоедать.

На рассвете 18 июня мы опасливо озираемся по сторонам. Ветер стих, но мы с отчаянием констатируем, что наше положение примерно такое же, как во вторник 10 июня в тот же самый час. Мы находимся, может быть, чуть подальше от открытого моря, милях в двадцати к северо-востоку от северной оконечности Менорки! Перед нами снова стоят те же проблемы: нужно еще раз обогнуть мыс и пересечь пролив.

В довершение несчастья северный ветер крепчает, обещая бурю. Вдали от берега мы бы ничего не боялись, но здесь среди скал опасность была очень велика. Единственное, что мы могли сделать, это попытаться вернуться в Сьюдаделу и там подождать улучшения погоды. Идти надо было как можно скорей, потому что ветер не ждал. Очень быстро, примерно за четыре часа, то есть со средней скоростью в пять узлов, мы приблизились к земле. Но море беснуется, и нет никакой возможности обогнуть роковой мыс. В тот момент, когда мы уже решаем повернуть к востоку и войти в одну из относительно спокойных бухт, к нам подходит рыбацья лодка, которая берет нас на буксир.

Но на сей раз довести нас до порта гораздо труднее: движение волн то и дело ослабляет буксирный канат, а затем натягивает его сильным рывком со звуком, подобным «пиччи-каго».

Все идет благополучно, пока мы движемся против волн, но Джек не скрывает своего беспокойства: «Что будет, когда мы повернемся боком к волнам, прежде чем ветер станет попутным?»

Внезапно канат натягивается как раз в тот момент, когда мы находимся на самом гребне, и в ту же секунду волна обрушивается вниз. «Еретик» перевортывается, мы в воде... Я быстро выплываю и вдруг слышу голос Джека:

— Веревка, Ален, веревка!

Чрезвычайно удивленный, ищу веревку, чтобы бросить ему. Ведь он прекрасно плавает. Но Джек объясняет:

— У меня ноги запутались в веревке, и я не могу плыть. К счастью, буксирная лодка приближается, и мы вскарабкиваемся на борт. В этот момент, еще наполовину в воде, я кричу:

— Ну что, Джек, опыт продолжается?

Он отвечает с обычной британской флегмой:

— А кто в этом сомневался!

Милый Джек! Я же говорил, что в море он великолепен! И зачем только понадобились эти остановки на суше?!

«Еретик» похож на черепаху, перевернувшуюся на спину. Понемногу из тента начинают выплывать различные предметы. Презирая опасность быть выброшенным на берег, увеличивающуюся с каждой минутой, испанские рыбаки вертятся вокруг места «кораблекрушения». Когда что-нибудь всплывает, я ныряю, стараясь спасти как можно больше вещей. Прежде всего парус, затем непромокаемые мешки (слава богу, интересные киноплёнки спасены!), несколько кассет с пленкой, весла, спальные мешки... Увы, мы не досчитались кино- и фотоаппаратов, радиоаппаратуры, компаса, бинокля. Мачта сломана, тент разорван.

Повесив нос, мы возвращаемся в порт Сюдаделах, волоча за кормой «Еретика».

Что же произошло? Нас буксировали слишком быстро, при поднятом парусе и против ветра. Сочетание порыва ветра, рывка буксира и неудачно обрушившейся волны нас и опрокинуло. Мораль: никогда не буксироваться даже при благоприятном ветре без плавучего якоря, чтобы встречать волну только носом.

Но в конце концов мы спасены, лодка цела, и наша воля не поколеблена. А это главное! И, кроме того, нам теперь будет что порассказать!

БИТВА ЗА СНАРЯЖЕНИЕ. ТАНЖЕР

Как только мы высадились, я отправил телеграмму с просьбой выслать нам необходимое снаряжение взамен утеряннго. Ответ не заставил себя ждать: «Жан Феррэ выезжает в Пальму». Итак, Жан может быть уже в Пальме. Нам ничего не оставалось делать, как спокойно ждать представителя «обитателей суши».

В четверг с раннего утра я отправился к морю, чтобы вдоволь поохотиться под водой. Вместе с Фернандо, чемпионом Менорки по подводной охоте, мы спокойно ловили рыбу, когда появился запыхавшийся мальчик и сообщил, что нас ждут какие-то два француза, которые привезли известия от моей жены.

«Это Жан»,— подумал я. Вскочив на велосипед, я нажимал на педали все пять километров, несмотря на палящее солнце, чтобы побыстрее добраться до порта и увидеть... двух неизвестных, которые, завладев судовым журналом Джека, без стеснения переписывали его. Слегка удивленный, я все же принял своих соотечественников насколько мог любезно и объяснил им цель нашей экспедиции. Они были уже осведомлены обо всем, так как успели расспросить коменданта порта и ознакомиться с нашими путевыми записями. Все утро они надоедали мне расспросами, затем увязались за нами к друзьям, которые пригласили нас к себе на завтрак, и фотографировали нас там с поразительной бесцеремонностью. И тут выяснилось, что они даже не знают адреса Жинетты. После этого довольные собой репортеры улетели в Пальму, оставив нас в полнейшей растерянности. С меня было достаточно. Мы решили, что больше и пальцем не пошевелим для таких нахалов.

На следующее утро в пятницу комедия повторилась. Прибыли еще какие-то два француза. Они нас ждут. Мы тотчас же улегучиваемся, чтобы избежать встречи с ними. Часом позже в Сюдаделе появились взмыленные, запыхавшиеся, взбешенные... Жан Феррэ и Санчес, французский консул в Маоне, глубоко убежденные, что средиземноморское солнце

растопило нам мозги и мы вполне созрели для сумасшедшего дома.

Новости были не из веселых. Покровитель экспедиции отказывал нам в дальнейшей помощи.

В чем дело? Почему такое внезапное охлаждение? Оказалось, что почти все газеты, которые не принимали нас всерьез, после встречи с «Сиди Феррук» объявили, будто экспедиция Бомбара провалилась. Надо было выяснить все начистоту...

Оставив Джека на Менорке, я решил отправиться через Мальорку в Париж. На «Большом острове»¹ нам во всем помог французский консул господин Фременвиль, и в понедельник 23 июня мы выехали в Париж.

Я не стану рассказывать подробно об этой поездке на автомобиле, которая была может быть самым опасным этапом нашей экспедиции. Скажу только, что в 8 часов утра мы были в Валенсии, в 12 часов 30 минут — в Мадриде, в 19 часов — в Сан-Себастьяне, а в 6 часов утра прибыли в Пуатье. В общем, тоже рекорд!

В Париже нам предстояла борьба. Я хотел только одного: получить материалы для оборудования и ремонта лодки, чтобы продолжать плавание. Но, по-видимому, нас больше не принимали всерьез. Повсюду готовились к всевозможным «экспедициям», многие из которых были уж совсем фантастическими: например, переход Кентуки — Сан-Себастьян — Дублин на каноз, или переход через Па-де-Кале на мотороллере и т. п. И всех нас стригли под одну гребенку! Над нами смеялись. А конструкторы, если еще и не разувались в нас полностью, то во всяком случае колебались, следует ли нам помогать. Что касается нашего мецената, то переубежденный торжествующими «специалистами», он отказался нас финансировать под тем предлогом, что не желает «помогать моему самоубийству». Он не отдавал себе отчета в том, что, действуя таким образом, он сам катастрофически уменьшает наши шансы на успех и делает путешествие более опасным. Но что же все-таки произошло? Почему теперь все пытались сорвать нашу экспедицию?

Постепенно я начинал догадываться о причине такого резкого поворота. Кое-кто надеялся, что в первые же дни мы будем выброшены на итальянский берег. Когда же у нас появились некоторые шансы на успех, это вызвало раздражение. Но ведь я вовсе не собирался доказывать, что спасательное оборудование никому не нужно. Я лишь хотел дать надежду на спасение тем, у кого при кораблекрушении это оборудование окажется неполным или будет совсем отсутствовать. В игру вступили интересы, которые мне были со-

¹ То есть на Мальорке.— *Ред.*

вершенно чужды. Позже, в Танжере, все эти махинации сделались еще более явными и мои подозрения подтвердились. Экспедиция была в опасности.

Но вот в результате отчаянных споров мне удалось добыть материалы для ремонта лодки. В воскресенье 29 июня я возвратился в Пальму усталый и разбитый. Джек и «Еретик» должны были прибыть туда на пароходе «Сюдадела». Отсюда мы решили проплыть как можно дальше в сторону пролива. Если придется совершить вынужденную остановку, мы доплывем до Танжера на пароходе. Пусть думают, что хотя, но остановить нашу атлантическую экспедицию им не удастся! Я только боялся, как бы путем всяких каверз у меня не отобрали навигационное свидетельство. Тогда прощай, путешествие! И ведь никто не скажет:

— Ему не дали завершить опыт!

А будут говорить:

— Вот видите, он не смог довести свой опыт до конца, потому что его теория несостоятельна!

Возможно именно это и заставило меня впоследствии идти до конца, несмотря ни на что.

Оборудование взамен выбывшего из строя — мачта, два киля, компас и несколько книг — прибыло самолетом. Одному богу известно, сколько трудностей нам пришлось преодолеть в таможне из-за этого несчастного оборудования. И если бы не г-н Фремениль, я и сейчас, вероятно, сидел бы на Мальорке и спорил. В конце концов все было доставлено в яхт-клуб, который оказал нам радушное гостеприимство, и в воскресенье утром все было готово. Но Джек решил отплыть лишь поздно ночью, чтобы воспользоваться ветром с суши, который помог бы нам выйти из залива. Нам хотелось попробовать выйти из порта без посторонней помощи. А затем мы направимся либо к Африке, либо к берегам Испании.

Отплывали мы куда менее торжественно, чем в первый раз. Мы с Джеком неторопливо гребли. Нас провожала одна маленькая лодочка яхт-клуба. Наконец, поднялся восточный ветер. Прощай, остров Мальорка! Мы снова уходим в море.

На этот раз наше плавание напоминало увеселительную прогулку. В понедельник утром, еще неподалеку от берега, я вытащил несколько прекрасных рыб. Наше существование было обеспечено. Какой это был чудесный день! Ветер гнал нас в нужном направлении. Джек надеялся, что так мы сможем добраться до Аликанте на юго-восточном побережье Испании. Оттуда мы постараемся пройти вдоль берега как можно дальше в сторону Малаги. Но мы заранее решили, что в случае, если ветер спадет, будем добираться до Танжера первым попавшимся грузовым пароходом.

Сейчас самое главное для нашей экспедиции было выйти в Атлантический океан через «Геркулесовы столпы». Воистину это одно из семи чудес света влекло нас к себе неудержимо. В тесном, закрытом Средиземном море мы жаждали большого плавания, но эту жажду мог полностью утолить лишь океан.

Солнце припекало не шутя. Я купался все время; Джек предпочитал воздерживаться. К вечеру очертания Мальорки слегка заволокло. Мы старались уйти как можно дальше к югу от Ивисы, которую мы увидели во вторник утром. Ветер продолжал нам благоприятствовать. Питались мы неплохо благодаря удачной подводной охоте. Время от времени нас навещали дельфины.

Во вторник примерно около 16 часов мы с беспокойством заметили, что, несмотря на ветер, который должен был нас гнать вперед, наша лодка совсем не движается. Течение мешало нам плыть на запад. Если ветер переменится, нас отнесет обратно к Мальорке. Тогда мы решили идти возле самого берега. Последний в этом месте изобиловал отмелями, на одну из которых мы решили вывести «Еретика». Итак, за весла! Раз-два! Раз-два! Берег казался совсем рядом, но нам удалось добраться до него лишь поздним вечером.

Подойдя совсем близко, мы не на шутку испугались, так как заметили, что нас окружают сотни рифов. Наконец, когда уже совсем стемнело, мы наткнулись на маленькую бухточку, казавшуюся волшебной из-за необычайной прозрачности воды. Ночь была теплой и звездной. Какое блаженство спать на твердой земле!

Мы находились примерно в 15 милях от главного города острова. Тем хуже для нас. Было решено добраться до порта, как только позволят условия, и, погрузившись на пароход, переправиться в Танжер. Кружить по Средиземному морю было бесполезно.

Какой-то любезный фермер пригласил нас выпить винца, кисленького и зело слабящего. Он ничего не знал о международных событиях: даже имена Трумэна, Сталина, Эйзенхауэра ему ничего не говорили. Подумать только, что есть еще люди на свете, которые ведут столь растительное существование... Какую чудесную ночь провели мы под звездным небом на уютном ложе из сосновой хвои! Нам казалось, что мы переселились в иной мир.

На следующий день Джек попросил меня поохотиться. Я нырнул и почти тотчас же вытащил великолепного морского окуня. Четверг и пятницу мы также провели в вынужденном отдыхе посреди высоких красных скал, нависших над многоцветным дном, подобным дну у берегов коралловых атоллов, на котором вспыхивали солнечные зайчики от про-

плывающих рыб. И когда в субботу в шесть часов утра поднялся попутный ветер и «Еретик» смог двинуться к Ивисе, мы даже расстроились. Мы покинули эти очаровательные места, едва осмеливаясь тревожить веслами зеркальную поверхность гостеприимной бухты — последнего мирного видения перед бушующим океаном.

Как только мы вышли из своего убежища, нам сразу же пришлось приналечь на весла. Вскоре ветер снова упал; хорошо, что он хоть не дул нам навстречу! Увы, увы! Старая шутка: к полудню он снова подул, но на этот раз в обратном направлении, и мы были вынуждены укрыться в бухточке вблизи островка Тагоманго, у пляжа Эскана.

Нам все больше нравились такие импровизированные остановки. Джек со свойственной ему милой беззаботностью спрашивал: ну что нас толкает снова и снова в это неблагодарное море?

Вечером 12 июля к нам подошли два представителя гражданской гвардии, и один из них, поглаживая ружье, сказал:

— Приставать к берегу разрешается только на территории порта. Немедленно отчаливайте!

— Это невозможно: навалый ветер.

— Нас это не касается, — ответил он, побагровев от злости.

— Ну что ж, почтеннейшие господа, садитесь к нам в лодку, и попробуем отчалить.

Удар попал в цель, и два представителя международной военщины пришли в замешательство. В конце концов после совещания «генеральный штаб» разрешил нам дожидаться попутного ветра.

На следующий день, надев маску, я ныряю, чтобы раздобыть нам завтрак. Вдруг две очаровательные ступни и еще более прелестные ножки совершенно преображают мой подводный горизонт. Их обладательницу звали Мануэла, и она была старшей из трех сестер-чилиек, находившихся здесь же. Купанье заканчивалось впятером: усевшись в кружок прямо в море, мы едим арбуз.

У Мануэлы был с собой томик Малларме. Я его листаю, и мой взгляд задерживается на следующих строках:

Прощайте все! Корабль поднимает якоря,
И парус повлечет нас в дальние моря.
Как дань последняя душе моей в тоске,
Последний раз мелькнут платочки вдалеке.
Ведь скоро, может быть, срывая паруса,
Ломая мачты, вихрь обрушит небеса,
И будет нас носить среди валов белёсых...
О сердце, слушай же, о чем поют матросы!

Погода меняется, верхушки деревьев клонятся к западу. Вот и попутный ветер. Мы отплываем. В тот же день мы вхо-

дим в порт острова Ивиса. В яхт-клубе нас встречают с подлинно испанским гостеприимством. Решив поскорей распространиться со Средиземным морем, мы грузимся в пятницу на пароход «Сьюдад-де-Ивиса», который доставляет нас в Аликанте.

Вывернув карманы, нам удалось набрать на билет, дающий право проезда из Аликанте в Сеуту в качестве палубных пассажиров без питания. На пароходе «Монте-Бискарги» вначале на нас бросали косые взгляды, но вскоре весь экипаж проникся к нам симпатией. А пассажиры даже обещали сводить меня в Бильбао на концерт.

На всех стоянках мы выходили на берег вместе со старшим механиком. Радист тоже к нам благоволил, хотя однажды, будучи «под мухой», признался, что считает нас «ун поко локос» — немного сумасшедшими.

Капитан дал мне свою рубашку, так как моя была совершенно порвана ветром. Радист подарил Джеку туфли, а стюард подкармливал нас всю дорогу.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Какие же выводы можно сделать уже из первой части нашего эксперимента?

П и т ь е. В период с 25 по 28 мая я пил соленую воду три дня, а Джек — два. Все это время выделения организма были в норме, и жажды мы не испытывали. Значит, морскую воду пить можно, не следует только доводить дело до обезвоживания организма. Для того чтобы уменьшить жажду, мы иногда закрывали себе лицо тряпкой, смоченной в морской воде, и подставляли его солнцу. Пойманный морской окунь два дня снабжал нас и едой и питьем. В таких случаях самое опасное — это слишком поспешное возвращение к обычным нормам питания. Затем мы шесть дней сидели на морской воде, и это, пожалуй, является пределом. Потом два дня снова пили рыбий сок. Никакого нарушения работы почек не замечалось. Короче говоря, из четырнадцати дней пути — четыре дня мы пили рыбий сок, а десять дней — морскую воду. Нам удалось без труда выдержать этот период в десять дней, потому что он был разделен на две части.

Е д а. Голод заявляет о себе следующим образом: в первый и частично во второй день схваткообразные боли. На третий день боли исчезают и вместо них появляется сонливость и чувство постоянной усталости. Чтобы уменьшить потребность организма в питании, необходимо его «натренировать» и вести в основном вегетарианский образ жизни.

Кровяное давление у нас почти не менялось, но в этом отношении наша экспедиция была слишком непродолжительной, чтобы можно было делать выводы.

Следует остерегаться конъюнктивита или воспаления глаз в связи с сильным солнечным отражением на блестящей поверхности моря.

Употребление морской воды не вызвало у нас ни поноса, ни рвоты. Желудок почти не работал в течение двенадцати дней, но это не сопровождалось болями, налетами на языке и слизистых, дурным запахом изо рта или чем-либо подобным. Правда, газы выделялись в большом количестве.

Склонности к обморокам не было ни у Джека, ни у меня.

Уже на третий день кожа у нас стала сухой, но никакой сыпи не показывалось. Ноги не отекали. У меня в течение двух дней был отек лица, ясно видный в кинофильме. Раны заживали очень плохо, и замечалась склонность к нагноениям.

На пятый день у меня появился флюс на первом правом нижнем коренном зубе. Он вскоре назрел и прорвался, но затвердение и небольшая боль чувствовались еще долго. Слизистые, в частности губы, были сухи только вначале.

Я не хочу останавливаться на подробностях, но скажу еще несколько слов о снаряжении и о моем спутнике. Снаряжение не обмануло моих ожиданий: оно выдержало самые сильные волны. Нужно было укрепить только две вещи: мачту и кили.

Что же касается Джека, то он оказался прекрасным моряком. Сумев проделать путь от Монако до испанских берегов, он сделал то, что многие из опытных моряков считали невозможным; специалисты ожидали, что в лучшем случае мы доберемся до Корсики или до Сицилии. Кроме того, он проявил себя деятельным, мужественным и бескорыстным товарищем. Он всегда стремился занять самое неудобное место в лодке и всегда был наготове в трудные минуты. Никогда он не жаловался и никогда не был пессимистом больше, чем того требовали обстоятельства. Он доказал, что можно определить координаты даже на таком простом суденышке, как наше. Ни разу он не терял веры в успех. О таком спутнике можно было только мечтать!

Джек Пальмер сопровождал бы меня до конца. Больше того, вздумай я отказаться от своей затеи, он заставил бы меня продолжать путь. Но... я не мог предвидеть, что слишком продолжительная остановка лишит его мужества и заставит отказаться от дальнейшего плавания. Джек привел нашу лодку в Танжер, к начальному этапу моей большой атлантической экспедиции. Если бы не он, я бы никогда туда не добрался.

* * *

Наконец, вот и Сеута. День был праздничный, никто не работал, и капитан отказался следовать дальше, чтобы выгрузить нас в Танжере. Он даже не стал слушать наших доводов. Наконец, когда вмешался радист, капитан согласился довести нас до Танжера, если мы достанем тройное разрешение: полиции, таможни и начальника порта. Было 10 часов 30 минут. Судно должно было отчалить в 15 часов. Уходя, мы слышали голос капитана: «Разрешение из трех учреждений... и в праздничный день? Я совершенно спокоен!..» Однако в 12 часов 30 минут все было улажено. Испанские власти —

полиция и таможня — выполнили все формальности на основе простого устного заявления, а начальник порта приказал внести в судовой журнал «Монте-Бискарги» распоряжение выгрузить нас вблизи Танжера.

Вскоре «Монте-Бискарги» покинул Сеуту. В 21 час 30 минут «Еретик», накачанный на палубе, был спущен на воду. Капитан, чрезвычайно скептически относившийся к нашему опыту, признал, однако, что в такую погоду ни одну шлюпку спустить на воду невозможно, потому что, когда поднимается ветер, вода в проливе бурлит, как в котле.

«Монте-Бискарги» послал нам последний привет своим гудком... И вот мы идем сквозь тьму к огням международного города, где я найду деятельных и энергичных друзей и... опасных врагов, которые разлучат меня с моим спутником.

В полночь мы прибыли в Танжер. Причалили к яхт-клубу. Средиземное море было позади!

Танжер — большой красивый город. Национальные пред-рассудки не имеют здесь никакого значения. На следующее утро, когда я отправился в консульство за почтой, вице-консул господин Бержер предложил мне свои услуги, чтобы достать билет на самолет во Францию, оплачиваемый в Париже. Больше того, господин Мужно дал мне взаймы денег на этот билет. Консульство также одолжило мне определенную сумму, чтобы я мог приобрести приличное платье и заплатить за гостиницу.

В понедельник 28 июля я покинул Джека и отправился в Париж. Это было роковой ошибкой. Но я не мог не лететь: для того чтобы пуститься по Атлантическому океану, необходимо было сменить «Еретику». Нельзя было отправляться впервые в такое плавание, не обеспечив заранее максимум шансов на успех. А это надувное суденышко не только прошло не одну сотню миль по Средиземному морю, но и до того плавало уже три года. Наш меценат подготовил другую такую же лодку. Надо было ее получить.

Благодаря любезности руководителей компании «Эр Франс» я в тот же день прибыл в Париж.

Со времени моей последней поездки обстановка в Париже еще больше ухудшилась. Денег ждать было неоткуда. Я пошел к нашему меценату и рассказал ему о первых итогах. Я объяснил ему причины, по которым считал необходимым продолжать. К концу разговора он обнял меня и сказал: «Будете вы продолжать со мной или без меня, я все равно согласен вам помогать».

Он приказал передать мне лодку. Экспедиция продолжалась.

Мы должны были встретиться снова за обедом. Что произошло в промежутке? Я не знаю, но факт остается фактом: он снова переменил свое мнение и отказался предоставить

нам лодку. Он хотел во что бы то ни стало помешать нам продолжать путь.

Тогда я уговорил его поехать со мной в Танжер, надеясь, что Джек сумеет его убедить.

До отъезда мы разговаривали с некоторыми инженерами, и эти разговоры могли бы ему показать значение достигнутых нами результатов. Но мне казалось, что в действительности его больше всего интересует, могут ли потерпевшие крушение пользоваться пульверизатором или работающим на батареях аппаратом для опреснения морской воды и заведется ли мотор с помощью шнура, обмотанного вокруг лодки!

А я отплывал, чтобы доказать, что на море можно прожить без пищи и патентов... Очевидно, в начале экспедиции нас вдохновляли одни и те же идеалы, но теперь наши пути расходились!

Получив прямо с фабрики новую надувную лодку, я вернулся в Танжер с предметом моих мечтаний. Меценат приехал вместе со мной. В этот день мы долго разговаривали: Джек, он и я. Став сторонником официальной теории, наш меценат хотел убедить Джека, что надувное судно не сможет продержаться на море больше десяти дней. Но мы прекрасно знали, что это не так, и Джек был просто возмущен. Я думал тогда, что все в порядке и мы получим необходимую помощь.

Наш покровитель предложил мне купить радиоприемник, чтобы мы всегда знали точное время и могли определить свои координаты.

— Это слишком дорого, — ответил я.

— Сколько стоит приемник?

— Здесь, в Танжере, пятьдесят — шестьдесят тысяч франков.

— А во Франции?

— Примерно в два раза дороже.

— Я вам его дарю.

Мы пошли к торговцу. Наш благодетель заплатил и оформил квитанцию: «Д-ру Бомбару, Океанографический музей, Монако».

На следующий день он уехал... вместе с радиоприемником.

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

ОТПЛЫТИЕ ИЗ ТАНЖЕРА

Последнее время Джека не узнать. Его энтузиазм постепенно угасает. Позднее мне рассказали, что в те дни он признавался одному из наших друзей: «Если Ален оставит меня здесь еще на некоторое время, я уже не смогу отправиться вместе с ним...»

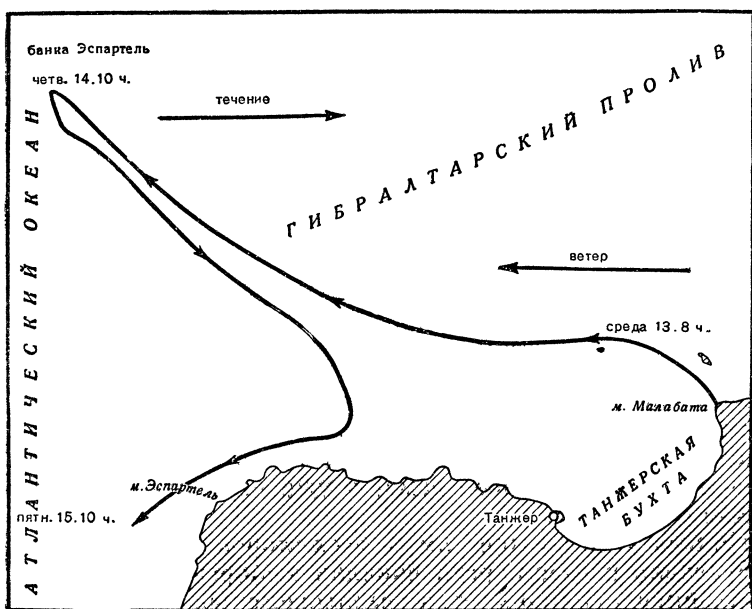
Но зато в те же дни нам со всех сторон начали помогать. Для начала нас по-царски приняли в Морском клубе. Затем г-н Клименс дал нам свои рыболовные снасти, г-н Мужно связал меня с бывшим радистом Ле Ганом, чтобы тот помог нам достать радиоприемник, бумаготорговец г-н Тарпэн подарил мне бинокль и, наконец, в самый последний момент г-н Бержер ссудил меня деньгами.

Несмотря на это дружеское содействие, дальнейшее ожидание становится невыносимым. Каждый раз Джек подыскивает новый предлог, чтобы отложить отплытие: мешает то ветер, то прилив, то неблагоприятное время года. Но ведь он моряк, и мне остается только соглашаться. Наконец, однажды я узнаю от шофера такси новость, которую в Танжере давно уже знают абсолютно все, кроме меня: Джек решил сделать все от него зависящее, чтобы я дальше не поплыл. Он уверен, что в одиночку я ни за что не отправлюсь в путь.

Совершенно обескураженный, я уже решил на все махнуть рукой, но тут подумал: «Ведь тогда обо мне скажут: видите, он не может этого сделать! Значит, его теория ошибочна!» Но я-то знаю, что не ошибаюсь! И я это докажу.

В конце концов после долгих споров и уговоров Джек хотя начал собираться в путь. Сначала он предложил отплыть снова в Средиземное море. Я твердо стоял на своем. Американский военно-морской атташе пытался мне доказать со штурманскими картами¹ в руках, что сейчас мы не добе-

¹ Штурманские, или навигационные, специальные карты издаются английским и американским военно-морскими штабами каждые два-три года. На них, в частности, отмечаются течения и ветры. Однако, за исключением тех мест, где эти течения и ветры до какой-то степени постоянны, такие карты не очень-то надежны.

ремя до Касабланки, а до Канарских островов и подавно. Это, мол, невозможно. Но я знаю, что это возможно! Недаром я целый год изучал в Океанографическом музее морские течения. С отплытием мы еще не запоздали. Наоборот, я знаю, что если мы тронемся в путь через месяц, у нас будет максимум шансов на успех.

Джек продолжает тянуть, ссылаясь то на ветер, то на приливы, то на отсутствие карт. Наконец, в понедельник 11 августа он с неохотой соглашается попробовать. Но я чувствую, что мне не удалось его убедить, и в мою душу закрадывается опасение: ведь стоит ему изменить курс, пока я сплю, и я проснусь уже в Средиземном море. А с другой стороны, все время следить друг за другом — хорошенькая перспектива!

Но вот и восточный ветер. Теперь он, наверное, не утихнет дня три. Нам предоставлялась прекрасная возможность выбраться из Гибралтарского пролива, из этой гигантской реки, стремительно несущей свои воды в Средиземное море.

Испанский баркас берет нас на буксир. Внезапно вместо того чтобы скомандовать курс на запад в сторону Атлантического океана, Джек кричит:

— Держать на Малабатский мыс!

Я удивлен и встревожен. Ведь это значит идти на восток, в Средиземное море! В свое оправдание Джек говорит, что

нам нужно под прикрытием мыса выждать, пока ветер не-много поутихнет.

Море и в самом деле беспокойное, однако если мы сейчас не воспользуемся попутным ветром, потом нам уже не удастся войти в «пасть чудовища». Это выражение, относящееся к Гибралтарскому проливу, хорошо передает мои чувства. В самом деле, мы покидаем Средиземное море, чтобы углубиться в нечто неизмеримо большее, нечто чудовищно огромное. Атлантика! Этот океан поглотил Атлантиду, целый материк, который дал ему свое имя. Что для него стоит проглотить нашу жалкую скорлупку!

Испанский баркас буксирует нас все дальше к востоку. Наконец, пристаем к маленькому пляжу, расположенному у дома графа Феррето Феррети, одного из наших друзей. Здесь в полном безделье мы проводим вторник. Наутро в среду ветер держится по-прежнему. Часов в девять Джек уезжает в Танжер, чтобы навестить кое-кого и сейчас же вернуться, потому что благоприятный ветер держится сегодня последний день и мы должны отплыть не позднее восемнадцати часов. В восемнадцать часов Джека все еще нет. Это уже слишком! Чувствую, что если буду еще колебаться, все пойдет прахом.

Оставляю таможенному досмотрщику Жану Стодель записку для Джека:

«Беру ответственность на себя и отправляюсь в плавание один. Чтобы добиться победы, нужно в нее верить. Если даже меня постигнет неудача, то потому, что я не специалист. До свидания, брат!

Ален».

Затем с помощью Жана Стоделя я отчаливаю, преисполненный ярости, честолюбия и веры в успех.

Один в океане

Прежде всего мне нужно было выбраться из Гибралтарского пролива в открытый океан, чтобы там меня подхватило Канарское течение. Близость берегов меня пугала, и я уходил от них все дальше. Как я был тогда наивен!

О своем одиночестве я не думал: сейчас нужно было бороться и победить. Речь шла о переходе из одного мира в другой — дело нешуточное! Выйти из Средиземного моря в Атлантический океан далеко не просто. Всего несколько миль разделяют эти два мира, но в каждом из них и время и пространство измеряются по-иному. Все понятия смещаются: в Атлантическом океане дню соответствует неделя, миле — сотня миль. Но прежде чем достичь океана, нужно было еще, как говорится в восточных сказках, выдержать высшее испытание, совершить почти невероятное. Только тот, кто видел, как во время наводнения поток мчитсся со скоростью шести — семи узлов и сметает все на своем пути, может себе представить силу течения, с которым мне пришлось бороться. Для того чтобы подняться вверх по реке с подобным течением, даже могучим северным лососям необходима та неистощимая, буйная сила, какую вливает в них Любовь. А мне, для того чтобы выбраться из пролива, понадобилась вся сила, какую могли дать жажда борьбы, стремление к широким просторам и влекущий зов Океана, все время удаляющегося от меня, словно для того, чтобы я не мог на этот зов ответить. К счастью, в этой борьбе у меня был хоть и временный, но союзник — восточный ветер. Течение против ветра — кто кого? Я ставил на ветер.

В первую ночь мне так и не удалось заснуть. Малейшая ошибка — и лодку могло увлечь в сторону Средиземного моря, откуда мне уже не выбраться. Однако ветер держался всю ночь, и всю ночь, распустив парус, я скользил по поверхности потока навстречу течению. На темноту я не жаловался — множество судов, сверкая огнями, проходило мимо меня во всех направлениях. Мыс Эспартель исчезал вдаль и наутро совсем скрылся в тумане к юго-востоку от меня. Неужто я его миновал?

Днем течение, казалось, стало еще сильнее, а ветер, наоборот, начал выдыхаться. Я пытаюсь плыть поперек потока. Теперь я заметно продвигаюсь к югу, но, увы, земля все ближе и ближе. У меня уже нет сил. А что делать? Я должен «либо пройти, либо умереть». Я ведь знаю, что пройти можно!

Тем временем мыс Эспартель растет на глазах. Бросив взгляд на компас, с ужасом замечаю, что теперь этот мыс находится уже к юго-западу от меня. Так и есть, меня снова отнесло в пролив. Могучий поток Гибралтара снова неумолимо влечет мою лодку, ныряющую в бурунах и водоворотях.

В детстве я увлекался греблей на каноэ и теперь вспомнил, что против течения легче всего плыть вдоль самого берега. Хуже не будет — попробуем! А мыс Эспартель все ближе и ближе. Но что это? Мне кажется, что большой белый город, который только что был напротив меня, теперь остался немного позади! Неужели?.. Несколько минут проходит в мучительной неизвестности. Ну конечно же! Я миновал мыс Эспартель! В этот памятный для меня вечер, озаренный сиянием заходящего солнца, я, наконец, вышел на простор долгожданного океана. Обратное течение, подобное дружеской струе во враждебной реке, вынесло меня навстречу великому испытанию.

Когда я, наконец, оказался в океане и напряжение спало, я почувствовал первый приступ одиночества. Одиночество — мой старый враг, не вдруг обрушилось на меня: постепенно, неумолимо оно заполнило все дни моего плавания.

Сейчас, пока я еще находился вблизи берегов и всевозможные вопросы осаждали меня, мешая сосредоточиться, оно выжидало. Лишь когда я очутился по-настоящему в океане и все эти вопросы были разрешены, одиночество «взошло на борт», и я остался лицом к лицу с этой последней неразрешенной проблемой.

А пока что я должен был решить, куда мне направиться, к Касабланке или к Канарским островам? Разумеется, я предпочел бы остановиться в Касабланке. Однако я не знал, какое впечатление произвело мое отплытие в одиночку, и тревожился. А что если меня примут за буйнопомешанного и в первом же порту отнимут все мое снаряжение? Не лучше ли во избежание этого вообще нигде не останавливаться? Но, с другой стороны, остановка необходима: мои родные, зная, что я остался совсем один, должно быть, умирают от беспокойства...

Я поймал себя на еще смутной мыслишке: «В конце-то концов если меня и задержат, это уже не моя вина! Может так оно будет лучше?..» Я не ответил на этот вопрос утвердительно, но понял, что мною овладевает страх.

Однако сейчас самое главное было не это. Прежде всего надо избежать «вынужденной посадки» на первом попавшемся

пляже. Ведь все «специалисты» только этого и ждали с первого дня моего плавания в одиночку! Используя северо-северо-восточный ветер, я беру курс на западо-юго-запад. Если мне удастся продержаться на этом курсе, мой путь, подобно тетиве, соединит концы лука Танжер — Касабланка.

* * *

Для начала надо постичь основы кораблевождения. Я уже умею пользоваться компасом и управлять парусом. Остается освоить измеритель Краса, с помощью которого прокладывают курс. После нескольких попыток мне это удастся. Какая восхитительная простота! Достаточно поместить центр измерителя немного южнее меридиана или параллели, прочесть цифру, которая окажется прямо перед глазами, и таким образом определить свой курс теоретически. Затем прибавить или вычесть указанную тут же поправку и так узнать свой истинный курс.

На изучение этих премудростей я потратил всю пятницу 15 августа. Встречных кораблей было немного. К счастью, рыболовные снасти господина Клименса оказались превосходными, и я поймал несколько крупных кастаньолей или, как их еще называют, «брама раи». У меня теперь есть вода и еда. И в изобилии. Жаль только, что нет со мной Джека. Он утратил мужество как раз тогда, когда пришел самый ответственный момент. Ведь теперь я настоящий потерпевший кораблекрушение! Ну что ж, отныне я каждый день буду измерять свое кровяное давление и подсчитывать удары пульса.

В субботу 16 августа ко мне подошло большое судно, которое оказалось траулером из Альхесираса. Рыбаки были поражены, когда увидели мой огромный улов. Ловля рыбы вообще помогала мне коротать время, потому что ветер был такой, что мог кого угодно привести в отчаяние: он поднимался ежедневно около полудня и ежедневно около восьми часов вечера пропадал.

Начал осваивать секстант. Определить высоту солнца в полдень не трудно: для этого достаточно совместить в зрительной трубке нижний край солнечного диска с линией горизонта и найти на угломерном лимбе величину искомого угла: солнце — наблюдатель — горизонт. Но это еще не все. Как определить с помощью такого простейшего измерения свою широту?

После нескольких попыток я научился это делать довольно уверенно. Мне не нужно было знать точное время: достаточно было определить угловое расстояние солнца от линии горизонта в тот момент, когда оно находилось в зените. Это измерение давало мне все, что нужно, так как практически я спустился к югу по одному и тому же меридиану. Танжер распо-

ложен примерно на 6° западной долготы, а Касабланка на 7° 37', иными словами, разница составляла всего один градус или чуть-чуть побольше. Таким образом, вычислять свою долготу у меня не было никакой нужды.

Каждый день я проверяю свои вычисления по береговым ориентирам, чтобы убедиться в точности, а для начала в неточности моих инструментальных расчетов. К счастью, океан около полудня обычно бывает наиболее спокойным, линия горизонта не пляшет, выделяется четко, и это облегчает дело.

В эту же субботу 16 августа надо мною начали пролетать самолеты авиалинии, проходящей через Касабланку. Следя за направлением их полетов, я проверяю свой курс. Но все равно я себя чувствую ужасно одиноким и уже всерьез начинаю подумывать, плыть мне дальше или остановиться в Касабланке. Честно говоря, меня не покидает чувство страха или во всяком случае какой-то постоянной тоски. Пока я плыву вдоль берега, все будет хорошо, в этом я уверен. Ну, а потом? Я смотрю на океан и ужасаюсь его беспредельности. Ничто здесь даже не напоминает Средиземное море, которое я лишь недавно покинул.

Воскресенье 17 августа. Настроение превосходное! И все потому, что утром я посмеялся вволю. Когда я проснулся, было еще совсем темно, и вдруг высоко в небе, словно молния, сверкнула, проносясь надо мной, «летающая тарелка»! Я схватил киноаппарат, чтобы заснять ее, и только тогда разглядел, что это была... планета Юпитер, которая просто пересекла мое поле зрения, когда лодку качнуло волной. Забавная ошибка развеселила меня, а вместе с хорошим настроением ко мне вернулась и уверенность в успехе. Как мало иной раз нам нужно! В течение последующих месяцев мой разум и вовсе стал игрушкой в руках случая: малейший пустяк заставлял меня переходить от радости к отчаянию и от отчаяния к восторгу.

День проходит с привычной монотонностью: несколько судов, несколько самолетов — и все. Сегодня я ни разу не видел берега, но я знаю, что он недалеко, и эта уверенность поддерживает меня. А вечером я получаю три послания от маяка, которые подтверждают мою уверенность. По моим расчетам, это должна быть Медехия, Порт-Лиоте. Засыпаю полный надежд.

По ночам я спокойно сплю, укрепив с вечера парус и руль. Правда, время от времени, раза два — три за ночь, я просыпаюсь, но только для того, чтобы взглянуть на компас, на парус, на дальний берег, убедиться, что все в порядке, и тут же снова заснуть. Вокруг спокойствие прямо гнетущее. Ни единого дуновения. Кажется, будто ветер просто боится потревожить мой мирный сон.

Каково же было мое недоумение и огорчение, когда, проснувшись утром 18 августа, я увидел, что меня со всех сторон окружает густой туман! В тот день я впервые по достоинству оценил значение компаса.

Пользуясь туманом, пробую определить свое положение по правилам кораблевождения вслепую. Не вечно же мне зависеть от полуденного солнца! К несчастью, моя книжка написана по-английски, а, самое главное, авторы, как обычно, изошряются в объяснении всяких «почему» и «отчего» вместо того, чтобы ясно сказать, что нужно делать и как. В результате мои попытки определиться в тумане кончились плачевно, что, однако, не испортило мне настроения. Зато завывание судовых сирен в туманной мгле бьет по нервам. Теперь это уже не одна сирена, как было тогда, возле островов Колумбретес: эхо повторяет и множит их вой без конца. Кажется, что вокруг бродят стада чудовищ, которые перекликаются между собой. Первый раз за все дни я по-настоящему чувствую, что значит остаться в лодке одному. Я думаю о своем товарище, о том, как много значили для меня его советы, его поддержка, его спасительное присутствие. Как было бы хорошо, если бы он присоединился ко мне в Касабланке или на Канарских островах! А сейчас я один, совсем один! Все вокруг кажется смутным, обманчивым, враждебным. И нет никого, кто бы мог подтвердить или опровергнуть мои впечатления...

В самом деле, мне кажется, что я стал жертвой миража и никогда уже не сумею отличить действительность от галлюцинации. Нет, надо поскорей добраться до Касабланки и больше не плыть никуда! Мне не хватает присутствия человека. Сегодня я еще не видел даже земли. Удастся ли мне различить береговые огни? Не знаю. Я один, совсем один. Земля где-то прячется, вдали ни огонька...

Я был уже на грани отчаяния, когда меня нагнал танкер из Станвангера. Чтобы узнать, правильно ли я плыву, спрашиваю:

— Где Касабланка?

— Держись того же курса! — кричат мне с танкера. — Счастливого плавания!

Вторник. Я просто в бешенстве. Всего восемь часов попутного ветерка, а потом шестнадцать часов полного штиля — хорошенькое расписание! Когда же, наконец, я встречу этот знаменитый пассат? Хорошо еще, что хоть самолеты стали пролетать надо мной почаще: значит я иду правильным курсом. Касабланка приближается — это уже несомненно. Если ветер продержится, я доберусь до порта сегодня вечером или завтра утром. А пока я уже заранее высчитываю свою среднюю скорость, чтобы определить, сколько дней мне понадобится на переход от Канарских до Антильских островов.

Пожалуй, дней пятьдесят-шестьдесят. Настроение заметно улучшается.

Вокруг меня по-прежнему полно рыбы. Здоровенная «брама рай» сама шлепнулась в лодку. Пытаясь уйти из водоворота за кормой, она прыгнула, но себе на беду не в ту сторону. Однако я уже начинаю мечтать о хорошем жарком.

В 14 часов 30 минут вдалеке засверкали на солнце нефтяные резервуары Федалы. Записываю в своем дневнике: «Сегодня вечером или завтра — пресная вода!»

20 часов 30 минут. Я нахожусь в ста метрах от мола Каса-бланки. Войти в порт мне не удалось, а теперь зыбь мешает увидеть сигнальные огни. Ничего не поделаешь — придется провести еще одну ночь в море. Грохот прибоя, разбивающегося о мол, не внушает мне особого доверия. Кое-как засыпаю. Все-таки в открытом море спать куда лучше, чем близ берегов! Для мореплавателя земля гораздо опаснее океана.

Когда я просыпаюсь в среду 20 августа, царит полный штиль. Яростно гребу и вскоре подхожу к причалу яхт-клуба. Мое появление производит настоящую сенсацию. Мне показывают утреннюю газету, в которой жирным шрифтом набрано: «Гибель «Еретика» в Кадисском заливе». Не хватало только, чтобы я тоже принялся оплакивать свою печальную участь!

К счастью, комиссар Ораду сам уладил все формальности с полицией и таможней. Мне в качестве воскресшего утопленника сделать это было бы нелегко! Затем доктор Фюрнестэн, директор рыболовной службы Марокко, подарил мне особую сеть для вылавливания планктона. Но о том великолепном приеме, который мне был оказан в Касабланке, я расскажу ниже. Пока что я решаю независимо от обстоятельств двигаться дальше в воскресенье 24 августа в 10 часов утра.

КАСАБЛАНКА — ЛАС-ПАЛЬМАС

Снова разгораются все те же споры. Наконец, два человека, измучив меня расспросами и убедившись в моей непоколебимости, говорят мне:

— Плыви! Ты к этому готов.

Эти двое — доктор Фюрнестэн и горный инженер Пьер Элиссаг. Все мои новые друзья собрались вокруг нас, встревоженные, озабоченные, но молчаливые. Никто не пытается меня отговаривать. Лишь три человека решают меня удерживать и вступают в заговор: это президент яхт-клуба, капитан спасательного судна и владелец катера, который должен отбуксировать «Еретика» в открытый океан.

Я сидел один в гостинной яхт-клуба, когда до меня донеслись слова двух журналистов:

— Нам здесь делать нечего — он никуда не поплывет.

— То есть как это? — удивляюсь я. — Наоборот! Я только жду, чтобы туман рассеялся и подошел буксир.

— Вам не дадут буксира.

Оказалось, что президент яхт-клуба предупредил всех: если какое-нибудь судно согласится меня отбуксировать, оно должно будет спустить флаг клуба, что равносильно исключению. Тогда я отправляюсь к президенту и говорю ему:

— Прошу меня извинить, но я все-таки пойду поищу буксир, потому что отплытие состоится. Теперь вам беспокоиться нечего: если я даже утону, вы всегда сумеете доказать, что были против моего плавания.

Затем я оставляю на сохранение все ценные и хрупкие вещи и, сдерживая ярость, отправляюсь на поиски какой-нибудь посудины, которая могла бы меня вывести из порта. На рейде стоят две яхты. Одна из них «Мазва». Ее хозяин Жан-Мишель Крольбуа соглашается мне помочь. Тогда я обращаюсь к журналистам, которые подоспели на своей лодке:

— Пожалуйста, захватите с берега мои карты!

Они соглашаются, и скоро чемпионка по плаванию Жизель Валлери привозит мне карты. Позднее газеты писали про этот эпизод так: «Совершенно ясно, что мы имеем дело с мистификатором. Он, видите ли, едва не забыл свои карты!»

Мы медленно выплываем из порта Касабланки. Множество катеров провожает меня. Я прощаюсь с друзьями, и мы входим в густой туман.

С этого момента я начинаю вести дневник своего одинокого плавания.

Воскресенье 24 августа. Буксир оставил меня на рейде Эль Ханка. Море спокойно. Туман. Мой желудок полон и даже многочисленные тунцы, играющие вокруг лодки, не напоминают мне о еде — я не испытываю чувство голода. К ночи ветер спадает, а туман сгущается. Из темноты равнодушно с правильными промежутками мне подмигивает глаз маяка Эль Ханка.

Понедельник 25 августа. Утро. Я все на том же месте. Поднимается попутный северо-северо-восточный ветер, но меня по-прежнему окружает туман. И еще какой! Расстояние до берега определить невозможно.

14 часов. Прямо на юге видна земля. Но что это за место? Не знаю.

18 часов. Думаю, что это все-таки Аземмур. Если я не ошибся — превосходно! Рыба ловится в таком изобилии, что я уже не знаю, что с ней делать. Мне надо проплыть еще миль пятнадцать, и тогда я увижу огни маяка Сиди-Бу-Афи. Они должны показаться к юго-западу от меня.

21 час. А вот и маяк! Блестяще!

Вторник 26 августа. Утро. Я на траверзе Мазагана. Погода тихая и ясная. Для меня это большая удача: я смогу обогнуть мыс Ханк с севера. Если бы меня не сносило, мне пришлось бы взять курс на мыс под углом в 240° по компасу и так идти целую неделю. Не знаю, хватило ли бы меня на это.

Все больше осваиваюсь с моим секстантом. Прокладываю курс на карте. Сегодня к вечеру должен показаться маяк на мысу Кантен. После этого я уже не увижу земли до самых Канарских островов.

Вечер. Кажется, что берег приближается ко мне, хотя я должен плыть параллельно линии побережья. Наступает ночь, а огней мыса Кантен все еще нет. Значит, я еще далеко от него, так как свет маяка на мысу виден за тридцать миль.

В сумерках клев поистине сказочный! Вытащил две крупные рыбы: бониту и «брама-рай».

Час ночи. Маяк мыса Кантен к юго-юго-западу от меня. Просто чудесно!

Среда 27 августа. Берег как на ладони. Видимость потрясающая. По описаниям берегов в «Морском справочнике»¹ я

¹ «Морской справочник» содержит указания о берегах и очень помогает, когда побережье незнакомое. Такие справочники составлены для берегов всего мира. Кроме того, в них содержатся сведения о течениях и по метеорологии.

узнаю каждый изгиб. Вон виднеется мыс Сафи! Это значит, что я прохожу в среднем по шестьдесят миль в день, если отбросить воскресенье — день отплытия. Рыба ловится в изобилии.

Скоро земля скроется из виду, и я возьму курс на запад-юго-запад. Так мне придется идти 6 дней. Никаких признаков слабости пока нет.

Впереди меня подстерегает опасность, о которой мне говорил доктор Фюрнестэн: проход между мысом Джубии и островом Фуэртевентура. Я думаю, что лучше будет идти немного западнее.

Близ Могадора берег виден слишком отчетливо: кажется, что он совсем рядом. К счастью, «Морской справочник» утверждает, что здесь побережье видно с моря на очень большом расстоянии, и это меня успокаивает. Пользоваться секстантом становится труднее. Что касается определения длины, то с этим у меня — гм, гм, — слабовато. Похоже, что меня относит к западу. Но вот приходит ночь, и ветер снова спадает. Все это отнюдь не облегчает мою задачу доплыть до намеченного места.

До сих пор меня охватывает дрожь, когда я перечитываю следующую запись в моем путевом дневнике:

Четверг 28 августа. Последний взгляд на чуть видный вдаль Могадор, и вот уже все исчезло. Ветер слабый. По-видимому, меня сносит к западу. Будем надеяться.

Три часа. Поднимается ветер с северо-северо-запада. Только бы меня не снесло на юг! Я бесконечно одинок. Кругом — ничего и никого. В морском деле я новичок, и даже не знаю, где я. Мне только кажется, что я знаю, где нахожусь. Если я проплыву мимо Канарских островов, меня увлечет в южную часть Атлантического океана по трагическому пути плота с фрегата «Медуза». Ветер превосходный. Лишь бы он не утих!

Пятница 29 августа. Ветер не утих. Наоборот, мне даже пришлось «взять риф», то есть уменьшить площадь моего паруса.

Девять часов утра. Мимо меня проходит крупный грузовой пароход. Он идет тем же курсом, только в обратном направлении, должно быть, с Канарских островов. Значит, я плыву правильно. Но остается еще нелегкая задача — благополучно пристать к берегу...

Суббота 30 августа. Господи! Какая страшная ночь! Я не сомкнул глаз и чувствую себя совершенно разбитым. Вчера около 16 часов налетел шквал и еще какой. Пришлось бросить плавучий якорь. Но я до сих пор себя спрашиваю: как выдержала моя хрупкая посуда подобную трепку и как выдержало мое сердце ярость океана? Настроение у меня подавленное: думаю, что дальше Канарских островов я уже не поплыву. Хорошо бы хоть немного поспать в эту ночь и лишь бы не проплыть между двух островов, не заметив ни того, ни другого!

Воскресенье 31 августа. За ночь я продвинулся на юг гораздо дальше, чем рассчитывал. В 15 часов мне удалось остановить португальское судно и уточнить свои координаты. Мне предлагали воду и еду, но я отказался: с этой точки зрения у меня действительно все благополучно. Каждый день я вылавливаю превосходных макрелей, и, черт возьми, я уже начал привыкать к сырой рыбе. Кроме того, вода Атлантического океана кажется мне просто восхитительной по сравнению с водой Средиземного моря: она гораздо менее соленая и прекрасно утоляет жажду. Но что если мне придется так жить в течение долгих недель? Я не поручусь, что дальше все пойдет так же хорошо.

Я иду правильным курсом и нахожусь сейчас в семидесяти милях к северо-северо-востоку от острова Алегранса. Еще 36 часов мне нужно быть на чеку, а затем я войду во внутренние воды Канарского архипелага. Только бы мне не проскочить их насквозь. Не дай бог!

Каждый день ровно в 4 часа ко мне прилетают прелестные белые и черные птички, чтобы составить мне компанию.

Понедельник 1 сентября. Океан разошелся. Я провел одну из самых трудных ночей, начиная с отплытия из Монако, но зато утром был вознагражден за все полной мерой. Вечером, когда я укладывался спать, полагаясь на милость божью (по вечерам я намертво закрепляю руль и засыпаю), я сказал сам себе: «Если я шел правильным курсом, на рассвете я увижу слева по борту остров». И вот сегодня, проснувшись, я действительно увидел милях в двадцати к югу два острова с очаровательными названиями — Алегранса и Грасьоса¹. Доброе предзнаменование! Теперь главное — благополучно пристать к берегу. Я преисполнен уверенности. Если я выиграл первый раз, выиграю и второй.

Вторник 2 сентября. Я прихожу в ужас, когда вижу, какое огромное расстояние отделяет острова друг от друга, и когда думаю о беспредельной водной пустыне, в которую меня увлечет, если мне не удастся высадиться сейчас на берег. Потом я уже не смогу вернуться — это мне следует помнить все время! Когда я отплыву от Канарских островов или когда меня пронесет мимо них, даже надеяться на возвращение будет бессмысленно. Тогда мне придется плыть через океан самое меньшее шесть тысяч километров. Я, конечно, надеюсь, что выдержу и это испытание, но сколько беспокойства я причиню моим близким и сколько радости доставлю тем, кто предсказывал, что я никогда не доплыву до Лас-Пальмаса! Нет, для того чтобы убедить людей в своей правоте, я должен ее доказать. Я сказал, что достигну острова Гран-Канария, значит я должен пристать к берегу именно здесь, а не где-ни-

¹ Алегранса (исп.) — радость; грасьоса — грациозная. — *Прим. перев.*

будь в другом месте. Я мог бы без труда высадиться на первый попавшийся островок, но я должен доказать, что могу плыть именно туда, куда хочу. Это имеет первостепенное значение для потерпевших кораблекрушение: они должны знать, что смогут так же, как и я, достичь именно того пункта, к которому плывут.

После полудня. Моя спасательная лодка, за которой никто не признавал мореходных качеств, изумляет меня все больше и больше. Каждое утро сколо 11 часов мне приходится ее немного спускать, чтобы ее не разорвало, когда нагретый солнцем воздух расширится. По вечерам я ее снова подкачиваю. Вода не проникает в лодку, и я сплю в ней спокойно. Только первые ночи дались мне нелегко. То и дело я внезапно вскакивал с таким ощущением, словно катастрофа уже произошла. Но постепенно я привык и успокоился. Если лодка не перевернулась днем, с какой стати ей переворачиваться ночью?

Круглые сутки сидеть за рулем было невыносимо. Но вот я заметил, что при попутном ветре моя посудина не сбивается с прямого курса даже тогда, когда я закрепляю руль неподвижно, и вскоре стал полностью полагаться на постоянство ветра. Вдали от берегов я мог спать спокойно. Другое дело, когда нужно пристать к берегу. Ведь плыть против ветра я не мог: «Еретик» способен идти лишь при «боковом ветре».

Среда 3 сентября. Господи боже мой, что же случилось? Всю ночь я высматривал маяк Лас-Пальмаса. Я давно уже должен был войти в порт, но до сих пор не вижу ничего. Что делать? Что теперь делать? Остановиться и ждать, пока не рассеется туман? Или по-прежнему плыть на юг?

Полдень. Наконец-то хоть самолет пролетел где-то справа от меня. Он летел низко, еще не успев набрать высоту. Значит, земля недалеко и я до нее доплыву!

Три часа дня. Все кончено, мне теперь никогда не достичь этих берегов! Я-то думал, что самолет поднялся с северной части острова, а теперь, когда побережье открылось передо мной, я вижу, что уже проплыл вдоль него километров сорок и что впереди осталось не больше десяти километров берега, к которому я мог бы пристать. Ветер дует с севера, стремительное течение увлекает меня к югу. Я смогу пройти милях в трех от земли, но мне до нее уже не добраться.

Шесть часов. А вдруг? А вдруг счастье мне еще улыбнется? Встречное течение замедляет дрейф лодки. Южная оконечность острова, устремленная в бескрайность Атлантического океана, все еще находится слева от меня. А вдруг!

Я был прав, когда писал эти строки, не теряя надежды. Около 20 часов «Еретик» находился уже метрах в ста от побережья. Но тут мне стало так страшно, что, признаться, я готов был бросить лодку и пуститься к берегу вплавь.

Сейчас самое главное было не распороть лодку о подводные камни. Меня заметили рыбаки, и целая толпа местных жителей принялась показывать удобное место, где я мог бы пристать к песчаному пляжу, окаймленному двумя выступающими в море острыми скалами. Но вот опасность позади: я благополучно причаливаю. Впервые резиновая надувная лодка доказала, что может в течение 9 часов плыть почти против ветра. Но мне было так страшно, так непередаваемо страшно, что понадобилось немало часов, прежде чем я смог встать и двинуться с места. Однако в конечном счете я все-таки доплыл до острова, до которого хотел доплыть!

Я доказал не только то, что могу плыть в своей лодке по океану, но и то, что могу плыть быстро. На переход от Касабланки до Канарских островов мне понадобилось ровно 11 дней — с 24 августа до 3 сентября, — что является превосходным временем. В самом деле, чтобы покрыть такое же расстояние Жербо понадобилось 14 дней, Ле Тумелену — 12, а Энн Дэвидсон — 29 дней!

Как я в сущности плыл? Разумеется, я определял свой курс с помощью приборов, хотя делал это впервые в жизни.

Но в то же время, не доверяя своим астрономическим вычислениям, я прокладывал предполагаемый курс: ежедневно я отмерял на карте число миль, которые должен был пройти, определяя направление по компасу. Так я вычерчивал курс, явившийся бы идеальным, если бы меня не сносило течением. Поэтому я наносил параллельно основному курсу «страхующую линию» с учетом предполагаемого сноса, зависящего от направления и силы течений (сведения о них я черпал в «Морском справочнике»). Мне приходилось все время помнить об этих стремительных потоках, совершенно неощутимо уносивших меня. Предательское движение вод океана исподтишка увлекало меня к югу; я рисковал проплыть между Канарскими островками и африканским побережьем и сам того не заметить. Таким образом, я ежедневно отмечал три положения: то, которое мне давали вычисления; то, которое я вычерчивал предположительно, и, наконец, самое пессимистическое: то, в котором я мог оказаться, если бы все неблагоприятные факторы действовали одновременно. Исходя из всего этого, я старался не попасть в подстерегающую меня ловушку.

Меня могут спросить: «Раз уж вы решили пересечь Атлантический океан, какое значение имели для вас Канарские острова? Не все ли вам было равно, достигнете вы их или сразу начнете большое плавание?» Три соображения не позволяли мне сразу пуститься в океан. Прежде всего я думал о своих близких. Ведь они полагали, что я отправился в плавание, которое продлится самое большее дней 15, и могли сойти с ума от беспокойства. Во-вторых, я внутренне не был к этому подготовлен. Если бы в самом начале пути мне не удалось

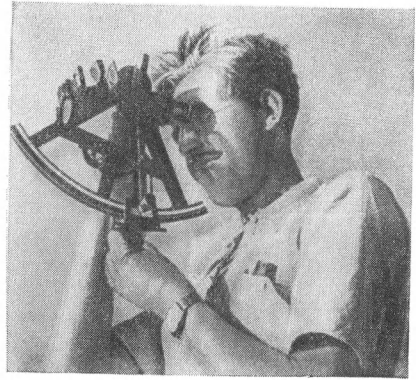
достичь цели, доплыть до заранее намеченного пункта и пристать к берегу, это было бы для меня слишком страшным предзнаменованием. И наконец, в-третьих, если бы через 15 дней я не дал о себе знать, возник бы переполох в официальных кругах. Меня начали бы искать и если бы нашли, то это было бы концом моего опыта. А если бы меня не нашли и я добрался бы до Антильских островов через 70—80 дней после отплытия из Касабланки, никто бы не поверил, что я совершил этот переход ради определенной цели и по доброй воле.

Проведя 11 дней в океане, я снова оказался на земле. В маленькой деревушке Кастильо-дель-Ромераль, расположенной милях в десяти к югу от Лас-Пальмаса, меня встретили по-царски. Едва заметив мою лодку, все обитатели деревни сбежались на берег, уверенные, что я и в самом деле жертва кораблекрушения. Так что, когда я приблизился к пляжу, меня встретила настоящая генеральная ассамблея, состоящая из простых и приветливых местных жителей, облаченных в одежды самых ярких расцветок.

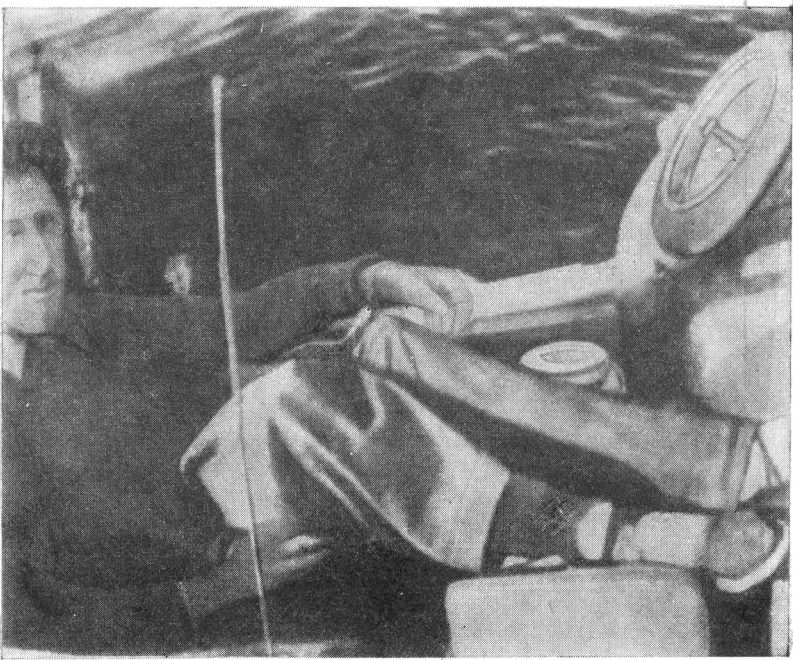
Берега острова Гран-Канария сплошь покрыты утесами. Правда, мне удалось благополучно причалить к маленькому песчаному пляжику, однако выступающие в море вулканические скалы продолжали справа и слева угрожать моему резиновому поплавку, прыгающему на волнах. Но тут моей многострадальной лодке, а также поднятому мною маленькому трехцветному флагу Франции были оказаны подобающие почести. В одну секунду двадцать мужчин подняли «Еретика» вместе со всем его грузом и вынесли из воды на своих могучих плечах. Два любезных аборигена с трудом поставили меня на ноги. Ко мне приблизился «глава» деревни Мануэль и задал традиционный вопрос, откуда я. Отвечаю привычной испанской фразой:

— Из Франции, из Ниццы, через Балеарские острова, Танжер, Касабланку. Одиннадцать дней как отплыл из Касабланки.

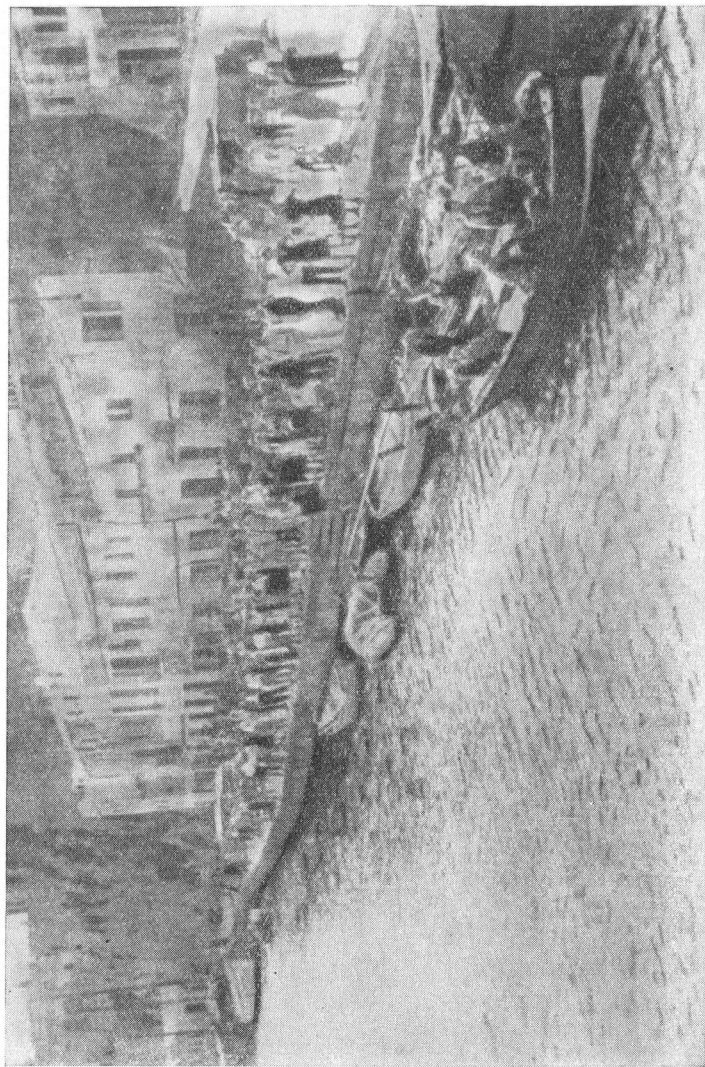
По всей видимости это превосходит его понимание. Он оглядывается вокруг, чтобы убедиться, слышали ли остальные столь невероятный ответ. Но «не всякий имеющий уши уразумевает». Несмотря на свою традиционную вежливость по отношению к гостю, жители деревни не могут скрыть недоверия. Понадобилось немало дней, чтобы они мне поверили. А пока меня угощают в доме Мануэля яичницей. Здесь собрались местный священник, учитель и «практиканте», то есть попросту фельдшер. Меня клонит ко сну, я умираю от усталости, но все равно сижу с ними целый вечер и рассказываю свою историю на фантастическом испанском языке, состоящем из французских слов с испанскими окончаниями. Однако в конечном счете мои слушатели меня понимают.

Джек Пальмер с секстантом

Джек Пальмер в «Еретике»

«Еретик» в Сюдаделе (Менорка)

ЗЕМЛЯ. ИСКУШЕНИЕ. КОЛЕБАНИЯ

Когда я осведомился, каким образом мне добраться до Лас-Пальмаса, чтобы послать телеграмму родным и связаться с французскими и испанскими властями, меня заверили, что завтра же я буду доставлен в главный город острова на машине с замечательным названием «Пиратка». Мануэль не меньше меня хотел поскорее связаться с властями, спеша отделаться от беспокойного гостя, или хотя бы осведомить о нем полицию и таможенников. С месяц назад здесь разбилась яхта «Денди», плывшая из Финляндии через Касабланку. Насколько я понял, местные жители в простоте душевной, свойственной рыбакам всех стран, подобрали все, что уцелело от кораблекрушения и было выброшено на берег. «Что в воду упало, то пропало». Исходя из этой поговорки, рыбаки сочли возможным оставить себе кое-что из добычи. В результате у добряка Мануэля были крупные неприятности с береговой охраной (у него тоже!), и он вовсе не желал, чтобы эти неприятности повторились из-за меня.

Пока машины нет, я хочу выспаться. Где мне устроиться? В школе. Но каким образом? Кроватей там нет, придется лечь на столе. Пусть это не пружинный мягкий матрас — на самых лучших из них я не спал так сладко, как в ту ночь! Хуже другое: земля подо мной почему-то покачивается. Еще немного, и у меня начнется морская болезнь!

Утром 4 сентября подъехала «Пиратка». Я заикнулся было о деньгах, но мой друг Мануэль поднял возмущенный крик. Мы простились, и «Пиратка» ринулась вперед.

Остров прекрасен. Этим утром он предстает передо мной во всем своем диком великолепии. Обнаженные грозные утесы вздымаются над застывшими потоками лавы, между которыми угнездились прелестные маленькие деревушки: белые церкви и домики с плоскими крышами. Румяные девушки идут по воду: на этих благословенных островах не хватает воды. У всех грациозный изгиб тела и благородная поступь. Без малейшего напряжения они несут на головах самые разнообразные сосуды, начиная с классических глиняных ваз и кончая современными канистрами.

Равнины восточной части острова покрыты банановыми зарослями. Я быстро привыкаю к этим зеленым кустам с плоскими листьями и горькой участью: их плоды несут им смерть. Каждый куст живет один год и приносит одну гроздь бананов. А затем — дорогу молодежи! Безжалостный удар резака обрывает его короткую жизнь, и на его месте начинает тянуться вверх молодой отросток, до сих пор скрывавшийся под сенью материнской листы. Увы, он не знает, что его дни тоже сочтены!

Вокруг почти не видно деревьев, потому что здесь мало воды. Лишь кое-где возвышаются прекрасные финиковые пальмы, но для меня, привыкшего к пустынному горизонту водных равнин, и это зрелище кажется феерическим.

Вдали возникают два шпиля собора. Это Лас-Пальмас. Сам собор виден с моря, и «Морской справочник» описывает его настолько точно, что мои проводники приходят к убеждению, будто я уже видел его раньше.

Лас-Пальмас — столица Канарских островов. Порт Лас-Пальмаса, Пуэрто-де-ла-Лус, относится к числу крупных портов Атлантического океана. Здесь я познакомился с комендантом порта, братом известного кардиолога. Он уже давно меня ждал. Мои друзья из газеты «Пти Марокэн» несколько дней назад совершили перелет Касабланка — Канарские острова на большом пассажирском самолете «Арманьяк», который отправлялся в свой первый рейс. Всю дорогу они тщетно пытались меня обнаружить, а когда прибыли в Лас-Пальмас, в первую очередь принялись расспрашивать обо мне. Таким образом, здесь все уже были в курсе дела.

Прежде чем пуститься в большое плавание, я решил проверить свой секстант, чтобы избежать неточностей при вычислениях. С просьбой помочь мне в этом деле обращаюсь к коменданту порта.

— С превеликим удовольствием! — отвечает он по-испански.

Однако в сообщениях некоторых газет этот эпизод выглядел так: «Он попросил дать ему несколько уроков по кораблевождению. Комендант порта отказался, не желая способствовать его самоубийству».

Прочитав эту заметку, один инженер обратился ко мне с письмом, в котором предлагал обучить меня основам кораблевождения, считая, что именно таким способом он вернее всего спасет меня от самоубийства. К сожалению, я затерял письмо и не смог поблагодарить его автора. Если эти строки попадутся ему на глаза, пусть он примет их как знак моей искренней признательности.

Я еще находился у коменданта порта, когда за мной пришел секретарь французского консульства. Наша встреча стала началом чудесной дружбы. Достаточно сказать, что господин

Фарну стал для меня истинным вторым отцом, который приютил меня в консульстве и вместе со мною наслаждался красотами острова. Ведь он и сам лишь недавно приехал в Лас-Пальмас! Когда я сидел в его кабинете, туда зашел господин Баршильон, самый крупный коммерсант французской колонии Лас-Пальмаса, и мы тут же составили неразлучное трио. Г-н Баршильон стал нашим наставником. Благодаря его братскому покровительству передо мной открылись все двери, и остров предстал перед моими глазами во всем своем волшебном очаровании.

К этим двум братьям-французам вскоре присоединились новые друзья, чудесные парни из яхт-клуба. В отличие от большинства подобных клубов яхт-клуб Лас-Пальмаса состоял на три четверти из настоящих яхтсменов и лишь на четверть — из бездельников. Простите, «эрманос»¹, что я не могу перечислить вас всех. Но как не вспомнить здесь тебя, Колячио, тебя, Калиано, и тебя, Анхелито? Вы окружили меня всеми чарами земли, словно для того, чтобы мне было еще труднее решиться на «большое плавание».

Я не хотел возвращаться во Францию. Разумнее было пожить здесь дней восемь, все отремонтировать, привести в порядок и отправиться в плавание, нежели ехать во Францию, чтобы там бороться за возможность продолжать путешествие в лучших условиях. Наш консул одобрил это решение. Мои друзья, Баршильон, и особенно штурман Анхелито, умоляли меня подумать.

— Я знаю океан! — говорил Анхелито, — то, что ты сделал, — великолепно, твоя теория блестяще подтвердилась, но, поверь мне, посреди Атлантического океана ты не сможешь поймать ни одной рыбы!

Бедный Анхелито, если бы он только знал, что как раз этого мне не следовало говорить! Теперь, если бы я отказался от продолжения моего опыта, все моряки наверняка стали бы повторять его довод:

— Все это превосходно, но вдали от материковых вод ты не поймаешь ни одной рыбы!

Теперь я был обязан довести опыт до конца. Я доказал, что человек может поддерживать свое существование с помощью сырой рыбы. Теперь я должен был доказать, что рыбу возможно поймать даже там, где, по мнению знатоков-ортодоксов, она не ловится совершенно.

Консул и Башильон поняли причину моего упорства и взялись мне помочь: один — используя свое официальное положение, другой — деньгами. Я ожидал лишь телеграммы от Жинетты, чтобы сказать последнее «прости» и отплыть. Но телеграмма запаздывала. Я успел совершить прогулку на

¹ Эрманос (исп.) — братья.

яхте до острова Фуэртевентура и обратно, а ее все еще не было. Наконец, однажды утром в консульство пришла телеграмма на мое имя:

«Поздравляем «еретика» благополучным рождением дочери Натали».

Моя дочь, опередив все сроки, решила появиться на свет накануне большого плавания! И вновь земля искушала меня: теперь я уже не мог отплыть в океан, не повидав свою дочку. А для этого мне нужно было снова вернуться во Францию.

Когда я объявил в яхт-клубе о своем отъезде во Францию, все те, кто из дружеских побуждений были против моего «большого плавания», решили, что теперь победа за ними. Мануэль из деревушки Кастильо-дель-Ромераль как сумасшедший примчался в консульство:

— Скажите, правда, что Бомбар дальше не поплывет?

Консул ответил уклончиво. В глубине души все без исключения думали одинаково: «Конечно, он вполне искренне говорит о том, что поплывет через океан, но я-то знаю, что жена удержит его и не допустит этого безумства! Беспокоиться нечего!»

Благодаря поручительству консула мне удалось достать билет на прямой самолет Лас-Пальмас — Париж, и 12 сентября я вылетел во Францию. В Касабланке целая толпа друзей собралась на аэродроме, чтобы повидаться со мной.

Зато на аэродроме в Орли меня ожидал сюрприз другого рода: два журналиста. Оказывается, некоторые газеты уже начали кричать, что мое плавание окончено в связи с рождением дочери. Но тут моя жена в полной мере показала свое мужество и несравненную самоотверженность. Она верит в меня, она видела меня за работой, она знает, что моя цель достижима, и ей известно, к чему я стремлюсь: я хочу спасти жизнь людей, многих людей. Радует ли ее отплытие? Конечно, нет! Но она понимает, что это необходимо: для того чтобы доказать свою правоту, я должен плыть дальше. И она даже не думает меня удерживать.

Но тут разыгрался еще один акт пресловутой «комической интермедии».

На другой день после моего приезда кто-то стучит в дверь амьенского госпиталя, где я остановился. Входят два жандарма. Когда я к ним спускаюсь, они говорят:

— Мы хотели бы поговорить с вами наедине.

— ?

— Дело вот в чем: вы должны были заплатить восемь тысяч франков штрафа и не заплатили. Вам придется отправиться вместе с нами либо к сборщику налогов, либо в тюрьму.

— Если в тюрьму, то на сколько дней?

— На двенадцать.

И жандармы предъявляют мне ордер на арест.

Увы, на отсидку в тюрьме у меня не было времени!

Пришлось уплатить эти восемь тысяч франков, которые могли бы стать немалым подспорьем для продолжения моей экспедиции.

* * *

Теперь я свободен. Десять дней проходят в размягчающем очаровательном безделье. Тем временем газеты продолжают твердить: «Дальше он не поплывет», а Пальмер в Танжере заявляет: «Плыть за Канарские острова в это время года — безумие, самоубийство!» Вокруг моей экспедиции создается атмосфера почти беспросветного скептицизма. Всех гораздо больше интересует рождение моей дочери. Надо спешить. Я еще успеваю навестить больного друга, живущего в окрестностях Пуатье, и вылетаю на Канарские острова с остановкой в Касабланке. Там мне придется задержаться на несколько дней, чтобы уточнить в Научно-исследовательском рыболовном бюро Марокко кое-какие данные о планктоне. Кроме того, мне необходимо изучить все, что касается рыбной ловли в тех районах океана, которые мне предстоит пересечь. И, наконец, я хочу раздобыть себе радиоприемник.

Я решил окончательно отказаться от приемника-передатчика, даже если мне будут его предлагать. Рассуждал я следующим образом: теперь я остался один, так как Джек уже ко мне не присоединится, а искать ему заместителя я не собираюсь. Значит, будет крайне трудно, а то и вовсе невозможно одновременно вести передачу и крутить генератор. Кроме того, я просто не сумею что-либо исправить при любой поломке: достаточно будет отойти какому-нибудь контакту, и весь мир сочтет меня погибшим! Представляете, какое это впечатление произведет на мою семью! Следовательно, — никакого передатчика!

Другое дело — приемник. Он мне весьма пригодится. Взять хотя бы определение долготы. Она исчисляется по разнице между солнечным временем данного места и соответствующим временем на условном нулевом меридиане. Таким условным нулевым меридианом сейчас принято считать гринвичский. При отсчете от гринвичского меридиана каждый градус долготы дает разницу в четыре минуты. При отсчете к востоку следует на каждый градус прибавлять по четыре минуты; при отсчете к западу — отнимать. На каждые пятнадцать градусов разница во времени достигает одного часа. И вот здесь радиоприемник мне поможет. С ним я уже не буду целиком зависеть от моего хронометра. Каждый день я смогу проверять свои часы по радио.

Однако мне нужен хороший, надежный приемник. А денег у меня почти нет. Но... «бог не выдаст!..» Я надеюсь, что в Касабланке меня ссудят деньгами.

И все-таки я не предполагал, что мне будет устроена такая встреча! Больше ста человек собралось на аэродроме. Какая-то прелестная девушка даже преподнесла мне букет, подобранный под цвета города Парижа. Здесь же был и представитель союза бывших «синих воротничков»¹; тот самый знаток спасательного дела, который решительно взял меня под защиту, когда кто-то заявил: «Ему надо взять с собой не морской справочник, а молитвенник!» Он меня порадовал новостью: газета «Пти Марокэн», возмущенная историей с двумя жандармами, открыла подписку, чтобы собрать сумму, равную взятому с меня штрафу. Первым подписался командующий флотом в марокканском секторе адмирал Соль. Подписка продолжается.

Наконец-то я реабилитирован! Теперь у меня чистая анкета. Комическая интермедия окончилась.

Итак, снова в путь, старый рецидивист!

* * *

На меня со всех сторон сыплются приглашения, по большей части от бывших «синих воротничков». Мой друг Пьерро (песенка про «моего дружка Пьерро» здесь ни при чем) уступает мне свою квартиру. Бюро рыболовства принимает меня лучше, чем отец блудного сына. Теперь я могу заняться поисками радиоприемника.

Я толстею! Друзья, пригласившие меня на обед к 11 часам вечера, удивляются моей воздержанности. Но они не знают, что во избежание обид мне уже пришлось отобедать в 7 часов, и я перебил себе аппетит. А что я могу поделать?!

Наконец-то приемник на горизонте! Мой друг Элизань и его второе «я», Фрейсине, подарили мне чудесный батарейный радиоприемничек, который и сейчас, когда я пишу эти строки, стоит передо мной. Они заказали для него непромокаемый чехол из нейлона, закрывающий одновременно и телескопическую антенну. И сверх всего этого они вручили мне «кое-какие аптечные изделия из резины», чтобы сохранять в них от сырости кремнекислую соль: эта соль должна была мне пригодиться в том случае, если внутри приемника начнет конденсироваться влага.

И, наконец, я был удостоен высшей чести: в одно прекрасное утро мне вручили приглашение из Адмиралтейства. Там меня принял маленький живой человек, одетый во все белое, и под видом дружеской беседы устроил мне настоящий допрос с пристрастием. Он интересовался всем: моей целью, моими средствами, экзаменовал меня по морскому делу, в общем старался узнать как можно больше.

¹ «Синие воротнички» — моряки военно-морского флота.— *Прим. перев.*

Если бы вы знали, адмирал, какую радость вы мне доставили в этот день! Ведь уже столько времени я мечтал о том, чтобы хоть кто-нибудь, наконец, захотел узнать правду!

В заключение этой дружеской, хотя и нелегкой для меня беседы адмирал сказал:

— Теперь мы поняли, чего вы хотите, и мы вам поможем.

До известной степени благодарен вам, адмирал, когда я потом встречал в море судно под испанским, английским, голландским или еще каким-нибудь флагом, я каждый раз ощущал себя частицей французского военно-морского флота. Вы дали мне свою личную штурманскую карту Атлантического океана, и вы были первым моряком, который предсказал мне успех. «Написанное остается!» Вы это знали, адмирал, когда написали на моей карте: «Вы победите»¹.

Но пора было отправляться в путь. Касабланка с каждым днем становилась мне все дороже, и я боялся, что скоро уже не смогу ее покинуть без душевной боли. Пятого октября я вылетел в Лас-Пальмас. До скорого свидания, Касабланка!

Самолет доставил меня на остров Тенерифе, а оттуда я приплыл в Лас-Пальмас. Здесь мне пришлось прождать пятнадцать нескончаемых дней, во время которых музыка, друзья, природа и спорт прилагали все усилия, чтобы меня удержать.

Музыка — это были концерты в театре.

Друзья — мои товарищи из яхт-клуба, старые знакомые с яхт «Маэва» и «Блуждающая нимфа», которые приплыли сюда, пока я отсутствовал. Как чудесна морская дружба! Я вспоминаю один вечер, когда на борту «Блуждающей нимфы» собралось десять яхтсменов, представлявших восемь наций: три англичанина, американец, итальянец, испанец, швейцарец, датчанин, голландец и француз.

Природа — это были увлекательные знакомства с Крус-де-Техеда и Агаэте под руководством двух великолепных проводников Кальмано и Кольяччо.

Спорт — это были веселые сборища вокруг бассейна. Здесь прелестная чемпионка Испании показывала свое несравненное искусство, а стремительный Буато-отец обгонял меня в заплывах на двести метров кролем.

«Берегись, Ален! — твердил я себе. — Если ты задержишься еще немного, ты уже не поплывешь никуда!»

Сколько раз эта мысль терзала меня по ночам, когда я лежал без сна. И в то же время я ничего не мог сделать: южный ветер не стихал. Пока он не изменится, бесполезно было даже говорить об отплытии. Что-то принесет мне новолуние?

Но вот, наконец, 18 октября ветер переменял направление, и отплытие было назначено на следующий день.

¹ Следует сказать, что еще два человека, Жан Меррьерен, автор книги «Мореplаватели одиночки» и Жан Лоран, директор гидролаборатории, тоже писали мне «Когда вы победите, потому что вы должны победить...»

«ЧЕЛОВЕК СОЛЕНОЙ ВОДЫ»¹

В это воскресенье 19 октября, кажется, установился благоприятный северо-северо-восточный ветер. Это и есть пассат, которого я ожидал с таким нетерпением.

Французская яхта выводит меня из порта. Мое отплытие окружено не только дружеской заботой, в которой я сейчас так нуждаюсь, но и атмосферой такого понимания, что у меня становится тепло на сердце.

Г-н Фарну, французский консул в Лас-Пальмасае, проводил меня до яхт-клуба. Сначала он хотел выйти в море на буксирующей яхте и попрощаться со мной в последний момент. Но мы оба слишком взволнованы. И вот, очевидно, боясь, что ему будет трудно сдержаться, он вдруг говорит мне почти сердито:

— Послушайте, я никуда дальше не пойду! Дайте я вас поцелую. И... не сердитесь: я не буду вас провожать.

Как будто я мог на него сердиться! Целую его в свою очередь, и мы прощаемся. Вместе с Буато-отцом идем к «Еретику». Снаряжение, неприкосновенный запас, освидетельствованный заранее представителем консульства, а также радиоприемник, который я недавно получил, уже погружены в лодку. Штурман Анхелито последний раз осматривает все и проверяет точность показаний моего секстанта. Тем временем вокруг нас начинает собираться целая толпа провожающих. Мне преподносят флажок яхт-клуба, просят расписаться в книге почетных гостей. Пришли все мои друзья и даже многие незнакомые со мной люди. А когда я вышел в море, я был просто поражен: следом за мной из порта Лас-Пальмаса потянулась целая процессия всевозможных судов. Все пароходы, стоявшие у причалов, проводили меня ревом своих гудков. Парусники самых разнообразных размеров и видов словно чайки скользили вокруг моей лодки, распустив белоснежные паруса. Проходя мимо, моряки на парусниках осеняли меня крестным знаменем, чтобы мне сопутствовала

¹ Так называют полинезийцев, которые живут дарами моря.

удача. Мы все понимали, что именно сейчас начинается настоящее испытание.

Словно для того, чтобы меня подбодрить, в том месте, где я решил оставить буксир, совершенно случайно оказалась большая трехмачтовая парусная шхуна — испанское учебное судно военно-морской офицерской школы. Я подумал, что, видно, сама судьба пожелала, чтобы эта шхуна проводила меня в большое плавание; ведь она была, может быть, последней представительницей старого флота кораблей-призраков, современницей несчастных мореплавателей с фрегата «Медуза», современницей цинги, судном тех, кто не мог добыть себе пищи в море и был поглощен этим морем-людоедом.

Не успел я бросить буксирный трос, как на шхуне в знак приветствия медленно приспустили флаг. Все курсанты выстроились на палубе и, когда я проплывал мимо, обнажили головы. Невольно я подумал, что во всех флотах мира так провожают покойников. Но ведь я поднял свой парус во имя жизни! И вот он уже влечет мою лодку мимо этих быстрых судов; легко скользя во всех направлениях, они прощались со мною флагами или полотнищами парусов.

Вскоре они исчезли все. Я уже видел только учебное судно и думал, что остался один в океане, когда мне была оказана последняя и высшая честь: на шхуне зарифили все три готмарселя, а потом вновь распустили их, и ветер с шумом наполнил гудящие полотнища. Это последнее приветствие подхлестнуло меня, как удар бича, словно старая шхуна не прощалась со мной, а уже поздравляла меня с победой.

* * *

Вечер выдался на редкость спокойный. По-прежнему держался северо-северо-восточный ветер, и моя лодка уходила на юг от острова Гран-Канария, делая в среднем по три с половиной узла (6—7 км в час). Я намеревался сначала спуститься к юго-юго-востоку от Канарских островов и только потом взять курс прямо на запад. В этот момент я буду на 18° северной широты, 15° западной долготы. Мне нужно будет достичь примерно 60° западной долготы, где-то между 12 и 18° северной широты. Я не решался взять курс прямо на запад, чтобы не оказаться в Саргассовом море, которое, так же как и «зона бурь», представляло собой одну из опаснейших ловушек на моем пути.

Севернее того пути, который я избрал, северное экваториальное течение и Гольфстрим образуют как бы гигантский водоворот, собирающий в окружности примерно пятнадцать тысяч километров огромные массы водорослей, происхождение которых до сих пор неизвестно: это и есть Саргассово

море. Все живое избегает его. Насколько мне известно, еще никто там ни разу не поймал ни одной съедобной рыбы. Кроме того, эта область чрезвычайно опасна для судоходства: когда корабли попадают в эту ловушку, водоросли опутывают и затягивают их хуже, чем любые сети. Итак, северная часть океана была для меня опасна.

Но не меньшая опасность ждала меня на юге, где бушуют ветры «зоны бурь». Два пассатных ветра почти равной силы, один, идущий с востока от Португалии, а другой — с юго-востока от берегов Конго, сталкиваются здесь и начинают схватку титанов, стараясь перебороть друг друга. В этой области страшные ливни перемежаются внезапными шквалами, на смену которым приходит еще более грозное затишье. Это настоящее буферное государство между воздушными пространствами севера и юга. Беспорядочное буйство ветров «зоны бурь» едва не погубило Мермоца¹, и я знал, что если я туда попаду, мне уже не выбраться. На севере меня подстерегал круговорот течений, на юге — круговорот ветров.

Увы! Попутный ветер, который увлекал меня, продержался недолго: к вечеру он утих. Глядя на обвисший парус, я спрашивал себя, сколько времени продолжится этот штиль? Пока что ничто не предвещало перемены. Медленно, но верно течение несло «Еретика» на юг. Я зажег фонарь и прикрепил его к мачте, чтобы многочисленные суда, курсирующие между Гран-Канарией и Фуэртевентурой, могли меня заметить в темноте. Около половины девятого я закрепил руль, натянул брезент до самой шеи вместо одеяла и, подсунув под голову спасательный пояс, заснул. При полном безветрии «Еретик» продолжал медленно дрейфовать. Ночь была удивительно светлой и довольно прохладной.

На второй и на третий день все то же безветрие. Я находился в точно таком же положении, как в момент подхода к Канарским островам, когда туман скрывал от меня землю. Я был совершенно изолирован и только знал, что где-то справа от меня — один остров, слева — другой и что я ничего не вижу. Мне не терпелось оказаться в открытом океане: там по крайней мере не придется по ночам зажигать фонарь, потому что уже ни одно судно не пересечет мой путь.

Начиная с понедельника вокруг лодки появились первые признаки жизни. Но, к несчастью, это были лишь маленькие рыбешки, которые плыли впереди меня, словно указывая дорогу. Ловить их было трудно, и к тому же они все равно не смогли бы меня прокормить.

Я уже начинал серьезно опасаться, что затишье установилось надолго, когда, наконец, после полудня поднялся ветер и

¹ Мермоц — знаменитый французский летчик, совершивший один из первых перелетов через Атлантику. — *Прим. перев.*

я смог взять курс на 21° по компасу. Этим курсом я буду идти дней десять, чтобы оказаться милях в ста западнее островов Зеленого мыса, а потом повернуть прямо к Антильским островам. В этот день записываю в своем дневнике:

«Настроение превосходное, но солнце печет. Меня мучит жажда, и я выпил немного морской воды. Рыба капризничает: весь мой улов едва достигает полутора килограммов. Жидкости, которую я из него извлек, мне явно не хватает. Но это не страшно, обойдется. По сравнению со средиземноморской водой океанская кажется мне менее соленой».

Этой ночью мой опыт предстал передо мной в своем истинном и совершенно новом свете. Здесь не было ничего общего со Средиземным морем, этим часто посещаемым людьми цивилизованным озером, воды которого бороздят многочисленные суда. Покинув испытательную площадку Средиземного моря, я плыл теперь по бескрайнему океану. Здесь нечего было надеяться на случайную встречу. Океан должен был дать истинную оценку моему опыту. Контраст был разителен, и события, разыгравшиеся в самом начале плавания, подчеркнули его еще больше.

Пассат крепчает. Вскоре он превращается в настоящий шторм. Волны то возносят лодку на самый гребень, подставляя меня порывам ветра, то низвергают вниз, где в ложбине между двумя волнами можно отдышаться. Вокруг меня обрушиваются водяные горы. Что будет, если такая масса воды свалится на меня? Я бессилен что-либо сделать, но верю в устойчивость моей лодки и засыпаю, надеясь провести эту ночь без сновидений.

Увы, это была ночь сплошных кошмаров. Мне снилось, что вода поднимается вокруг, что она уже затопила все. Начинаю отчаянно отбиваться. Я не чувствую под собой никакой опоры. Где я — в лодке или уже за бортом? Я плыву. Плыву из последних сил.

Наконец, в ужасе просыпаюсь и вижу, что «Еретика» нет — он весь под водой. Я понимаю, что волна обрушилась прямо на лодку. Нужно вычерпать воду во что бы то ни стало. Лишь могучие резиновые поплавки еще виднеются на поверхности, я барахтаюсь между ними, а вокруг океан. «Еретик» плывет по нему как обломок кораблекрушения. Но я не имею ни права, ни времени отчаиваться. Почти инстинктивно я начинаю вычерпывать воду, сперва руками, потом своей шляпой. Трудно придумать более нелепое орудие для такой немыслимой работы! Вычерпывать воду нужно было очень быстро, пользуясь интервалами между наиболее крупными волнами, чтобы «Еретик», освободившись от лишней тяжести, успел всплыть. Будь у меня даже настоящий черпак, мне бы все равно пришлось работать в самом бешеном темпе: каждая крупная волна, которая нас догоняла, с силой разбива-

лась о кормовую доску, и океан снова обрушивался в лодку, сводя на нет все мои отчаянные усилия. Десять-пятнадцать минут лихорадочной, напряженной работы, и все зря! До сих пор я сам не могу понять, как мне удалось, холодея от ужаса, продержаться таким образом два часа. Потому что мне пришлось вычерпывать воду целых два часа, прежде чем лодка вновь оказалась на плаву. Потерпевший кораблекрушение, всегда будь упрямей, чем море, и ты победишь!

Я был спасен, но океанская вода пропитала абсолютно все. Днем, когда она высохнет под солнцем, на лодке останется тонкий соляной налет, а ночью эта соль будет вновь поглощать влагу и мокнуть. Мой «Еретик» превратился в настоящий плавучий солончак.

К счастью, почти все мое снаряжение находилось в водонепроницаемых мешках. Радиоприемник, например, совсем не пострадал. Зато спички все промокли, и я разложил их вокруг себя, чтобы подсушить на солнце. Что из этого выйдет, не знаю, но в подобных обстоятельствах нужно испробовать все. Я захватил с собою около сотни коробок, и очень этому рад, так как сейчас приходится тратить по целой коробке, прежде чем удастся зажечь одну спичку.

Я еще различаю вдали землю. Думаю, что это в последний раз. Зато теперь я знаю наверняка: перевернуться «Еретик» не может. Как я и рассчитывал, он держится на волне, словно акваплан или платформа, которая скользит по поверхности, не оказывая сопротивления. Будь у меня другая лодка, она давно бы уже плыла вверх дном: подходящих для этого случаев было предостаточно.

На следующую ночь ветер усилился. Боясь, как бы вчерашнее приключение не повторилось и волны не захлестнули лодку, я спустил парус и бросил плавучий якорь. Теперь «Еретик» дрейфовал носом к волне. Но как обидно терять скорость!

До сих пор я еще не поймал ни одной рыбы, однако концентрические круги, возникающие на воде вокруг лодки, доказывают, что обитатели океана становятся все многочисленнее. Как я и предвидел, через пару дней рыбы у меня будет вдоволь.

В четверг 23 октября я ничего не смог записать в дневнике, потому что весь день был занят шитьем. Ветер поднялся попутный: это был северо-восточный пассат, который должен помочь мне добраться до самых Антильских островов. Но судьба, как известно, любит подшутить. Едва ветер установился, как мой парус лопнул поперек в самом широком месте. Это был старый верный парус, под которым я доплыл от Монако до Канарских островов. Отправляясь в большое плавание через океан, я решил использовать его до конца и лишь в крайнем случае, когда он совсем не сможет мне служить.

поднять новый, запасной парус. Но разве я знал, что этот крайний случай придет так скоро! Тотчас же я бросил плавучий якорь, спустил разорванное полотнище и прикрепил к рее новый парус. Проходит полчаса, и вдруг яростный шквал срывает его одним порывом и уносит, словно бумажный змей. Я успеваю лишь заметить, как он взлетает вверх, а затем исчезает где-то вдали среди волн. Вместе с ним улетели все концы, которыми он был прикреплен, не исключая шкота и фала.

Приходится снова пользоваться старым, рваным парусом. Делать нечего, принимаюсь его зашивать. Все мои портняжные инструменты состоят из одной катушки черных обыкновенных ниток и такой же обыкновенной иглки. Поэтому я вынужден сшивать полотнища двойными стежками, или, как говорят, машинной строчкой. Ко всему этому я не могу даже разложить как следует свою парусину: в лодке слишком мало места. Приходится зашивать разрыв постепенно, преодолевая сантиметр за сантиметром, точно так же, как я преодолевал волну за волной и как я одолею время — час за часом.

Лишь к вечеру я с трудом окончил эту работу и, не желая сразу же лишиться ее плодов, улегся спать, оставив лодку на плавучем якоре. Как-никак, это мой последний парус, и я меньше всего хотел бы, чтобы его сорвало. Иной раз бывает выгоднее потерять несколько драгоценных часов. Такие жертвы тоже необходимы.

До конца плавания я не мог без страха смотреть на мой парус, пересеченный швом, похожим на свежую рану, которая вот-вот откроется. Но еще более я боялся самого страха за парус, ибо я знал, что море, изматывая человека, делает его суеверным, а суеверия превращают его в безвольного труса. С этого момента мне пришлось вести нескончаемую борьбу с самим собой, не менее жизненно важную, чем борьба со стихиями океана.

Я заметил, что когда все идет из рук вон плохо, я даже не думаю о своем парусе. Но едва положение улучшается, я вновь начинаю за него бояться. Я начинаю думать о всем моем снаряжении. Выдержит ли оно до конца?

В ту ночь мне было особенно тревожно, может быть оттого, что я жестоко замерз. Весь промокший, просоленный, я до утра не мог унять дрожь. Никогда еще я так не жаждал солнца! Я ждал его с нетерпением, я молил его поспешить и верил от души, что солнце меня спасет. Но я знал его слишком плохо; я забыл, что нет ничего страшнее друга-предателя. В этом я убедился позднее.

Я очень мало продвинулся вперед и — что гораздо хуже — не знаю, сколько миль уже пройдено. Из-за этого в мои расчеты вкралась ошибка, которая едва не оказалась роковой: я неправильно определил свою долготу. Но об этом потом.

«Еретик» находился в зоне сильных пассатных ветров. Здесь пассат зарождался; здесь он был еще молод, могуч и полон необузданной первозданной ярости. Лишь потом в просторах океана он утихомирится и будет чем дальше, тем слабее.

А пока волны вздымают свои гребни, увенчанные белой пеной. Это море, сверкая зубами, хохочет, как жестокий ребенок. Но детям нельзя показывать, что ты боишься, и вот я поднимаю мой залатанный парус.

Едва лодка набрала скорость, начался клев. Вокруг появляются в воде зеленые и голубые пятна. Это рыбы. Вначале они держатся на отдалении и ведут себя очень осторожно. Стоит мне пошевелиться, как все они бросаются враспынную и мгновенно исчезают в глубине. Но я должен наловить рыбы во что бы то ни стало!

Весь день 24 октября ушел на возню с ножом. Положив его на плоскую часть весла как на наковальню, я потихоньку загибал кончик лезвия, стараясь его не сломать. Когда мне это удалось, я прикрутил шпагатом ручку ножа к концу весла, чтобы попытаться загарпунить этим оружием первую же рыбу, которая подойдет достаточно близко. Вместо шпагата я мог бы воспользоваться чем угодно — галстуком, тесемками, брючным ремнем, любой веревкой. Потерпевший кораблекрушение всегда найдет в своей лодке что-нибудь подходящее. Я решил по возможности не пользоваться рыболовным набором особого назначения¹, зная, что у тех, кто терпит бедствие, зачастую не бывает даже этих наборов. Значит, и мне следовало обходиться подручными средствами.

Пока я возился с ножом, над моей головой пролетело несколько птиц. Это меня изумило: я был убежден, что, когда земля останется позади, их больше не будет. Еще один предрассудок сухопутного человека! В действительности не проходило ни одного дня без того, чтобы птицы не пролетали близ «Еретика». А одна из них, казалось, была ко мне особенно привязана: на протяжении всего плавания вплоть до последнего дня она прилетала в четыре часа и описывала надо мной несколько кругов.

Однако сейчас меня больше интересовали рыбы. Многих мне удалось задеть или ранить своим импровизированным гарпуном. В те мгновения, когда они трепетали на конце ножа, во мне с новой силой вспыхивала надежда, что вот теперь-то я добуду себе пропитание. Но лишь в субботу 25 октября мне, наконец, удалось вытащить из воды первую дораду. Я был спасен: теперь у меня были и пища, и питье, и наживка, и даже крючки, потому что у дорады позади за-

¹ Рыболовный набор особого назначения в запечатанной банке входит в обязательное снаряжение спасательных шлюпок американского флота.

остренной жаберной крышки растет великолепный природный крючок, годный для ловли рыбы. Подобные крючки давно уже находили в погребениях доисторических людей, а сейчас я снова пустил их в ход.

Теперь, когда у меня была полностью снаряженная удочка, я мог каждый день добывать себе пищу и питье в любых количествах. Отныне и до конца плавания я уже не испытывал ни голода, ни жажды. В моем положении потерпевшего кораблекрушение это было, конечно, величайшей ересью.

* * *

В первые дни моего плавания океан не был безлюден: большие суда, очевидно спешившие к Канарским островам, довольно часто проходили неподалеку. Но ни одно из них даже не поинтересовалось мною. Я до сих пор не знаю, видели с них «Еретика» или нет, но знаю наверняка, что потерпевшему кораблекрушение будет нелегко заставить себя заметить. Я в этом убеждался не раз.

Зато рыбы заинтересовались моей лодкой: они приплывают со всех сторон, чтобы уже не покидать меня до самого конца. Рыбаки и «специалисты» торжественно объявили мне накануне отплытия: «Вдали от берегов вы не сможете поймать ничего!» Но вот голубые и зеленоватые пятна приблизились и превратились в силуэты крупных рыб, которые без всякой опаски плещутся вокруг моей лодки. За время плавания я так привык к их разноцветным спинам, что высматриваю их по утрам, словно это мои приятели. Время от времени слышится всплеск, похожий на выстрел; быстро обернувшись, я успеваю заметить серебристую молнию, ныряющую в волны.

Ветер дул теперь постоянно. Острова остались позади, передо мной был открытый океан, и я шел под парусом днем и ночью, вверившись попутному ветру. Лодка скользила по медленно катившимся волнам. Скорость придает устойчивость велосипеду. А для меня скорость была залогом безопасности. Если бы я остановился, волна с силой ударила бы в кормовую доску, разбилась и захлестнула лодку. Вот тогда-то и возникло у меня чувство, которое можно назвать «тревогой за снаряжение». Я беспокоился за лодку, я боялся, что мое снаряжение, особенно залатанный парус, не выдержит. В дневнике появляется запись:

«Перед отплытием я думал, что самое трудное — это голод и жажда. Теперь я знаю: самое трудное — это тревога за снаряжение» и вечная сырость, которая причиняет мне не меньше страданий. В то же время я не могу снять промокшую одежду, потому что тогда я погибну от холода».

И в виде заключения я записываю в тот же день:

«Потерпевший кораблекрушение не должен снимать одежду, даже если она промокла».

Уже на второй день после отплытия, промокнув насквозь, я обнаружил, что даже влажная одежда сохраняет тепло тела. А одет я был так же, как обычный человек, потерпевший кораблекрушение: на мне были брюки, рубашка, свитер и куртка.

Наученный горьким опытом, я уже не смеялся, вспоминая наряд булонских женщин, отправляющихся на ловлю креветок или на сбор съедобных ракушек: в таких случаях они надевают самое теплое платье, шерстяные чулки потолще, непромокаемую обувь и так входят в воду.

* * *

Уже в воскресенье 26 октября в моем дневнике появляется запись. «Я не могу определить свою долготу. А ведь для этого достаточно заметить по часам время, когда солнце будет в зените!»

Но мне очень важно знать свое местоположение. Принцип определения координат несложен: высота солнца над горизонтом в полдень дает мне широту, а разница между солнечным полднем и моими часами — долготу. В момент отплытия я находился на 15° западной долготы. Теперь по моим расчетам солнце должно было достигать зенита в час пополудни по моим часам. Но в действительности солнце стояло в зените, когда мои часы показывали всего 12 часов 15 минут. Поэтому я решил, что в мои расчеты по определению долготы необходимо вносить поправку порядка $45'$. Только потом станет ясно, к чему привела эта ошибка в вычислениях.

В этот день я обнаружил у себя в кармане записку от моего друга Джона Стэниленда, капитана яхты «Блуждающая нимфа», которая должна была отплыть от Канарских островов недели через три. Вручая мне перед отплытием эту записку, Стэниленд просил, чтобы я тотчас же по прибытии на один из островов Антильского архипелага послал ему телеграмму. Под своим адресом — «Барбадос, Бриджтаун, мастеру Королевской гавани Джону Стэниленду» — он сделал приписку: «Жди прибытия британской яхты!» Это означало: «Ты доплывешь раньше нас». Разумеется, он знал, что приплывет много раньше меня, но хотел вселить в меня уверенность, что я могу переплыть океан быстрее его.

Записываю в своем дневнике:

«Если я правильно определил свои координаты, в среду я достиг 21° северной широты и, сменив в четверг курс на более западный, за десять дней пройду семьсот миль. Останется еще тысяча восемьсот миль. Если я буду плыть с прежней

скоростью, на них уйдет дней двадцать пять. Однако не следует быть оптимистом свыше меры».

Несмотря на последнюю фразу, я был именно таким оптимистом сверх всякой меры. Но ведь надеяться никому не запрещено, и я надеялся. Я не утратил этой надежды до самого конца плавания.

Мне казалось, что я отплыл лишь вчера, но на самом деле я находился в океане уже восемь дней. Меня потом часто спрашивали, не скучал ли я. В океане не может быть скучно. Это плавание как бы совершенно выпадало из привычного плана моей жизни. Дни тянулись бесконечно, однако время для меня тогда не существовало: я потерял о нем всякое понятие. Не было больше ни назначенных на определенный час встреч, ни срочных дел, и дни текли один за другим так не приметно, что я даже этого не осознавал. Лишь позднее, когда подобная жизнь стала для меня привычной, время вновь обрело смысл, стало ощутимым и начало меня тяготить, потому что я уже мог сравнить каждый день с десятками точно таких же дней, во всем похожих на этот.

* * *

Вторая неделя плавания началась праздником, который чуть не нагнал на меня тоску. Это был день моего рождения. Уже после прибытия на остров Барбадос, когда меня спрашивали, сколько мне лет, я обычно отвечал:

— Мне исполнилось двадцать восемь лет посреди океана.

Но судьба все же улыбнулась мне в этот день и послала праздничный подарок. За лодкой волочился прикрепленный к шнуру крючок с посаженной на него летучей рыбой без головы. Внезапно большая птица, которую англичане называют «водяной стриж» (французского названия этой птицы я так и не знаю до сих пор), бросилась вниз и схватила приманку. Хоть я и побаивался, как бы она не долбанула клювом по резиновому поплавку, все-таки я ее подтащил к самому борту. К счастью, едва птица оказалась в лодке, у нее начались сильнейшие спазмы: она изрыгнула на мое суденышко все содержимое своего желудка и совершенно обессилела. Преодолев отвращение, я тут же свернул ей шею.

Впервые в жизни мне предстояло попробовать сырую птицу. Но ведь едят же сырое рубленое мясо. А чем хуже сырая птица? Только я советую всем, кто поймает морскую птицу, не ощипывать перья, а сразу содрать с нее кожу, потому что кожа водоплавающих птиц — это сплошной жир.

Свою добычу я разделил на две части: одну я решил съесть сегодня, а вторую положил на солнце, чтобы она слегка провялилась и сохранилась до завтра. Мне так надоела рыба, что я заранее ликовал: наконец-то у меня будет

какая-то еда, имеющая другой вкус! Но увы, я ликовал преждевременно: меня постигло жестокое разочарование. Птица оказалась превосходной, однако имела сильнейший привкус и запах, свойственные всем «дарам моря».

Ночью мне пришлось пережить несколько неприятных минут. Над брезентовым тентом вдруг разлился какой-то таинственный свет. Я подумал, что лодка горит. На деле же оказалось, что это светится половина моей птицы: фосфорическое сияние, исходившее от нее, было настолько ярким, что этот странный свет озарял снизу парус, создавая жуткое призрачное зрелище.

28 октября произошло одно событие, чреватое самыми серьезными последствиями. Но в первый момент я этого просто не понял. У меня сломался браслет часов, которые заводились автоматически от движения руки; тогда я прикрепил их булавкой к моему свитеру на груди, полагая, что они будут заводиться и так. Однако в моей лодчонке я сидел почти без движения, и вскоре часы остановились. Когда я их стал заводить, было поздно: время ушло. Теперь я уже не мог с уверенностью определить, в каком положении я нахожусь по отношению к западу, какова моя долгота, или, иными словами, далеко ли еще до островов, к которым я плыл. А ведь это для меня было важнее всего!

После этого случая я вдруг почувствовал, что значит жить, полагаясь на волю случая, делая лишь то, что захочется, и не имея никакого плана занятий. Такая жизнь начала меня тяготить. Я решил немедленно составить себе расписание. Человек должен сам распоряжаться своими поступками, а не подчиняться обстоятельствам. Я считаю, что это крайне важно.

Прежде всего, чтобы как-то избавиться от впечатления, что вокруг меня всегда океан и только океан, я решил вести «сельский образ жизни», то есть вставать с солнцем и ложиться с солнцем.

На рассвете я просыпаюсь и собираю летучих рыб: ночью они натыкаются в темноте на мой парус и падают на тент. Начиная с третьего дня после отплытия и до самого конца плавания я каждое утро находил в лодке от пяти до пятнадцати летучих рыб. Двух самых лучших я откладываю себе на завтрак. Потом я принимаюсь за рыбную ловлю. Приблизительно часа достаточно, чтобы обеспечить себя пищей на весь день. Свой улов я делю на две части — одна пойдет на второй завтрак, другая — на обед.

Могут спросить, почему я придерживался общепринятых часов еды? Зачем нужно было дожидаться для завтрака полдня, словно дело происходило на земле? Да просто потому, что, изменив характер пищи, я не хотел вносить еще каких-то дополнительных новшеств в свой режим и менять привычные для желудка часы работы. Такое нововведение было бы со-

вершенно излишним. Желудок привык выделять желудочный сок в совершенно определенные часы приема пищи, чтобы тут же начать ее переваривать. Для чего же задавать ему дополнительную работу?

После ловли рыбы я приступаю к систематическому осмотру лодки. Любая потертость может оказаться для нее роковой: достаточно, чтобы переплет книги, какая-нибудь дощечка или хотя бы мой приемничек в течение нескольких дней оставался на одном и том же месте, чтобы резина здесь протерлась до дырки. Те, кому придется увидеть моего «Еретика» в парижском морском музее, заметят, что, несмотря на все мои предосторожности, на правом поплавке изнутри резина стерта: в этом месте я опирался на него спиной.

Обнаружив к концу вторых суток плавания, что краска с поверхности поплавка слезла в том месте, где я опирался на него, я пришел в ужас. Значит, нужно было что-то прокладывать между моей спиной и резиной, чтобы предотвратить всякое трение. Ведь вслед за краской протрется слой материи, и тогда — прощай водо- и воздухонепроницаемость! С этого момента я стал выслушивать мою лодку, прижимаясь ухом к поплавкам на всем их протяжении, чтобы определить, в каком месте происходит трение. Так врач выслушивает сердце больного, пытаясь уловить подозрительные «шумы». Да, я тоже старался обнаружить «шумы» моей лодки, чтобы знать, откуда ей может грозить смертельная опасность. Туго накачанные поплавки, словно легкие, отчетливо передавали малейший шорох: самое слабое шипение сразу же показало бы мне, что где-то происходит утечка воздуха. Кроме такого выслушивания, я прибегал еще к одной мере предосторожности. Что бы ни случилось, моя лодка не могла спустить воздух сразу из всех отсеков. Поэтому на ночь я закрывал клапаны между отсеками, а по утрам я их снова открывал. Если бы давление воздуха в одном из отсеков почему-либо уменьшилось, я бы услышал шипение в тот момент, когда воздух начнет равномерно распределяться по всей лодке. Но, слава богу, этого не случилось ни разу!

Ежедневный осмотр, ощупывание и выслушивание лодки не раз помогали мне предотвратить катастрофу. Подобная бдительность совершенно необходима всем, терпящим бедствие на море.

После осмотра лодки наступало время зарядки: полчаса я занимаюсь гимнастикой, чтобы сохранить силу мышц и гибкость движений. И, наконец, десять-двадцать минут я трачу на сбор двух чайных ложек планктона, необходимых для предотвращения цинги. Поскольку любая спущенная за борт сеть является тормозом, я очутился перед дилеммой: либо собирать немного планктона и плыть быстро, либо вылавливать планктон в таком количестве, чтобы его хватило для еды, и

стоять на месте. Я решил, что до тех пор, пока у меня будет рыба, планктон мне будет служить лишь в качестве лекарства (как витамин С).

Приближается полдень — время определения координат. Лодка пляшет на волнах, и поэтому, чтобы добиться наибольшей точности, я за полчаса начинаю производить пробные измерения. Солнце постепенно поднимается и вот оно уже в зените: это полдень. Несмотря на множество затруднений, вызванных тем, что я почти не возвышался над поверхностью воды, мне довольно скоро удалось достичь немалых успехов в этом виде спорта — в определении своего местонахождения. Самое сложное заключалось в том, чтобы не принять по ошибке гребень волны за линию горизонта. Волны были огромные, но двигались они равномерно, так как поблизости не было берегов. Я изучил законы их движения и знал заранее, что шестая или седьмая волна поднимет меня на такую высоту, откуда передо мной откроется линия горизонта. Поэтому я просто считал волны, не отрываясь от зрительной трубки секстанта, и, когда меня подхватывал седьмой вал, бросал взгляд на горизонт. В этот момент нужно было успеть совместить нижний край солнечного диска с линией горизонта, описывая секстантом круговое движение, чтобы удерживать солнце на этой касательной. Интересно, что если в начале плавания я ошибался при определении широты на десять и более миль, то примерно через неделю я уже научился делать расчеты с точностью до одной мили.

После полудня наступает самое трудное время: часы тянутся бесконечно, солнце беспощадно печет, и нет никакой возможности от него укрыться. Эти тяжкие часы я посвящаю медицинским наблюдениям и умственной работе. В два часа — полное медицинское самоосвидетельствование: кровяное давление, температура, состояние кожных покровов, волосных покровов, ногтей, слизистой. Затем — метеорологические наблюдения: я отмечаю температуру воздуха, температуру воды, состояние атмосферы. Потом приступаю к «субъективному исследованию» моей психики и умственных способностей. Делаю упражнения для тренировки памяти. И лишь после всего этого наступает очередь развлечений: музыки, чтения и переводов.

Когда солнце уходит за парус, я использую передышку для вечернего медосмотра: измеряю мускульную силу, отмечаю количество мочи, стул и т. д. Затем подвожу итог своим наблюдениям за день: как клевало, сколько и какой рыбы я выловил, как я использовал улов, сколько собрал планктона, каков был его вкус и состав, каких птиц я видел.

Наступающая ночь приносит желанный отдых, и после ужина я, наконец, позволяю себе послушать часок другой радио.

Днем все время приходится думать об одном и том же: как бы мне устроиться поудобнее? Сидячее положение становится для меня уже мучительным. Я могу сидеть на бортовом поплавке, свесив ноги внутрь, но так они затекают и вспухают у лодыжек. Тогда я усаживаюсь на дно, положив ноги на поплавок. Но очень скоро боль в чрезмерно поднятых ногах, которые к тому же ударяются о весла, заставляет меня изменять позу. Наконец я укладываюсь на дно. Однако я сильно похудел и чувствую каждой костью деревянный настил, поэтому и такое положение быстро становится невыносимым. Стоять в лодке практически невозможно. Остается единственная поза, наиболее близкая к вертикальному положению: подогнув ноги в коленях, навалиться грудью на поплавок и так полулежать, ничего не видя, кроме бесконечных волн. Для верности я в таких случаях привязывал к своему поясу 25-метровую веревку, прикрепленную другим концом к основанию мачты. Конечно, лодка очень устойчива, но достаточно мне шевельнуться, как она начинает колебаться, и, чтобы сохранить равновесие, мне приходится хвататься за что попало. К счастью, я не испытывал ни килевой, ни бортовой качки. И тем не менее я не могу отделаться от жуткого чувства, что достаточно одной волны и все будет кончено. Гигантские валы с грохотом обрушиваются вокруг меня, когда вздыбленные массы воды теряют равновесие от собственной тяжести. Если один такой вал рухнет на «Еретика», это может стать концом моего опыта и моей жизни.

28 октября я записываю в дневнике: «Добрый знак: у меня нет «гастрономических галлюцинаций». Это лучшее доказательство того, что я не голоден, ибо голод выражается прежде всего в постоянном желании есть. А я, право же, ничего не желаю».

29 октября я впервые ощутил весь трагизм своего положения. Это «большое плавание» отличается от предыдущих этапов даже не столько своей длительностью, сколько роковой неотвратимостью: я уже не могу остановиться, не могу вернуться, не могу обратиться к кому-либо за помощью. Я всего лишь пылинка, затерянная в просторах океана, где теряют смысл все привычные человеку понятия о расстояниях. От этих мыслей меня пробирает мороз по коже. Вот уже несколько дней я не видел ни одного корабля. Зато вчера я увидел первую после Канарских островов акулу: она быстро промчалась мимо лодки. Что касается дорад, то к ним я уже привык; о них мне придется упоминать не раз, потому что это мои единственные друзья. Просыпаясь по ночам, я люблю красоту этих рыб: они плывут рядом с лодкой, оставляя позади себя фосфоресцирующие борозды — сияющий след в ночном океане.

Однажды меня одолело любопытство: я решил посмотреть, как будут реагировать рыбы на электрический свет. Зажигаю фонарь и направляю его луч в глубину. Рыбы тотчас же собираются вокруг яркого снопа света. Я залюбовался их гибкими движениями, которые я направляю куда хочу. Внезапно сильный толчок заставляет меня схватиться за борт лодки, и прямо подо мной появляется акула. Она огромна, верхняя часть ее хвостового плавника много больше нижней, и она уже переворачивается на спину, чтобы броситься на меня. Все ее зубы сверкают в луче электрического фонаря. Живот у нее белый. Раз за разом она тычется мордой в дно лодки. Может быть, она хотела ее укусить? Не знаю. Я только слышал, что когда акула бросается на свою жертву, она всегда переворачивается на спину. Единственное, в чем я совершенно уверен, так это в том, что я перепугался невероятно: к подобному обхождению я еще не привык. До сих пор мне довелось видеть на пути от Касабланки к Канарским островам лишь одну акулу, которая просто плыла за мной на почтительном расстоянии. Но эта! Должно быть, она родилась вдали от всех берегов и потому вела себя так невоспитанно.

Я сейчас же погасил фонарь, надеясь, что акула оставит меня в покое. Но еще долго вокруг лодки слышались всплески ее хвоста, напоминающие щелканье кнута; каждый такой удар обдает меня брызгами с головы до ног. Время от времени я снова замечаю ее живот — белое пятно среди фосфоресцирующих струй. Наконец, акула, которой надоела моя неподвижность, уплывает. По-видимому, она все-таки хотела вцепиться в лодку. Но попробуйте-ка укусить футбольный мяч! Я знаю, что это совершенно немыслимо, и мало-помалу успокаиваюсь. Тем не менее я желаю от всей души, чтобы подобные гости избавили меня от своих визитов. А себе я даю клятву, что больше никогда не стану освещать океанские волны.

Начиная с этого дня я перестал зажигать по ночам даже сигнальный фонарик на мачте: пароходы больше не встречались, и к тому же мне хотелось сберечь керосин.

Настроение у меня все еще неплохое, хоть я и страдаю от ночного холода, неподвижности и поистине мучительной постоянной сырости. Все это начинает сказываться на здоровье. В дневнике появляется запись: «У меня выпал ноготь на мизинце правой ноги, а на внешней стороне кистей появилось странное раздражение, очевидно вызванное соленой водой. Панически боюсь, как бы у меня не начался фурункулез; я знаю, какая это будет адская боль! Но все же я заранее решил не лечить его, пока хватит терпения, чтобы сделать как можно больше наблюдений, необходимых для моего опыта. У меня, конечно, есть с собой антибиотики, но если я ими воспользуюсь, те, кто в будущем может оказаться жертвой ко-

раблекрушения, справедливо возразят мне, что у них-то этих медикаментов не будет! Поэтому я и решил прибегнуть к лекарствам лишь в случае самой крайней необходимости».

Под влиянием гнетущего одиночества и усталости в дневнике начинают появляться записи, в которых я сравниваю свое теперешнее положение с прежней нормальной жизнью:

«Нет, это поистине слишком дорогая плата за прекрасные дни, прожитые на земле!»

Но я все еще полон оптимизма и рассчитываю, что мне останется плыть от двадцати пяти до сорока дней.

Забавно наблюдать (в те дни это было скорее печально), как путь, отмеченный на карте, все больше приобретает характер сухопутной дороги. Вот, например, еще одна запись из моего дневника:

«Когда я доберусь до 21° северной широты, я сверну направо и пойду по 255° компаса вместо 230°».

Здесь даже цифры выглядят так, словно это проселочные дороги. У меня действительно было ощущение, что на первом же перекрестке я просто поверну направо. Безграничный океан для меня стал полон примет, как какой-нибудь город, потому что я иду через него по определенному адресу.

«Я увлекся записями в дневнике и пропустил час определения широты. Ну что ж, подожду до завтра, времени у меня хватает».

На подобный же переход Колумб, плывший в это же время года, затратил двадцать два дня. Я полагаю, что у меня уйдет дней тридцать пять — сорок. Однако нужно научиться жить созерцательной растительной жизнью, потому что с тех пор, как я начал много думать, время тянется гораздо медленнее».

Спрашиваю себя:

— А что если бы я был не один? Было бы мне легче? Думаю, что да. О Джек, ну почему тебя здесь нет?! Но сожаления теперь не помогут. Господи, как ярится этот пассат! Пусть, лишь бы парус выдержал — скорее доплыву. Но я промок насквозь».

В четверг 30 октября мною овладел настоящий приступ необузданного оптимизма. Записываю дословно следующее:

«Осталось еще 23 дня!» Это означало, что я доплыву до земли 23 ноября. Хорошо еще, что ниже я приписал: «Если только ничего не случится».

Многих удивит такой оптимизм, а кое-кто даже скажет, что подобные записи появились в моем дневнике уже после путешествия. При этом маловеры будут ссылаться на то, что я сам предусмотрел значительно большие сроки своего плаванья. Да, я назначил самые большие сроки, но сделал это для того, чтобы мои близкие волновались как можно меньше. Ведь если бы я сказал, что доплыву за 35 дней, все мои род-

ственники и друзья переполошились бы уже на 20-й день. Но я назначил срок в 60 дней и мог надеяться, что хотя бы дней 30—40 никто волноваться не будет.

«Какой чудесный выдался денек: спокойный, без всяких неприятностей. Впрочем, и ночь была такой же. Я размечтался о своей коллекции граммофонных пластинок, когда прямо надо мной пролетел самолет. Меня, конечно, не заметили. Я по-прежнему страшусь даже самого легкого трения».

Последняя фраза вызвана происшествием с моей маленькой спасательной лодкой-одиночкой, которую я уложил на носу «Еретика», чтобы в случае катастрофы успеть ее быстро накачать и спустить в воду. Нижний край паруса слегка задевал за нее, и прикосновения материи за одну ночь протерли в резине здоровенную круглую дыру. Это означало, что даже самый легкий предмет может за одну ночь протереть насквозь прорезиненную ткань моей посудыны. Я получил хороший урок. И выводы из него были самые неутешительные. Прежде всего, теперь в случае несчастья с «Еретиком» мне уже не на что было рассчитывать.

Правда, моя спасательная лодочка была так мала, что в ней мне вряд ли удалось бы спастись. Это была обыкновенная, рассчитанная на одного человека, надувная лодочка, какие употребляются для оказания помощи утопающим в непосредственной близости от берега. Я не думаю, чтобы мне удалось на ней пересечь Атлантический океан. Но раньше я хотя бы мог спустить ее на воду и, плавая на буксире за «Еретиком», фотографировать моего красавца, идущего под парусом посреди Атлантического океана. А теперь я был лишен этого удовольствия. Силой обстоятельств мое положение становилось все более сходным с положением потерпевшего кораблекрушение. Как и он, теперь я мог рассчитывать лишь на свою посудину: это была моя последняя и единственная надежда, последний шанс на жизнь.

«Берегись, Ален! Ты слишком часто считаешь дни, а они от этого тянутся еще медленнее. Надо быть осторожней!»

Поклевки стали заметно реже, но зато рыба крупнее. Теперь я могу каждый день просто делать в рыбе надрезы и пить ее сок. А раньше мне приходилось резать мой улов на мелкие кусочки, класть их в рубашу и отжимать из них жидкость.

Четверг 30 октября. Погода стоит превосходная. Молодой пассат начинает успокаиваться, стареть: теперь это просто хороший попутный ветер, который гонит лодку в нужном направлении. Я нахожусь на 21° северной широты и 28° западной долготы. Все идет примерно так, как я рассчитывал.

Лишь много позже я узнал, что в тот день я находился всего лишь на 18 или 19° западной долготы. Я тогда думал, что уже проплыл четверть пути и что мне осталось пройти

всего 35° на запад и 4° на юг, то есть примерно 1800—1900 миль. К чему это привело — будет видно позднее.

В пятницу 31 октября записываю в дневник: «За ночь ветер, к счастью, немного окреп, и сейчас лодка снова движется. Надо мной пролетел великолепный «водяной стриж». С вожделением вспоминая о его собрате, который попался на крючок в день моего рождения, я пытался поймать и этого, но, увы, без всякого успеха».

Вчера я провел восхитительный вечер: по радио передавали Седьмую симфонию Шуберта. Удивительное дело — все мое плавание проходит под знаком этой симфонии! Как правильно, ее исполняют довольно редко, но за 65 дней, проведенных мною в океане, я слышал ее шесть раз.

Все-таки я неисправимый оптимист! В этот же день в дневнике появляется запись: «Начиная с субботы 22 ноября я уже могу увидеть землю».

В действительности я увидел землю и высадился на нее только 23 декабря, то есть на месяц позже. Но уже тогда я начал сомневаться в своих штурманских способностях. В четыре часа пополудни записываю:

«Навигация совсем не такое простое дело. Нужно все время учитывать это чертовое склонение и вносить поправки, а на моей штурманской карте Атлантического океана склонение не указано. Все дело в том, что я не знаю, правильно ли я держу курс по компасу, действительно ли я плыву, отклоняясь к западу, или просто увеличилось отклонение стрелки компаса. В последнем случае я окажусь гораздо южнее, чем нужно. Точное определение широты могло бы разрешить мои сомнения, но скорость лодки так трудно измерить, что я практически не могу прокладывать предположительный курс. Я исхожу из того, что «Еретик» проходит по восьмьдесят миль в день (позднее я узнал, что это было совершенно бредовое предположение), но, должно быть, я плыву быстрее (а это был уже абсолютнейший бред), так что самое главное — держаться между 17 и 18° северной широты. Если я иду правильным курсом, завтра я достигну 20°20' северной широты. Какой чудный пассат! Я очевидно нахожусь на 26°40' западной долготы (в действительности это было не так: я находился на 18° западной долготы). Значит, мне остается пройти на запад еще 33°, или около 1700 миль. 1700—1800 миль, деленные на восемьдесят миль, которые я прохожу в день, дают двадцать два или двадцать три дня».

И ниже я прибавляю: «Если ветер продержится, так оно и будет. В сущности, как мореплаватель, я ничем не хуже Христофора Колумба».

Одиночество! В тот день, когда я сделал эту характерную запись, ты начало меня тревожить не на шутку. Я прекрасно понимаю разницу между одиночеством и изолированностью.

В нормальных условиях я всегда могу покончить с изолированностью самым простым способом: достаточно выйти на улицу или позвонить по телефону, чтобы услышать голос друга. Изолированность существует лишь до тех пор, пока ты этого хочешь. Но одиночество! Полное одиночество невыносимо. Горе тому, кто одинок! Мне кажется, что одиночество наваливается на меня со всех сторон непомерное, бескрайнее, как океан, словно сердце мое вдруг стало центром притяжения для этого «ничто», которое тогда казалось мне «всем». Одиночество... В день отплытия из Лас-Пальмаса я думал, что могу с тобой справиться, что мне нужно только привыкнуть к твоему присутствию в лодке. Но я был слишком самонадеян! В действительности не я принес тебя с собой в океан — разве я или моя лодка могли тебя вместить?! Ты пришло само и овладело мной. Ничто не в силах разорвать кольцо одиночества; сделать это труднее, чем приблизиться к горизонту. Время от времени я начинаю громко говорить, чтобы услышать хотя бы свой голос, но от этого только чувствую себя еще более одиноким, терпящим бедствие в океане молчания.

«Сегодня 1 ноября. Я достиг 20° северной широты и повернул направо. Теперь я иду на запад с небольшим отклонением к югу. Но отклонение все же есть. Постараюсь подняться на несколько градусов вверх. Я сменил галс: это означает, что парус переместился с правого борта на левый. Если ничего не случится, он останется в этом положении до конца плаванья».

Должен сказать, что я действительно больше к парусу не притронулся и вообще перестал управлять лодкой; я укрепил руль так, чтобы мой курс соответствовал показаниям компаса, и уже не прикасался к нему ни днем, ни ночью. Лишь время от времени, примерно каждые два часа, нужно слегка выправлять лодку, которая начинает постепенно отклоняться от курса.

Мне приходится спать в вечной сырости: даже если днем стояла солнечная погода, ночью от этого не становилось суше. Но все равно я сплю по двенадцать часов в сутки. Как мне удавалось столько спать в таких условиях? Это было возможно прежде всего потому, что я доверял своей лодке: я знал, что она устоит перед осаждающими ее волнами, я знал, что даже если какой-нибудь страшный вал обрушится на нее, опасность будет, конечно, немалая, но «Еретик» не перевернется. Я исходил из примитивной, но зато утешительной логики: если со мной ничего не случилось днем, почему я должен бояться, что со мной что-то случится ночью?

Голову я по ночам никогда не закрывал. Натянув до самого подбородка брезент вместо одеяла и выставив лицо наружу, я засыпал под бесчисленными звездами. Такого звезд-

ного неба, как в океане, я больше никогда не видел. Время от времени мне светил небесный ночник — луна.

Пассат дует спокойно и ровно. Я не решаюсь долго читать, боясь, что мои батареи откажут и тогда мне вообще нечего будет делать. А они заметно слабеют. Приходится себя ограничивать.

Каждый день в свободные часы я заново произвожу все те же расчеты и каждый раз получаю самые радужные результаты, которые мне говорят: числа 23-го ты достигнешь земли, числа 23-го ты достигнешь земли, числа 23-го ты достигнешь земли. По моим предположениям, я нахожусь уже на 27°30' западной долготы. Количество птиц заметно уменьшается, рыбы тоже попадаютя немного реже. Приходится тратить на ловлю рыбы больше времени: от двух до двух с половиной часов в день. До сих пор я еще не встречал саргасовых водорослей. Впрочем, это понятно: ведь я для того и спустился южнее, чтобы с ними не встречаться. Моя широта заметно меняется: теперь я лучше всего слышу французскую радиостанцию Дакара. Долгота тоже: начали прослушиваться американские радиостанции. Но вообще-то в эфире над Атлантическим океаном господствуют две нации — англичане (Би-Би-Си) и русские.

Воскресенье 2 ноября. Вряд ли я когда-нибудь позабуду это воскресенье! Я только что совершил непростительную неосторожность. «Мог ли я поступить по-другому?» — спрашиваю я в дневнике. Вне всякого сомнения.

За последние дни здоровье мое ухудшилось. Непривычная пища и вечная сырость привели к тому, что у меня на коже появились мелкие и крайне болезненные прыщи. Чтобы не бередить их, я старался всегда опираться на мою единственную надувную подушку. И вот из-за какого-то неосторожного движения эта подушка упала за борт, и я это заметил лишь тогда, когда она оказалась уже в нескольких сотнях метров позади. Тотчас же, спустив парус и бросив плавучий якорь, я нырнул и поплыл к ней. Плаваю я хорошо, так что через несколько минут подушка была у меня в руках. Но каково же было мое изумление и ужас, когда я поплыл обратно: лодка убегала от меня и мне не удавалось к ней приблизиться. Плавучий якорь, этот водяной парашют, почему-то не раскрылся и болтался на волнах, как мокрый флажок. Ничто не удерживало лодку, и ветер уносил ее все дальше. Догнать беглянку я уже не мог, у меня не хватало на это сил. Еще немного, и «Еретик» продолжал бы свой путь без меня...

В 1951 г., когда я тренировался перед заплывом через Ла-Манш и был в хорошей форме, я мог плыть без отдыха двадцать один час, но теперь, ослабев после стольких лишений и стольких дней почти полной неподвижности, я бы не смог долго продержаться на воде. Поэтому, бросив свою надув-

ную подушку, я пошел кролем, напрягая все силы. Даже во время состязаний в Лас-Пальмесе с Буато-отцом я наверняка не показывал такой скорости! Вначале мне удалось сократить расстояние между мной и лодкой, но дальше у меня хватило сил лишь на то, чтобы не отставать. Догнать ее я был не в состоянии...

И вдруг «Еретик» замедлил ход. Я доплыл до него и с трудом перевалился через борт. Оказалось, что стропы плавающего якоря каким-то чудом распутались и мой водяной парашют сработал. Я был настолько измучен физически и морально, что тут же поклялся больше не плавать до конца путешествия.

Отношения с моими морскими соседями постепенно налаживаются. Меня сопровождает довольно симпатичная семейка, состоящая из пяти-шести дорад и одной кочурки-буревестника, которая ненадолго прилетает ко мне каждый день в четыре часа. Это маленькая, величиной с обыкновенного воробья черная птичка с белыми пятнами на хвосте. При виде ее я каждый раз себя спрашиваю, как ухитряется эта пичужка преодолевать такие расстояния, чтобы где-то посреди океана добывать себе пищу. Она всегда приближается к лодке со стороны кормы и начинает бегать по волнам — эта птичка умеет ходить по воде. А когда солнце садится, она улетает.

Что касается дорад, то они проявляют гораздо больше постоянства и не покидают меня круглые сутки. Я их всех легко узнаю: в первый день, пытаясь их загарпунить, я нанес им раны, которые все еще не затянулись. Любопытно, кстати, отметить, что в морской воде раны заживают одинаково плохо как у людей, так и у рыб. У одной дореды осталась на спине ближе к хвосту открытая овальная язва величиной с монету в сто су, у другой — рана под боковым плавником. Так я различаю пять или шесть рыб, каждой из которых я дал имя. Самую крупную зовут Дора. Она все время плавает рядом с лодкой, но держится настороже, чтобы я не зацепил ее второй раз. Время от времени Дора заплывает под лодку или, переворачиваясь на бок, смотрит вверх; при этом она всегда поглядывает и на меня.

Когда ветер стихает и «Еретик» замедляет ход, мои дореды устремляются под лодку и начинают шлепать хвостами по резиновым поплавкам, словно спрашивая, что это я так тащусь. К моим старым знакомым каждый день присоединяются новые рыбы; их-то я и ловлю. Для этого достаточно нацепить на тройник одну из летучих рыб, подобранных утром в лодке, и спустить ее в воду на тонком шнуре. Я тяну за собой наживку так, чтобы она прыгала по самой поверхности, словно живая летучая рыба, которая вот-вот нырнет. Дореды тотчас же накидываются на нее, «как нищета на бедняков»,

и — гоп! — одна уже бьется на крючке. Все новички попадают на мою удочку, но зато старые знакомые даже внимания не обращают на мои уловки: они меня знают слишком хорошо!

В ночь на 3 ноября в черной воде вспыхивает целый фейерверк, и я вытаскиваю из глубины настоящее чудовище: рыба-змею со страшными клыками, с которых в темноте сочится белесый яд. Любопытно, что она отчаянно билась, пока была в воде, но едва я ее извлек из родной стихии, сразу замерла, словно мертвая. Обычно пойманные рыбы долго еще бьются и прыгают в лодке, а у этой — ни одной конвульсии! Наверное, это объясняется тем, что выловленное мною страшилище — обитатель больших глубин. У него огромные по сравнению с головою глаза и невероятно длинные зубы. Что это за рыба, я не знаю. До сих пор я просто не видел ничего похожего. У нее тело с медным отливом, она вцепилась в мой спальный мешок и перемазала его липкой и, по-видимому, ядовитой слюной. Все это не внушает мне доверия. Осторожно приподнимаю страшную добычу за хвост и выбрасываю обратно в море.

Лишь позднее я узнал, что в ту ночь мне попалась так называемая змеевидная макрель, или гемпилус. Точно такое же страшилище прыгнуло прямо в спальный мешок к одному из членов экипажа «Кон-Тики». Должно быть, спальные мешки чем-то привлекают рыб этой породы, ведь моя тоже вцепилась в спальный мешок! С этой ночи я стал им пользоваться с величайшей осторожностью. Стоило мне вспомнить об органических ядах, которыми индейцы Южной Америки отравляют свои стрелы, как при одном взгляде на мешок меня охватывал ужас.

В этот же день около одиннадцати часов милях в десяти от меня прошло судно. Никто меня не заметил.

«Потерпевший кораблекрушение! Помни, бедняга, если хочешь спастись, рассчитывай только на себя! Я оказался между судном и солнцем, и вот меня не заметили. Какая обида! Ведь судно остановилось для определения координат и стояло минут десять, не меньше! Я мог бы успокоить родных, послать им весточку. Этот пароходик держит курс на северо-восток, должно быть, идет из Америки к Азорским островам»¹.

Если бы я знал в тот момент, что готовит мне будущее!

В мои расчеты вкралась еще одна ошибка. В морском справочнике указывается час захода солнца для данной широты при нулевой долготе. Нормально меня должно сносить на 4' на каждый градус. Это относится также и ко времени восхода и захода луны. Но вот беда! Мся предполагаемая

¹ Не следует забывать, что я думал, что нахожусь гораздо западнее, чем было в действительности. Так что скорее всего этот пароход шел от островов Зеленого Мыса к Канарским островам.

долгота, совершенно не совпадающая с долготой, которую мне дает солнечный полдень и время захода солнца, в то же время абсолютно точно соответствует долготе, которую мне дает заход луны. Лишь позднее я узнал, в чем дело: один офицер военно-морского флота объяснил мне, что это явление было вызвано рефракцией, неправильным преломлением лучей в воздушных слоях различной плотности.

Чтобы убить время, я теперь развлекаюсь головоломками, например делаю упражнения для укрепления памяти. Раньше я был совершенно равнодушен к математике, зато теперь целыми днями произвожу в уме тщательные вычисления своей средней скорости, затем также в уме делю две тысячи семьсот миль, которые мне нужно пройти, на среднее число миль, проходимых за сутки, чтобы узнать, сколько дней мне еще предстоит провести в океане. Варьируя среднюю скорость, я делаю эти расчеты: седьмой, восьмой, девятый раз.

В довершение всего мною постепенно овладевают суеверия — обычные спутники одиночества. Если я не нахожу свою трубку сразу же, когда хочу закурить, — это дурная примета. Маленькая куколка, которую мне подарили друзья перед отплытием с Канарских островов, превратилась для меня почти в живое существо. Я смотрю на нее и уже заговариваю с ней, сначала односложно, а потом во весь голос, рассказывая ей обо всем, что собираюсь делать. Ответа я не жду: пока еще это не диалог. Отвечать она начнет мне позднее. А сейчас я просто испытываю необходимость говорить, чтобы знать, что я действительно существую. Не менее забавен другой предрассудок — со спичками. У меня еще есть несколько сигарет, и время от времени я курю. И вот я решил, что каждая спичка — это один день: сколько лишних спичек я истрочу для того, чтобы прикурить, столько дней мне и придется плыть сверх назначенного срока. Я исходил из того, что в лучшем случае достигну земли 23 ноября. А дальше шел такой подсчет: если я прикурю с первой спички, значит, доплыву до земли 23-го, если со второй — 24-го, и так далее. Легко представить, куда это могло меня завести!

Но в действительности ничто не могло завести меня слишком далеко, потому что я не терял надежды. Дурные приметы я просто забывал, зато хорошие всегда помнил. В моем положении это было самое лучшее.

Я совсем освоился с лодкой и теперь прекрасно чувствую ее ход. Когда ветер не слишком силен, я определяю скорость по степени натяжения шкота. Два дня ветер был слабый, но теперь подул с новой силой. Сейчас иду со средней скоростью в четыре узла. Это превосходно! Если бы и дальше так, то уже через двадцать дней...

Вторник 4 ноября. Определил долготу по луне. От моей предполагаемой долготы она отличается на 3°, а от того, что

показывает солнце,— на целых девять! Я уже больше ничего не понимаю. Мой приемник «садится»: теперь я могу кое-что разобрать лишь вечером, в часы наилучшей слышимости. Буду ориентироваться на предполагаемые координаты, внося максимальную поправку по луне. Держу курс прямо на запад.

Вчера я находился на 18°58′ северной широты. А пять месяцев назад мы плыли в виду берегов Менорки и собирались сделать первую остановку. Сколько пройдено с того дня!

Уже 18 часов, а я еще не поймал ничего. Это раздражает меня тем более, что вокруг лодки буквально кишат рыбы-лоцманы. В 19 часов я, наконец, выудил свой обед. Укладываться натошак мне не придется. Рядом с лодкой ныряют в волнах дельфины и великолепная белая чайка. Небо чистое, волны без гребня, ветер средний. Как раз такой, какой нужно: «Еретик» идет полным ходом. Если бы так было подольше!

Моя моча в полной норме.

Я сравниваю свое теперешнее положение с последней неделей, проведенной на земле. Какой горький контраст! Но если бы я только знал, что настанет время, когда я точно так же буду сожалеть вот об этом дне!

Все оказалось гораздо труднее, а главное, гораздо длительнее, чем я думал. Что поделаешь! Все же через двенадцать дней, если ничего не случится, я вместо теперешней карты разверну подробную карту Карибского моря. Тогда мне останется проплыть лишь шестьсот миль, как от Касабланки до Лас-Пальмаса. Пустяк!

Я уже давно не зажигал по ночам сигнальный фонарь и сейчас начинаю об этом жалеть: а что если я из-за этого упустил возможность послать весточку родным? К тому же мне нечего больше читать. Перед отплытием я столкнулся со старой проблемой: какие книги взять с собой, учитывая, что других уже не увидишь в течение долгих месяцев? Чтобы у меня были все жанры, я взял том Мольера, полное издание Рабле в одном томе, Сервантеса, том Ницше, драмы Эсхила на двух языках, Спинозу, избранные произведения Монтеня, а из музыкальных партитур — «Страсти» Баха и квартеты Бетховена.

«Я уже не верю, что смогу встретить какое-либо судно. Океан пуст, безлюден, я совсем один. Начну зажигать сигнальный фонарь на 50° западной долготы, то есть дней через десять (!), если только корабли не начнут появляться раньше».

* * *

Среда 5 ноября. Еще одна примета! Я начинаю серьезно раздумывать над всеми средами моего плавания.

Восемнадцатый день. Просто удивительно, какое значение

приобретают эти среды! Думаю, что это неспроста. Теперь я совершенно уверен, что достигну земли тоже в среду. Судите сами!

Среда 11 июня — первая остановка в Сьюдаделе.

Среда 18 июня — «кораблекрушение» и возвращение в Сьюдаделу.

Среда 9 июля — высадка на острове Ивиса.

Среда 16 июля — прибытие в порт Ивиса.

Среда 23 июля — прибытие в порт Мотриль.

Среда 13 августа — отплытие из Танжера. Я остаюсь один.

Среда 20 августа — прибытие в Касабланку.

Среда 3 сентября — прибытие на Канарские острова.

Среда 10 сентября — известие о рождении Натали.

Среда 24 сентября — прибытие в Касабланку из Парижа.

Среда 1 октября — мне дарят радиоприемник.

И, наконец, в среду 5 ноября — я на полпути от Касабланки к Антильским островам.

Довольно часто меня навешают акулы, но к подобным визитам я привык и отношусь к этим хищникам с величайшим пренебрежением. Жалкие труссы! Достаточно щелкнуть их по носу, и они обращаются в бегство. Обычно это происходит так: акула приближается и начинает тыкаться мордой в лодку; я хватаю весло и с размаху бью ее по голове; перепуганная акула ныряет и поспешно скрывается в глубине. Мои дорады, наверное, потешаются, наблюдая подобные сцены. Все же, заметив огромную хищницу, они предпочитают осторожно держаться в сторонке. Во всяком случае дорады, видимо, прониклись ко мне искренним почтением, потому что их становится вокруг «Еретика» все больше и больше.

Нужно сказать, что дорады остались мне верны до конца. И, наоборот, все рыбы-лоцманы бросили меня, когда я встретился с «Аракакой». В сущности, они оказались трусами, подлыми оппортунистами, которые идут за тем, кого считают более сильным.

В ту же среду 5 ноября я стал свидетелем поистине феерического спектакля. Мне уже не раз попадались стаи летучих рыб. Обычно они просто проносятся над волнами, словно маленькие планеры. Но когда на них устремляются мои дорады, летучие рыбы начинают перелетать с гребня на гребень, и тогда они одновременно отталкиваются хвостами от воды и бьют плавниками, как настоящими крылышками, чтобы взмыть против ветра и уйти от преследования.

Но дорады очень ловки! Выставив наружу спинные плавники, они мчатся за своими жертвами и почти всегда настигают их в тот момент, когда те касаются воды. Летучие рыбы думают, что погружаются в море, а в действительности они попадают в широко открытые пасти золотых макрелей.

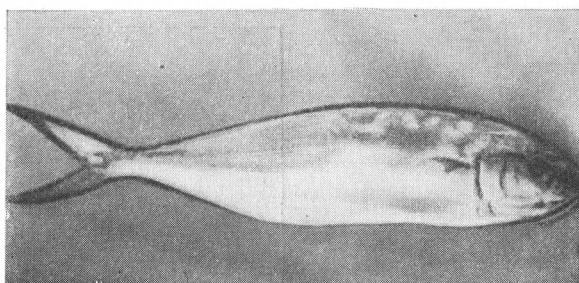
Амулет «Еретика»

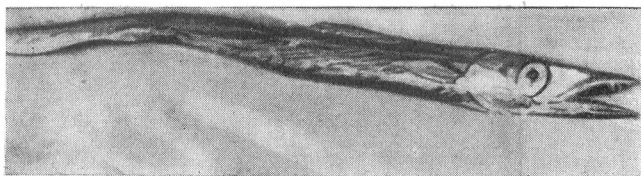
Заход солнца
в Средиземном море

Ален Бомбар
в начале плавания
через Атлантический
океан. Снимок сделан
самим Бомбаром

Золотая макрель, обычно называемая дорадой

Змеевидная макрель *gempylus*

Однако сегодня я увидел совершенно фантастическое зрелище: огромный косяк летучих рыб спасался от преследования целой стаи «водяных стрижей». Я не понимаю, откуда в открытом море взялись эти птицы, одиннадцать штук сразу (в тот день я находился совсем близко от островов Зеленого Мыса, но не знал этого).

* *

*

Все хорошо, если бы не мои ягодицы! Неужели начинается фурункулез? Кроме того, у меня увеличились железы. Но, впрочем, я полон надежд: через четыре дня я уже смогу записать.

«Возможно, на будущей неделе... Да, что там говорить: я еще легко отделался! Все же меня начинают преследовать мысли о еде. Когда доберусь до суши, устрою себе настоящий фруктовый пир. Хватит с меня рыбы и птицы!»

Кстати, о птицах. Обычно терпящим бедствие говорят: «Если ты видишь множество птиц, это значит, что земля близко». В данном случае это вполне соответствовало истине: земля была в каких-нибудь 60 милях от меня, только течение и ветер мешали мне достигнуть ее. Но, кроме того, говорят: «Земля находится в той стороне, куда летят птицы». Так вот, птицы летят на запад по направлению к земле, до которой не менее 1500 миль, и ни одна из них не свернула к юго-востоку, где совсем поблизости находятся острова Зеленого мыса. Зачем же внушать несчастным жертвам кораблекрушений обманчивые надежды, исчезающие, как мираж? Ведь это лишь ускорит их гибель!

В дневнике появляется новая запись: «Ну и жара! Вот бы сейчас кружку доброго пива! Больше всего я страдаю от отсутствия пресной воды. Мне надоело есть рыбу, но еще больше — ее пить. Подайте что-нибудь другое да поскорей! Если бы пошел дождь! Солнце часто скрывается за облаками, океан по-прежнему спокоен, но дождя нет и не было еще ни разу. Когда же он, наконец, пойдет?»

Я не испытываю жажды, мне просто хочется чего-нибудь вкусного, словно человеку, который досыта наелся макарон и теперь не отказался бы от цыпленка. Я не хочу пить, но мысль о пресной воде преследует меня неотступно.

* *

*

В ночь на 6 ноября на меня опять напала акула, на сей раз какая-то необычная. Должно быть, эта хищница уже попробовала однажды человечины и поэтому ничего не боится. Раз за разом она яростно бьет мордой в днище лодки. Я привязал нож к концу весла и приготовился к защите. Акула снова переворачивается, чтобы броситься на меня сбоку, но в этот момент я наношу удар и распарываю ей брюхо от

хвоста почти до самой головы. Вода вокруг сразу чернеет, кишки акулы вываливаются, и я вижу, как мои доряды устремляются к смертельно раненной хищнице и рвут ее внутренности. Эти милые создания довольно кровожадны. Но в конечном счете справедливость торжествует: на сей раз дичь сожрала охотника.

Должно быть моя лодка представляется рыбам интересной и полезной попутчицей: они окружают меня со всех сторон. Столько рыбы зараз я не видел еще никогда, даже в большом аквариуме Океанографического музея Монако. Показать бы ее тем, кто предсказывал, что я ничего не поймаю, — хорошенькие бы у них были лица! К несчастью, рыбная диета начинает отражаться на моем желудке: стул становится частым и жидким. Но морская вода здесь не при чем. Вот уже много дней я не пью ее совершенно.

Немного позднее, когда я что-то записывал, внезапно появилась еще одна акула, побольше предыдущей: в этой было метров пять. Надеюсь, что мне удастся, наконец, кое-что записать, хватаю киноаппарат¹. Ну и страшилище идет на меня! Морда плоская, пасть огромная, вид поистине устрашающий! На всякий случай поспешно закрываю все клапаны между отсеками поплавков. Такая предосторожность необходима: если акула прорвет один отсек, у меня все же останется еще четыре.

Но эти хищники вообще трусливы, а днем и подавно. Акула, обнюхав рулевое весло, сворачивает и лишь описывает круги вокруг лодки: напасть она не решается. Глядя на нее, я вспоминаю свое недавнее купание. Какая глупость! Я буквально готов отхлестать себя по щекам! Ну что, если бы такая вот акула бросилась на меня в тот день?

По ночам я еще слушаю радио, но звук доносится все слабее и слабее, переходя в чуть слышный шепот. Чтобы уловить его, приходится прижиматься к приемнику ухом. Теперь я потерял последнюю возможность вычислять координаты по точному времени. Определять свое местонахождение по Полярной звезде я не умею, к тому же зеркала моего секстанта потускнели от морской воды, и я не могу им пользоваться по ночам. Я потерял последнюю связь с землей, до меня уже не доходят никакие известия, и я постепенно начинаю терять даже представление о человеческом голосе. Отныне я буду слышать лишь один голос — свой собственный, я останусь наедине с самим собой и перестану чем-либо отличаться от моих спутников, жителей моря. Я начинаю чувствовать и реагировать на окружающее так же, как они, и чем дальше, тем это сходство сильнее. Мы едим одинаковую пищу, мы одинаково охотимся за летучими рыбами. Как всегда, в четыре часа

¹ См. примечания П, Бюдке в конце книги.

прилетает моя кочурка-буревестник. Дорады — это мои подопечные. Мы с ними одинаково страдаем от солнца. Они прячутся от него под лодкой точно так же, как я прячусь во второй половине дня в тени паруса. И точно так же, как для рыб, волны стали для меня привычной средой, такой же привычной, словно аллея деревьев или переход на улице для нормального сухопутного человека.

Когда я думаю о том, что есть люди, придающие какое-то значение своему костюму... Или о том, что есть люди, ведущие правильный образ жизни... Неужто это возможно?! Я живу теперь одним днем, встаю с солнцем и ложусь с солнцем, я вернулся к первобытному существованию.

До сих пор мне трудно без волнения перечитывать записи этих дней, когда я начал терять силы. Сам почерк заметно меняется. В нем сказывается горечь одиночества, глухая тоска. Дневник становится моим единственным собеседником. В первое время я исписывал за день страницу, от силы полторы, а теперь покрываю каракулями от двух до трех с половиной страниц ежедневно. Я пишу помалу, но часто. Боюсь, что мне не хватит бумаги¹.

* *
*

Пятница 7 ноября. Двадцатый день. Канарские спички никуда не годятся. Счастье еще, что у меня осталось несколько коробок с хорошими марокканскими спичками: их можно даже замочить в морской воде и все равно подсохнув они будут зажигаться. Но приходится их экономить.

Ночь прошла спокойно, при ровном ветре, и я выспался как следует.

Ожидаю восхода луны. Океан кажется мне каким-то странным чудовищем. Впечатление такое, словно вокруг меня раскинулся мир, совершенно непохожий на наш, мир движущийся, живой и поистине непостижимый, как-будто я нахожусь на другой планете.

То там, то тут в глубине зажигаются огоньки. Под водой идет своя бурная жизнь, о которой мы можем только догадываться. Похоже, что там, словно в грозовых тучах, скользят длинные молнии. Из воды начинают выпрыгивать рыбы — немые актеры таинственной драмы. Мы не видим ее перипетий, потому что тончайшая пленка поверхности отделяет нас от совершенно иной, чуждой нам, непостижимой жизни.

Двадцать первый день. Утром, смочив поплавков водой, я обнаружил слабую утечку воздуха: образовалась маленькая

¹ Кстати о бумаге. Для моих естественных нужд мне необходимо было пожертвовать какую-нибудь книгу. Я долго колебался и в конце концов пустил в ход томик Рабле, разрешив таким образом поставленную им задачу: чем лучше всего вытирать ... нос.

дырочка. У меня есть заплаты, но клей не схватывает. Пришлось воспользоваться физиологическим клеем — о подробностях умолчу. Впрочем, к черту подробности, лишь бы заплата держалась!

С утра прекрасный клев. Теперь по утрам и с наступлением сумерек я ловлю столько рыбы, сколько хочу. Где же вы, специалисты? Кстати, я до сих пор себя спрашиваю, как можно быть специалистом в совершенно неисследованной области? По нaitию, что ли?

Наконец-то, появились облака! Как хорошо! Можно раздеться догола и посиживать в тени. Пользуясь случаем, рассматриваю места с накожным раздражением, вызванным, по-видимому, потом. К счастью, конечности не затронуты и все физиологические функции организма в норме. У меня жуткая бородаща. «Жинетта, милая, как я хочу, чтобы все это поскорей окончилось! На горизонте по-прежнему ни одного корабля».

Сегодня прочел в «Малой энциклопедии рыб» статью о рыба-меч.

«Рыба-меч — неумолимый враг китообразных, наводящий на них ужас. Она бьет своим оружием наотмаш, а не колющим ударом, как принято думать. Лишь когда ею овладевает слепая и зачастую необъяснимая ярость и она набрасывается на суда, рыба-меч устремляется вперед, словно торпеда, и пронзает все своим бивнем».

Справка не слишком утешительная! Будем, однако, надеяться, что подобной встречи не произойдет.

Я думаю, что мой компас врет: я держу курс между 290 и 280°, а он показывает немного менее 260. Это возможно лишь в том случае, если я прошел больше, чем предполагаю, однако на это нечего и рассчитывать. Так я буду плыть до 17° северной широты (сейчас я нахожусь на 17°30'), а потом постараюсь держаться этой параллели. Мне совсем не улыбается окончить плавание в «зоне бурь», где-нибудь милях в ста от берегов!

Странная штука этот океан! Обычно он медленно в едином ритме катит свои мощные валы, похожие один на другой. Потом вдруг без всякой видимой причины, без заметного усиления ветра волны разбивает беспорядочная жестокая зыбь. Все это любопытно, но не очень приятно. Мои дорады по-прежнему следуют за лодкой, и я не жалею на улов.

Одно только плохо: время тянется слишком медленно. Окончательно и бесповоротно, отбросив все колебания, устанавливаю крайний срок: я должен добраться до земли в течение недели между 23 и 30 ноября. О том, что мне придется провести в океане хотя бы один день декабря, я не желаю и думать.

* *
*

В субботу 8 ноября, проснувшись утром, записываю в дневнике: «Целая стая птиц!» А ведь я нахожусь в тысяче миль от берега! Множество летучих рыб величиной с сардинку приземляются прямо в мою лодку. Какая бы это была роскошь, если бы их поджарить! Но в общем-то они и в сыром виде неплохи. По вкусу настоящие анчоусы. Мои милые дорады не отходят от лодки, особенно Дора. Она огромна и ни за что не позволяет поймать себя.

Слишком много солнца! Зато по ночам свежо, и я наслаждаюсь прохладой. Я все еще слышу, хоть и плохо, радио минут по десять в ночь: за эти минуты едва успеваю узнать, что в Булони и Дюнкерке был шторм. Бедная моя Жинетта! Как она, должно быть, волнуется! И как я хочу, чтобы все это поскорее кончилось, прежде всего ради нее. Я достиг нужной мне широты и не хотел бы спускаться южнее.

Увы, в ту ночь я слышал радио в последний раз: оно окончательно умолкло. В этот момент я находился на 17°14' северной широты, то есть на параллели, проходящей севернее Гваделупы, где-то между Антигуа и Барбудой.

«Я всегда с нетерпением жду прихода ночи. Во-первых, потому, что она завершает еще один день; во-вторых, потому, что я засыпаю и полностью вверяюсь судьбе, и, наконец, в-третьих, потому, что ночью я не вижу ничего и, следовательно, ни о чем не беспокоюсь».

Подобная пассивность характерна для всех, кто слишком долго оставался один. Постепенно человек перестает управлять событиями; он только склоняется перед ними и спрашивает: «Что же со мной будет дальше?» Поэтому каждый день, который проходит без происшествий, для меня становится хорошим днем.

Сегодня за мной плыла какая-то зеленая колбаса длиной метра в два-три и толщиной сантиметров в двадцать. Это не водоросли, потому что колбаса извивается и сокращается. Купаться мне что-то совсем не хочется.

* *
*

9 ноября ветер, который и без того был довольно силен, перешел в штормовой. Прекрасно! «Еретик» делает теперь по пять узлов. Лишь бы мой залатанный парус выдержал!

Ночью я промок насквозь, но разве это имеет значение? Идя с такой скоростью, я рискую гораздо большим: если парус сорвет, мне грозит полная потеря хода. Сегодня, считая день отъезда, я встречаю в океане четвертое воскресенье. Надеюсь, что мне придется праздновать этот день в лодке еще не больше двух раз. Ведь начиная с понедельника я уже смогу

говорить: «На следующей неделе...» Летучих рыб больше не ем. Во-первых, это великолепная приманка для дорад, которых вокруг полно, а во-вторых, они мне надоели до смерти.

В ночь с 9-го и весь день 10 ноября ветер все усиливается. Скорость лодки возросла, но я дрожу за парус. Сегодня пошел восьмой день, как я видел последнее судно. Наконец-то, мне попалась крупная летучая рыба — она величиной с макрель и восхитительна на вкус. «Завтра мне будет трудно определить широту: все небо затянуто облаками».

И тут вновь произошло то, чего я опасаясь каждое мгновение: большая волна наполовину захлестнула лодку, едва ее не перевернув. Если бы лодка перевернулась, это была бы верная смерть. Теперь я могу признаться: на случай подобной катастрофы я держал в кармане рубашки хорошую дозу яда. Если случится непоправимое, к чему выбиваться из сил и бесцельно барахтаться в течение страшных тридцати часов? Ведь все равно ни малейшей надежды на спасение у меня не было. Так не лучше ли сразу погрузиться в сон?!

Могут подумать, что со временем я привык к подобным происшествиям. Увы, на деле я их боялся все больше. Пусть я благополучно плыл двадцать дней, что от этого изменилось? В любой момент достаточно одной волны — всего лишь одной! — чтобы все было кончено. Моя жизнь все время зависит от этой единственной волны, которая может обрушиться на меня в самый последний день плавания. Если это произойдет дней через десять, меня, может быть, подберет какое-нибудь судно. Но сейчас мне надеяться не на что.

ВОДА СНИЗУ И СВЕРХУ

Когда потерпевший крушение, наконец, замечает вдали полосу берега, он кричит из последних сил: «Земля! Земля!» Так, должно быть, и я днем 11 ноября кричал: «Дождь! Дождь!»

Я уже давно заметил, что поверхность моря как-то странно успокаивается: так бывает, когда на гребни волн льют масло. Но внезапно я понял: «Дождь! Ведь это же дождь! И он приближается!»

Я заранее разделся, чтобы смыть всю соль, ввевшуюся в тело, потом сел на борт и стал ждать, разостлав на коленях брезент, чтобы вода стекала по нему в подставленный резиновый мешок, вмещающий семьдесят литров. Сначала я услышал нарастающий характерный шум, очень похожий на потрескивание: звук воды, падающей на воду. Не менее двадцати минут я следил за приближением этой манны небесной и ждал. Дождь обрушился сверху и придавил волны. Ветер подул с невероятной силой в момент, когда облако проходило надо мной, подгоняемое циклоном. И, наконец, хлынул настоящий тропический ливень.

Очень скоро брезент стал прогибаться под тяжестью наполняющей его воды. Я тут же захотел напиться. О ужас! Пришлось тотчас же вылить все в море: вода растворила соль, осевшую на брезенте. Но после того как тент отмылся, собранная в нем вода, несмотря на сильнейший запах резины, показалась мне благословением божьим. А какое наслаждение я испытывал, моясь под потоками пресной воды! Дождь был короткий, но чрезвычайно обильный. Я не только напился, но и собрал в резиновый мешок добрых пятнадцать литров пресной воды. Теперь у меня есть говорящая подушка. По ночам она будет булькать у меня под ухом, нашептывая о том, что жизнь на следующий день обеспечена. Если даже я не поймаю рыбы и мне нечего будет есть, у меня будет что пить.

В течение трех недель у меня не было ни капли пресной воды, не считая того, что мне удавалось выжать из рыб. И что же? Я себя чувствовал вполне нормально. Просто мне был

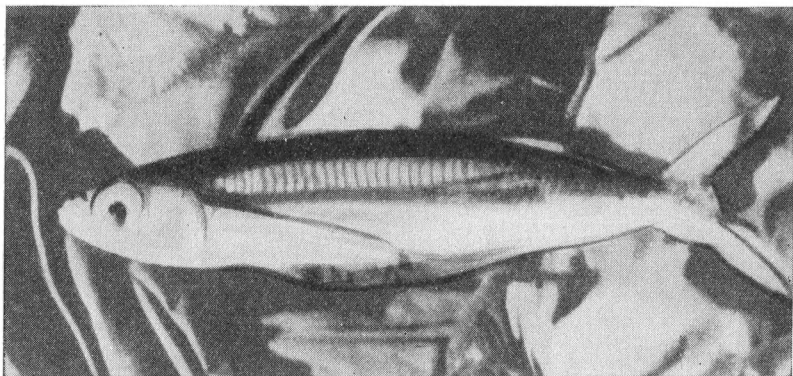
очень приятен вкус пресной воды. Состояние моей кожи было великолепно, хотя соль и вызвала некоторое раздражение. Слизистые все время оставались влажными, моча в норме и по количеству, и по запаху и цвету. Таким образом, можно совершенно уверенно сказать, что терпящие бедствие способны прожить без пресной воды в течение трех недель. И даже больше, так как я вполне мог бы и дальше придерживаться такого же режима. К счастью, провидение избавило меня в дальнейшем от сока, выжатого из рыбы: пить его было, конечно, нелегким испытанием. Начиная с этого дня и до конца плавания у меня не было недостатка в дождевой воде. Нескольким раз замечая, что ее запасы истощаются, я начинал уже волноваться, но дождь словно знал, когда нужно было их пополнять.

Тщетно я пытался несколько раз отмыть от соли свою одежду и постель... Увы! До тех пор, пока я не выбрался на сушу, мне суждено было оставаться «человеком соленой воды», как говорят полинезийцы. Соль, все та же вездесущая соль преследовала меня все время, пока я находился в океане.

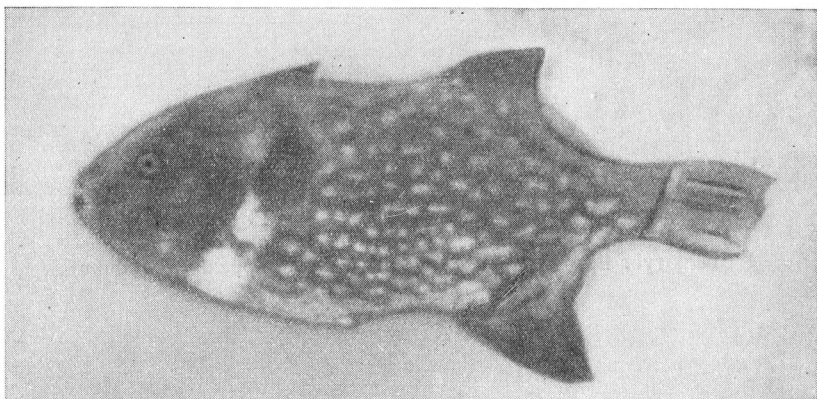
В этот день мне было суждено испытать и радость и ужас.

Радость мне принесла красивая птица. Это был до сих пор еще не встречавшийся мне вид. Англичане ее называют «white tailed Tropic bird», что буквально означает «тропический белохвост», у нас, во Франции, ее зовут «хвост соломкой». Представьте себе белую голубку с черным клювом и хохолком на конце хвоста. С самым независимым видом она пользуется этим хохолком как рулем глубины. Я схватил «Raft book» — книгу, предназначенную для терпящих бедствие, и прочитал, что встреча с этой птицей еще не говорит о неопределенной близости земли; но так как она могла прилететь лишь с американского берега — в Старом Свете она совершенно неизвестна, — то это был уже добрый знак. Впервые я был уверен, что встретил птицу, прилетевшую с континента, к которому направлялся.

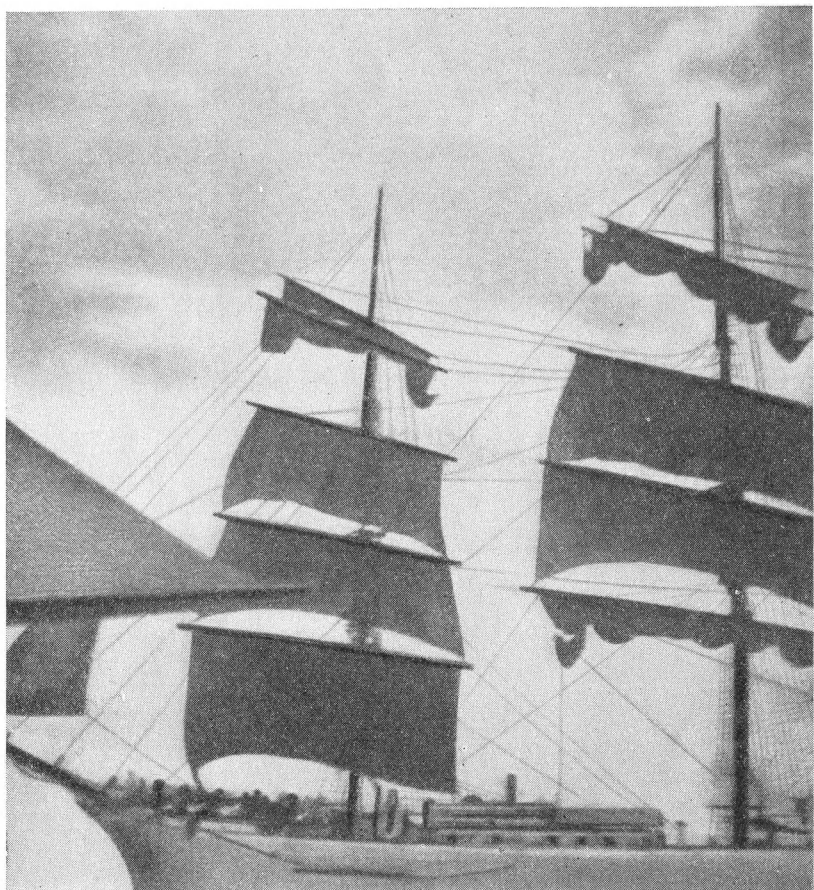
А в два часа после полудня мне пришлось пережить неопишуемый ужас. Я спокойно почитывал своего Эсхила, как вдруг рулевое весло подпрыгнуло от сильного толчка. «Опять акула», подумал я и обернулся: за кормой шла огромная рыба-меч длиной метров шесть. Вид у нее был свирепый. Описывая круги вокруг лодки, она задела за руль и ее спинной плавник встал дыбом. Трудно было недооценить такого грозного противника! Я прекрасно понимал, что если я ее только раню, она уйдет, а затем развернется и... прощай, «Еретик». Судорожно хватаю стрелу, пробую зарядить подводное ружье, но делаю неловкое движение и роняю стрелу за борт. Это последняя. Теперь я безоружен. Тогда я быстро привязываю к подводному ружью перочинный нож —

Легучая сельдь

Балиста

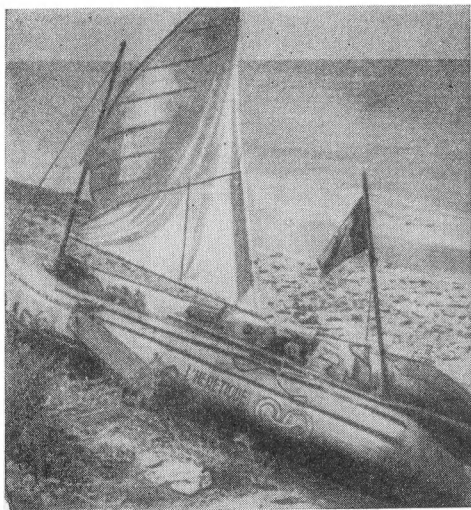

Учебный корабль испанской военно-морской школы
салютует Бомбару при его отплытии с Канарских островов

<u>LONG</u>		<u>CHROMOMETER</u>
ALT.		
	<u>90.00.00</u>	
ZEN. =		N. has. =
LAT. =		sec =
DEC. =		sec =
		+
	N has. =	hav =
		hav =
	G.H.A SUN =	
	L.H.A =	
		LONGITUDE =

<u>LATITUDE</u>	<u>AZIMUTH</u>
ALT. =	cos d =
<u>90 00 00</u>	Sin HA =
ZEN =	Sec a =
DEC =	
	AZ =

Страничка расчетов, сделанных Пальмером.
 Это единственный урок мореплавания, полученный Бомбаром

«Еретик», преодолевший
просторы Атлантики,
на берегу Барбадоса

Бомбар и его жена
при встрече
на аэродроме Орли

«штык» готов. Если она нападет, я хоть продам свою жизнь подороже.

Я провел 12 часов в невыносимом напряжении. С наступлением темноты я следил за рыбой по искрящемуся следу и по плеску воды, разрезаемой спинным плавником. Несколько раз она задевала спиной дно лодки, но, казалось, она сама чего-то побаивается. Ни разу рыба-меч не осмелилась подойти спереди. Иногда, набирая скорость, она совсем уже приближалась, но в последний момент быстро сворачивала. Да, она меня боялась... и может быть не меньше, чем я ее.

Всякое живое существо обладает теми или иными средствами обороны, и если нападающий их не знает, это его пугает больше всего.

К полуночи искрящийся след рыбы-меч исчез. Однако эту ночь я провел без сна.

В тот же день у меня была еще одна встреча, которая словно принесла мне весточку с далекой земли. Я увидел стеклянный шарик, какими пользуются рыбаки при установке сетей. Он был весь покрыт мелкими рачками и ракушками. Несомненно, он уже давно носился по волнам, прежде чем встретиться со мной, но все же это был посланец от людей.

Вечер 11 ноября. Я страдаю невыносимой хандрой, наверное, в результате волнений и усталости. К ночи дождь усиливается. Не слишком ли много пресной воды после стольких страданий? В дневнике появляется запись:

«Утонуть в пресной воде посреди океана парадоксально! Но именно так со мной и случится, если дождь будет лить с прежней силой. У меня запас воды уже по крайней мере на месяц. Как льет, великий боже! Да и океан словно взбесился! Утром — бледное солнце, но дождь еще продолжается».

Попалась первая «саргассовая водоросль». По крайней мере я так думал. На самом же деле оказалось, что это великолепная медуза с синими и фиолетовыми разводами, так называемый «португальский воин»¹. Ее предательские щупальцы могут вызвать длительное и чрезвычайно опасное раздражение вплоть до язв.

После нескольких бессонных ночей я прихожу к выводу, что самое главное в жизни — это хорошо выспаться: «Двое суток без сна и у меня хандра; любая неприятность начинает меня раздражать всерьез».

Этот район прямо кишит тунцами и рыбами-меч. Они выпрыгивают из воды со всех сторон. Птицы и тунцы — еще куда ни шло, но рыба-меч... Избавь меня, боже! Лодка движется хорошо, но я охотно согласился бы достигнуть цели

¹ Правильнее — «португальский кораблик», или физалия. — *Ред.*

пятью-шестью днями позже, лишь бы иметь возможность немного отдохнуть, ни о чем не беспокоясь. Ничто так сильно не действует на нервы, как это бушующее свинцовое море. Поистине океан вокруг меня словно оделся в траур, совершенно черный, как тушь; лишь местами виднеются белые барашки, светящиеся ночью от фосфоресцирующего планктона. Настоящее вечернее платье с белыми цветами — японский траур. Ни звездочки, ни клочка чистого неба. Тяжелые низкие облака давят на меня... О, как я теперь понимаю это выражение.

В 17 часов 12 ноября пишу:

«Дождь, без конца дождь. Хватит, наконец, довольно!»

Я начинаю сомневаться, не ближе ли я нахожусь к берегу, чем это говорят мои расчеты. Число птиц увеличивается; я их вижу по целому десятку зараз, а в моей книге о птицах говорится, что если их более шести, то до берега остается от 100 до 200 миль».

Я и не подозревал, что на самом деле едва удалился на какую-нибудь сотню миль от островов Зеленого Мыса.

* *
*

В ночь с 12 на 13 ноября меня снова навещает акула. Во всяком случае, я думаю, что это акула. В самом деле, откуда мне знать — акула это или рыба-меч? Каждый раз, когда акула подходит ко мне днем, я спокоен: я награждаю ее традиционным ударом весла по носу и она удирает.

Но ночью, страшась, как бы одна из этих дьявольских рыб не проткнула мне лодку своим мечом, я не решаюсь что-либо предпринять; цепenea от напряжения, я стараюсь определить, кто мой незваный гость, и жду, когда он удалится. Прощай, мой ночной покой! Часто акулы и другие морские жители развлекаются, подталкивая мою лодку, словно мячик, и я не смею им мешать.

Проливной дождь не прекращается. Спасаясь от этого потопа, полностью растягиваю брезент над головой. Вода скапливается и проникает через оставленные для дыхания отверстия. Если ее наберется слишком много, тент у завязок может лопнуть, поэтому мне приходится время от времени выплескивать воду через борт. Мало кто может представить, как разбивается сердце у потерпевшего кораблекрушение, когда он выливает за борт запасы пресной воды. Теперь даже без акулы и рыбы-меч спать практически невозможно. Ливень не прекращается ни на минуту. Каждые четверть часа приходится вычерпывать воду. Трудно вообразить, до какой степени вода умеет просачиваться через любую, даже самую маленькую дырочку.

Мало-помалу я начинаю верить во враждебность некоторых предметов. Например, хочу заняться определением ко-

ординат, измеряю искомый угол и произвожу вычисления. Карандаш кладу рядом с собой. Через десять секунд хочу его взять, но он уже ухитрился исчезнуть.

У меня определенно начинается мания преследования. Раньше я в таких случаях просто смеялся и вспоминал что-нибудь вроде известной истории с веревочкой или случай с чайником из «Трое в одной лодке».

* *
*

«14 ноября, пятница. За последние двое суток я измучился больше, чем за все время путешествия. Моя кожа покрылась мелкими прыщами, язык обложен; все это мне очень не нравится. Буря была непродолжительной, но сильной. На несколько часов мне пришлось бросить плавучий якорь, но в половине десятого я уже снова поставил парус. Ливень продолжается, и у меня все промокло насквозь. Состояние духа бодрое, однако из-за постоянной сырости у меня появляется физическая усталость. Солнца нет и ничто не просыхает. Единственное утешение в том, что я не стоял на месте. Жаль, что невозможно определить широту; не видно ни солнца, ни звезд. А на горизонте маячит очередной проклятущий дождь.

Появилось солнце! Ветер ослаб. Океан почти успокоился. Но что творилось вчера! Говорят: «После дождя — хорошая погода». С каким нетерпением я ее жду».

Ночью гигантская волна подхватила лодку с кормы, протащила с чудовищной скоростью за собой и наполнила водою. Рулевое весло сломалось, словно спичка. Лодка тотчас же встает поперек, парус полощется и зловеще хлопает, дергая наложенные мною швы, которые вот-вот лопнут. Я бросаюсь вперед, чтобы спустить полотнище, с размаху падаю всем телом на тент, и он лопается возле завязок. Непоправимый разрыв. И это в тот момент, когда мне предстоит выдержать настоящий приступ волн. Я спустил в море оба плавучих якоря. «Еретик» послушно разворачивается и грудью встречает непрекращающиеся атаки врага. Я совершенно изнемогаю от усталости. Для меня сейчас самое главное — отдых. Будь, что будет! Плотно затягиваю брезент и решаю проспать 24 часа, какова бы ни была погода, каков бы ни был ход событий.

Ветер бушевал около десяти часов. Моя скорлупка вела себя восхитительно, но самая большая опасность еще не миновала. Когда ветер пронесся дальше, осталось бушующее море. При сильном ветре волна, как бы поддерживаемая твердой рукой, не падает. Но как только эта опора исчезает, разъяренные валы начинают беспорядочно обрушиваться от собственной тяжести, разбивая все на своем пути.

«Суббота 15 ноября. 13 часов 30 минут. Дождь. Чтобы не терять время, пишу. У меня осталось только два рулевых весла. Будем надеяться, что они выдержат. Проливной дождь идет с 10 часов вчерашнего вечера. Солнце даже не проглядывает. Я весь промок. Все мокрое и ничего нельзя просушить. Спальный мешок превратился в компресс. О том, чтобы определить координаты, не может быть и речи. Ночью была такая погода, что у меня стали закрадываться сомнения: уж не занесло ли меня в «зону бурь»? К счастью, дующий сейчас ветер — все тот же пассат. «Еретик» идет очень быстро, временами даже слишком быстро: беспокоюсь, не опасно ли это для моего паруса. Когда же, наконец, прояснится? Сегодня на западе проявился было голубой кусочек неба, но... ветер дует с востока. Будем надеяться на завтра. А пока в перспективе еще одна веселенькая ночь. Около семи часов утра надо мной довольно низко пролетел самолет. Я попытался привлечь его внимание, но тщетно: мой фонарик не работает. С 3 ноября это был первый признак близости берега. Будем надеяться, что за ним последуют и другие. Как это ни странно, но небо на западе совсем очистилось».

В тот день завязалась настоящая космическая борьба между добрыми и злыми силами природы. Наблюдая за происходящим, я назвал это «битвой между Синим и Черным». Она началась с того, что на западе появился синий кружок размером с жандармскую фуражку. Я никак не мог предположить, что из этого может выйти что-нибудь серьезное. Сплошные черные, как густая тушь, облака со всех сторон надвигались на это несчастное синее пятнышко. Полные сознания собственной силы, они шли на приступ. Но синее расширило фланги, и через несколько часов маленькие синие просветы появились на юге и на севере, то есть справа и слева от меня. Казалось, они будут тотчас же поглощены этим гигантским черным пятном, которое продолжало решительно наступать. Но если черное действовало массированными ударами, то синее придерживалось тактики просачивания и черного становилось все меньше и меньше. Добрые силы торжествовали. И, наконец, к четырем часам пополудни синее окончательно победило.

«Боже мой, что может быть лучше солнца! Я весь покрыт прыщами. Но солнце сияет, и это главное».

На самом же деле это было началом наиболее трудного этапа моего плавания.

Я ничего не знаю о своем местонахождении. Солнца не было три дня, и сейчас я в полном неведении. Поэтому, когда 16 ноября, в воскресенье, я взял в руки секстант, мною овладело волнение. Чудо! Я совсем не спустился и нахожусь на

той же широте, проходящей севернее Гваделупы, а именно на 16°59'. Это самое важное. Что касается лодки, то она напояла поле боя. Во время бури у меня сорвало шляпу и унесло; теперь мне придется укрываться от тропического солнца тоненьким клеенчатым колпачком, совсем не подходящим для такого климата. Тент разорван в двух местах. Сама лодка не пострадала, но внутри ее абсолютно все пропиталось соленой водой. Даже после долгих солнечных дней я чувствовал по ночам, что все мои теплые вещи и постельные принадлежности влажны. Пока я не высадился на берег, мне суждено было проводить все ночи в сырой постели.

Одно неприятное событие показало, что я должен быть бдителен как никогда.

Во время бури я решил закрыть кормовую часть «Еретики» от волн, которые каждую минуту могли залить мое угловое суденышко. Я взял большой кусок прорезиненной ткани, крепко привязал его к концам поплавков лодки и туго натянул. Это приспособление не давало подниматься гребням волн возле самой кормовой доски. Когда буря кончилась, я решил, что будет не лишним его оставить. На следующую ночь я проснулся от невероятного шума и тотчас же выскочил из своего спального мешка. Моей кормовой защиты не было: она была сорвана. Я проверил поплавки — они совершенно не пострадали и были все также туго накачаны. Животное, которое я так никогда и не увидел, вероятно было привлечено ярко-желтым цветом прорезиненной ткани, свешивавшейся между поплавками. Выпрыгнув из воды, оно схватило ее и оторвало. Работа была настолько чистой, что я нигде не мог обнаружить ни малейшего следа этой операции.

Я пострадал не меньше своего судна: сильно похудел и очень ослаб. Каждое движение, как после голода в Средиземном море, меня чрезвычайно утомляет. Но самым серьезным было состояние моей кожи. Тело покрылось мелкими прыщиками, которые в течение нескольких дней продолжали распространяться и увеличиваться, переходя из одной стадии в другую. Я жил в постоянном страхе перед фурункулезом, который, принимая во внимание мои особые условия жизни, был бы для меня настоящей катастрофой. Причиняемая им боль могла меня окончательно истощить. Кроме того, я не смог бы ни сесть, ни лечь. Для борьбы против этого бедствия я располагал лишь ртутно-хромовой мазью, которая придавала мне вид кровавый и трагический. Ночью боль обострялась и от соприкосновения с бельем становилась невыносимой. Малейшая ранка не заживала и начинала гноиться, поэтому я тщательно дезинфицировал каждую царапину. Ногти рук совершенно вросли в мясо и под многими из них образовались мелкие гнойники, причинявшие мне невыносимые муки; я вынужден был вскрывать их без всякой анестезии.

Конечно, я мог бы воспользоваться имевшимся у меня пенициллином, но в интересах моего опыта я стремился обходиться без применения медикаментов, пока хватит сил. Кожа на ногах начала сходить клочьями, за три дня у меня выпали ногти на четырех пальцах ног. Без деревянного настила я бы просто не мог стоять. Поэтому я считаю, что такой пол должен быть в каждом спасательном судне. Без него у меня могла бы начаться гангрена, или во всяком случае артериальные расстройства. А так я отделался лишь местными расстройствами. Давление оставалось нормальным, выделение пота то же. И все же, когда 16 ноября появилось всемогущее солнце, я встретил его восторженно и с благодарностью, как избавителя от всех тягот, причиняемых мне постоянной сыростью. Я не знал тогда, что именно оно подвергнет меня самым тяжким испытаниям в течение следующих жесточайших 27 дней.

Видишь, терпящий бедствие, никогда не нужно приходить в отчаяние! Ты должен знать, что когда тебе кажется, будто ты уже находишься в самой бездне человеческих страданий, обстоятельства могут измениться и все преобразить. Однако не спеши и не питай слишком большие надежды. Не забывай, что если некоторые испытания кажутся нам невыносимыми, на смену им могут придти другие, которые сотрут воспоминание о первых. Когда болят зубы, это кажется ужасным, и мы говорим: пусть бы уж лучше болели уши. Но когда начинают болеть уши, зубная боль кажется приятным воспоминанием. Я могу дать лишь один совет: в любых обстоятельствах сохраняй спокойствие!

Несомненно, муки, вызванные ненастьем, были ужасны. Однако будущее, то самое будущее, которое, когда я увидел солнце, предстало передо мной в розовом свете, оказалось куда тяжелее.

16 ноября, после 29 дней плавания, я имел все основания быть настроенным оптимистически. Безусловно, мое здоровье было в худшем состоянии, чем при отплытии, но зато, с точки зрения самого плавания, я прошел наиболее трудную часть пути. До сих пор мне приходилось идти под углом к ветру, а теперь мой курс лежал точно по ветру. Пресной воды мне должно было хватить по крайней мере на месяц. Рыба, количество которой со времени отплытия все увеличивалось, проявляла ко мне удивительную привязанность. Ветераны, раненные мною еще в первые дни и наученные горьким опытом, осторожно держались в стороне. По утрам они поднимались на поверхность, затем, бросив на меня недоверчивый взгляд, снова ныряли, появлялись в некотором отдалении и плыли параллельно моему курсу. Их присутствие становилось для меня все более и более дорогим. Прежде всего это были мои знакомые, но главное, глядя на них, подходили и другие.

Успокоенные видом своих лукавых собратьев, пришельцы резвились вокруг меня целыми косяками, и я выуживал их столько, сколько хотел.

«Специалисты» советовали мне оборудовать на дне лодки садок для рыбы. Теперь ясно, сколь «практичен» был такой совет! Ведь садок мне был совершенно не нужен, так как моя «кладовая» сама следовала за мной. И это еще не все. Окружающие меня верные спутники загоняли прямо ко мне в лодку летающих рыб. Оказавшись среди дорад, летающие рыбы в ужасе выпрыгивали из воды и, ударившись о парус, падали в лодку. Каждое утро я собирал их от пяти до десяти штук.

Днем, конечно, этого не случалось, так как они меня видели. Но каждые пять минут целая эскадрилья летучих рыб, а то и две взмывали над волнами океана. Изумительное зрелище представляют дорады, преследующие свою добычу над волнами океана. Какая сноровка и ловкость! Проследив за полетом летучих рыб, они появляются с широко раскрытым ртом, как раз в месте их падения. Правда, некоторым, наиболее опытным, удастся изменить кривую полета, перепрыгивая с волны на волну, и таким образом обмануть своих преследователей.

* *
*

Когда буря кончилась, я, обвязавшись веревкой, спустился в воду и осмотрел подводную часть своего судна. Почти все, что я починил в Лас-Пальмаса, было вновь разрушено волнами. Клей кое-где сдал и резиновые заплатки обвисли жалкими клочьями. В швах лодки угнездились множество мелких рачков.

Из всех инженеров компании «Раббер Лайф Бот», с которыми я имел дело, только один — специалист по дирижаблям и ведущий конструктор моей надувной лодки г-н Дебрутель — предупредил меня, что мелкие морские жители поселятся на «Еретике». Поэтому меня больше всего беспокоили швы в перегородках надувных камер. Сами камеры не должны были протекать, но в швы, хоть и проклеенные добавочной полосой резины, могли проникнуть маленькие рачки и ракушки, которые, вырастая, отклеили бы эти защитные полосы давлением своего тела.

Еще в Танжере я убедился, что, даже когда судно находится на стоянке в глубокой бухте, его дно покрывают мелкие ракушки и что знаменитые швы — их излюбленное место. А эти швы скрепляли кормовую доску с резиновым полом и резиновый пол с боковыми камерами.

На пути от Касабланки до Канарских островов большая глубина и скорость течения мешали появлению паразитов. Но за время моего пребывания в Лас-Пальмаса водоросли и ра-

кушки покрыли дно лодки толстым слоем. Отчистив этот слой, я с тревогой увидел, что защитные полосы вздулись в некоторых местах. Эти вздутия грозили разрастись вдоль всего шва. В них прочно угнездились ракушки. Тогда я велел вторично проклеить швы.

Осмотр подводной части, сделанный после бури, показал, что именно эти вторичные проклейки не устояли перед бурей. Но поскольку я не мог починить в воде дно лодки, мне оставалось лишь положиться на опыт и знания г-на Дебрутеля.

КАКАЯ ДОЛГОТА?

Воскресенье 16 ноября. Вот уже четыре недели, как я плыву. Целый месяц... В первый раз за четыре дня я смог определить свою широту. Признаюсь, мне было немного страшно, но оказалось, что я остался на 17-й параллели (точнее на 16°59'). Это замечательно. Значит, я достигну берега где-то между Гваделупой, Монтсерратом и Антигуа. Что же касается даты прибытия, то я рассчитываю добраться до суши между двумя субботами: 22 и 29 ноября. Если, конечно, не произойдет ничего неожиданного.

Этой ночью лодка опять испытала сильный толчок. Не знаю, что это было, но куски резины, которые я привязывал к лодке, чтобы брызги меньше попадали внутрь, оказались сорванными. Ну и гости меня навещают! Яркое солнце, очень тепло, брызги летят со всех сторон.

16 часов. Внимание! Еще одна рыба-меч! На этот раз меньших размеров. Она лишь немного покружила возле лодки и ушла, но мне это все равно не нравится.

Понедельник 17 ноября. Я очень удивился, что прошлой ночью море было таким беспокойным, несмотря на слабый ветер. Утром, увы, все стало ясно: надвигался ливень. Небо на востоке уже затянуло облаками. Хорошенькая перспектива меня ожидает! Видел много птиц.

16 часов. Мне кое-как удалось определить свое местонахождение. Это была адская работа, потому что солнце все время исчезало.

Дует сильный ветер, моя лодка бойко бежит вперед. Для меня настали трудные дни: я не знаю, правильны ли мои расчеты. Если бы мне встретилось какое-нибудь судно, чтобы можно было узнать точные координаты! В общем, мне остается пройти примерно 500 миль. Было бы слишком глупо теперь потерпеть неудачу! Мне хочется, чтоб эта неделя скорей прошла, и в то же время я этого боюсь.

Небо все еще подозрительное. Но в конце концов самое главное идти вперед. Теоретически я должен увидеть землю через шесть дней. Я устал и больше всего мечтаю о горячей

ванне, непромокаемой обуви, сухой постели, жареном цыпленке и литре пива.

Какое счастье, что существуют летучие рыбы: я не смею заниматься рыбной ловлей, потому что боюсь наскочить на рыбу-меч. По той же причине стараюсь по вечерам как можно дольше не зажигать фонаря: рыба-меч кажется мне опаснее столкновения с судном!

Океан спокоен. Мне страшнее, чем было вначале. Любопытный факт: бурное море не особенно опасно, гораздо опаснее море тогда, когда ветер не управляет его движением. Чувствую, что меня ожидает еще одна скверная ночь.

Вторник 18 ноября. Настроение сегодня лучше, но все это тянется слишком долго. Я уже начинаю думать о том, где мне удастся причалить. Если я останусь на той же широте, я подойду к берегу либо в Порт-Луи, либо в Пуэнт-а-Питр (Гваделупа). Все порты защищены от ветра, и, значит, мне будет трудно войти в любой из них. Если я не попаду в Пуэнт-а-Питр, то попробую пристать либо к северному побережью Гваделупы, либо к островам Дезирад или Мари-Галант. Хуже всего, если со мной что-нибудь случится в самый последний момент, когда я стану приставать к берегу! Это было бы настолько глупо, что мне просто не верится. Однако нечего делить шкуру неубитого медведя!

Сегодня попробую отправить письмо, посмотрим, что из этого выйдет.

Среда 19 ноября. Сегодня определил свою широту и встревожился: по сравнению со вчерашним днем меня отнесло более чем на 20 миль к югу. После проверки оказалось, что я просто ошибся. Уф, гора с плеч!

В полдень я определил свое местонахождение. Делать мне больше нечего, и часы тянутся. Обычно я налавливаю с утра столько рыбы, сколько нужно, и потом целый день не знаю, чем мне заняться. Остается только гадать, когда я приеду. А дни такие длинные!

Солнце яркое, но погода ненадежная. Хорошо, что я могу читать и заниматься медицинскими наблюдениями. Утром опять был дождь.

Четверг 20 ноября. Я иду точно на запад по 16°48' северной широты, то есть должен пристать к берегу как раз между Гваделупой и Антигуа. Если так пойдет и дальше, я попытаюсь причалить у Гваделупы, потому что это французская территория.

Прошедшая ночь была одной из самых спокойных за все плавание. С утра увидел множество птиц. Еще один факт заставляет меня думать, что я приближаюсь к земле: перемена ветра. Ветер поднимается в 8 часов, дует до половины двенадцатого, стихает и снова поднимается в 15 часов. Это очень похоже на режим береговых ветров.

«Держись, Ален!» — повторяю я постоянно. Может быть придется ждать еще восемь трудных дней. Клянусь, что до этого я не впаду в отчаяние.

Бедная Жинетта, как она должна волноваться! Еще и поэтому я хотел бы как можно скорее достигнуть берега.

Пятница 21 ноября. Чем ближе я подхожу к земле, тем больше сомневаюсь в правильности своих расчетов. И все же я не должен был ошибиться!

По-прежнему ни одного судна. Правда, на пути к Канарским островам я тоже встретил только два корабля и оба — лишь в нескольких милях от берега.

Любопытно, что птиц я вижу только утром, когда они летят на восток, и вечером, когда они возвращаются на запад. Очевидно, их полеты связаны с землей. Это хороший признак.

Погода переменчивая, но не плохая. Ветер неровный. Хочется поскорей приехать. Ночью зажигаю сигнальный огонь, и летучие рыбы сыплются в мою лодку дождем. Я должен приехать между двумя субботами — 22 и 29 ноября. Скорее всего, в понедельник, вторник или среду. Широта прежняя: 16°48'.

Суббота 22 ноября. Ветер очень слабый, ползу, как черепаха. При такой скорости мне понадобится еще дней восемь. Как я и думал, для меня настали тяжелые дни. Помимо своей воли, впиваюсь взглядом в горизонт. Можно сойти с ума, до чего облака бывают похожи на землю! И ведь я знаю, что не могу увидеть земли раньше понедельника. Только бы ее увидеть, только бы увидеть, пусть даже мне придется целую неделю простоять на месте, не имея возможности причалить.

Число птиц растет очень быстро. Если бы это что-нибудь означало! По-прежнему ни одного судна. Ради бога, хоть немного ветра!

13 часов. Зной палящий. Я думаю о моей бедной Жинетте, которая живет в постоянном ужасе. «Милая моя, еще четыре или пять беспокойных дней и все будет кончено».

Только бы подул пассат!

17 часов 30 минут. Если ветер будет таким слабым, я не увижу землю раньше, чем дней через десять.

Воскресенье 23 ноября. Шестое воскресенье в океане. Надеюсь, что последнее. Снова поднялся ветер и на этот раз постоянный. Если так будет продолжаться, я приеду во вторник или среду, но куда — не знаю: меня относит к северу.

Видел интересных рыб, похожих на балист, но с двумя плавниками, как у акулы¹. Тщетно старался поймать хоть одну, так как летучие рыбы мне порядком надоели.

17 часов. На юго-востоке назревает очередная короткая гроза. Интересная здесь погода: то сияющее солнце и на небе

¹ См. примечания П. Бюдке в конце книги.

ни облачка, то, наоборот, проливной дождь. Из одной крайности в другую!

Чертовы рыбы, поедая рачков и ракушек, облепивших лодку, беспрестанно ее толкают. Это крайне неприятно.

Приближается гроза. Что со мной будет? Но в общем я особенно не волнуюсь. Если даже будет и буря — я ведь не очень далеко от берега! Сегодня утром видел сразу трех белохвостов, а в моей книге для потерпевших кораблекрушение сказано: «Три белохвоста рядом означают, что земля не дальше чем в 80 милях». Больше того, как раз в тот момент, когда начиналась гроза, я увидел птицу фрегат. В той же книге говорится: «Фрегат никогда не проводит ночь в море и не встречается дальше ста миль от берега. В виде исключения фрегата видели однажды на расстоянии 300 миль от ближайшего острова». А в два часа пополудни совсем близко от меня пролетела птица из той породы, которая не удаляется от земли больше, чем на 90 миль. Все это подтверждает, что я недалеко от цели.

Задолго до того, как вдалеке появились первые признаки надвигающейся грозы, я почувствовал какое-то беспокойство. Впрочем, беспокойство — это не то слово. Это было скорее паническое желание спрятаться, спастись, убежать — куда, я и сам не знал, — лишь бы убежать, и как можно скорее!

В те дни я вел жизнь, настолько сходную с жизнью птиц и рыб, что обладал почти таким же развитым инстинктом. Поэтому, раскрыв морской справочник, я стал перечитывать раздел о тайфунах. Небо было розоватое, в золотых блестках, и лишь на самом горизонте виднелось несколько черных пятен. Сколько я ни вглядывался, я не мог обнаружить ничего особенно тревожного, и тем не менее чувство, что вот-вот что-то произойдет, не покидало меня. Как мне хотелось куда-нибудь спрятаться от надвигающейся катастрофы!

Позднее, уже на острове Барбадос, я узнал, что некоторые суда, находившиеся в нескольких сотнях миль к северу от меня, тоже попали в зону тайфуна, и что моряки на них испытывали точно такое же чувство, как я. По-видимому, между людьми моря существует хоть и незримая, но прочная связь.

Весь горизонт позади меня перечеркнут слева направо ровной черной полосой, за которой исчезло солнце. Постепенно становится холоднее. Черная туча надвигается, как железный заслон, и похоже, что она скоро закроет все небо. Это началось в 6 часов утра, а к 7 вечера так оно и случилось.

До появления туч ветер дул с прежней силой, океан был спокоен, и я надеялся, что смогу под парусом уйти от грозы. Но вскоре послышался уже знакомый мне характерный шум, похожий на потрескивание или на отдаленную пулеметную стрельбу: туча несла проливной дождь. Казалось, что тысячи

еловых шишек трещат в огне лесного пожара. И тогда ураган обрушился на меня.

Я уже отмечал одно любопытное явление: гроза приносит с собой ветер, совершенно от нее не зависящий. Когда такой ветер поднялся, я решил воспользоваться им во что бы то ни стало и не спускать парус до последнего мгновения. Для этого я намотал шкот на руку, чтобы сразу же его отпустить, если налетит шквал.

Внезапно наступила ночь среди бела дня. В сверкании падающих струй мой парус вздувается до предела, грозя лопнуть каждое мгновение. Это продолжалось недолго, но было ужасно. В течение часа, удерживая шкот рукой, я мчался вперед среди разбушевавшихся стихий, делая по пять узлов. Через час гроза меня обогнала, но за этот час веревка все же успела натереть мне руку до крови.

Как только грозовая туча ушла, ветер без всякого перепада совершенно стих, и в первый раз после моего отплытия от Канарских островов парус сморщился, захлопал и, наконец, безжизненно обвис. До сих пор мне казалось, что я перенес самый трудный этап пути: длинный период плохой погоды, бесконечный месяц сильных ветров и дождей. Но меня поджидал еще один извечный враг парусных судов: унылый нескончаемый штиль.

Думаю, что мой дневник лучше всяких комментариев отражает состояние безнадежной тоски, в которую я постепенно погружался.

Понедельник 24 ноября. Да, никогда не следует делить шкуру небитого медведя. В результате грозы ветер переменился на южный и с помощью кия я с огромным трудом держусь 320° по компасу, то есть значительно отклоняюсь к северу. Очень боюсь попасть в Гольфстрим; тогда меня совсем унесет на север. (В тот момент я считал, что нахожусь у соединения северного экваториального течения и Гольфстрима). В этом случае мне придется плыть еще не меньше месяца. От одной этой мысли мне становится тошно. Если меня отнесет к северу, к 23—24°, то я в довершение всего буду еще и мерзнуть, так как становится холодно. Зима! Если бы мне встретилось какое-нибудь судно! Хоть бы ветер переменился. И подумать только, что я нахожусь всего миль в 90 от Дезирада! Такое может случиться лишь со мной. Вот и пассат не дует там, где он должен дуть... Я боюсь, ужасно боюсь, что это будет продолжаться день за днем, бесконечно. А ведь я был так близок к цели!

15 часов. Ветер все тот же, но настроение улучшилось. Не зря же в «Морском справочнике» говорится, что пассаты прекращаются лишь случайно и ненадолго. Но все равно, это сильно задержит меня, так как теперь Гваделупа находится в 100 милях. Рассчитывать на нее уже не приходится. Теперь

для меня проще достигнуть Барбуды (120 миль) или Пуэрто-Рико (400 миль). В общем мне понадобится еще добрая неделя, если ветер установится. А если нет, то полгода. Я поднялся на 19' к северу и нахожусь на широте, проходящей между Барбудой и Антигуа. Скорей бы погода переменялась. Надо же, как не повезло, и, главное, в самом конце! Хоть бы судно встретилось! Но вокруг ничего, ничего.

Вторник 25 ноября. Поднялся не сильный, зато почти попутный ветер с востоко-юго-востока. Мне удалось спуститься на 11 миль к югу до 17°5'. Все это хорошо, но проклятая гроза измучила меня. Начинаются трудные изнуряющие дни. Правильно ли я определил долготу? Действительно ли ближайшая земля находится от меня в 60 милях? Завтра я обязательно увижу землю. Иначе я уже не смогу сказать, где я, как заблудившийся путник, которому известно направление, но неизвестно, сколько ему еще идти. По самым пессимистическим расчетам я могу быть на 7° восточнее, то есть приблизительно в 406 милях от берега. Шесть дней пути при этой скорости. Не надо впадать в отчаяние до вторника 2 декабря. Но если я и тогда не достигну земли, я просто перестану что-либо понимать.

Как тянутся дни! Исчезла даже моя кочурка-буревестник, которая всегда навещала меня в 4 часа. Она еще прилетала позавчера, но вчера ее уже не было. А до сих пор я видел ее ежедневно. Что это значит? Может быть теперь она остается на берегу или залетает дальше в море? Никаких следов человека. По-моему, из моря изъяли все суда, а из неба самолеты.

Среда 26 ноября. Сегодня на рассвете опять видел двух фрегатов, тех самых, что обычно не встречаются дальше 100 миль от берега... Еще одно подтверждение.

Как и близ Канарских островов, видимость очень плохая, не больше 15 миль. А острова отстоят друг от друга на 30 миль. Только бы не повторилась история с Канарскими островами: ведь я чуть было не прошел между ними, не заметив ни одного. Если бы знать заранее, я бы свернул на северо-запад к Пуэрто-Рико. А вдруг я пройду мимо этого острова, не обнаружив его? Просто трагедия! Подумать только, что позавчера я видел по меньшей мере на 40 миль вокруг! Проклятая буря!

Пробую спуститься на параллель Гваделупы и держаться между 16° и 16°30'...

15 часов. Ползу, как черепаха. Нахожусь не дальше, как в 60 милях от Антигуа, но почти не продвигаюсь вперед. Если я делаю по 30 миль в день, значит берег вообще где-то на краю света: иначе я уже давно прошел бы эти оставшиеся двести миль. В конце концов это вопрос часов: сорок восемь или семьдесят два. Как долго! Особенно теперь, когда я думаю, что земля совсем близко! Я не могу себе представить,

что возможно и даже почти обязательно буду на твердой земле в ближайший вторник в тот же самый час. Это для меня совершенно непостижимо.

Четверг 27 ноября. Как медленно! С воскресенья я сделал максимум 20 миль. Если так будет продолжаться, я приеду в следующий вторник или в среду: десять мучительных дней! Из-за плохой видимости я все время боюсь пройти мимо островов. Очень утомительно непрерывно всматриваться в горизонт. Целый день я напрягаю зрение, а темных очков у меня больше нет.

Судов нет, самолетов нет, птиц нет. На доело (в дневнике подчеркнуто). Сорок дней — это больше, чем достаточно.

18 часов. Добрый знак: муха в лодке. Все-таки земля приближается.

Пятница 28 ноября. 9 часов. Сегодня утром опять ничего не видно, и я начинаю серьезно беспокоиться. Бедная моя Жинетта! Сегодня сорок первый день... Однако долгота, исчисленная по заходу луны, подтверждает мне, что земля близка, может быть, в 60 милях. Я нахожусь на правильной широте, но едва продвигаюсь вперед.

Видел плывущую электрическую лампочку... Чего только не встретишь в море! Но я сыт всем этим по горло.

19 часов. Поднимается приятный ветерок. Такого не было уже дней восемь. Если он продержится, я увижу землю через 18 часов. С понедельника 3 ноября не встретил ни одного судна.

Суббота 29 ноября. Ветер дул точнехонько 10 минут. Снова невыносимое солнце, под брезентом у меня 38—39°. Ветра нет, земли нет, судов нет, самолетов нет, птиц нет — одно отчаяние.

Я совсем не двигаюсь. Делаю полмили в час, не больше. Так мне придется плыть еще дней десять, если не двенадцать. А ведь говорили, что пассат доходит до самого берега! Я боюсь даже думать о семье: там, наверное, все сходят с ума. Если бы какое-нибудь судно могло их известить обо мне. Но вокруг ничего, ничего, ничего!

Привязав нож к веслу, загарпунил сегодня балисту и не знаю, что с ней делать. В одной книге говорится, что она съедобна, а в другой — ядовита. Предпочитаю воздержаться. Хорошо бы все-таки, чтобы специалисты сошлись на чем-нибудь одном!

19 часов. Как и вчера поднялся ветер. Хоть бы на этот раз он продержался! Снова бросил бутылку с запиской.

К лодке подплывает какая-то совсем новая рыба, значит земля недалеко. Да это большая барракуда! Она идет совсем рядом и поглядывает на меня странными глазами. Мне очень хочется поймать ее, но и она, по-видимому, сама не прочь отведать моего мяса.

Воскресенье 30 ноября. Вот уже целая неделя, как я совершенно не двигаюсь. Будь прокляты те, кто уверял, что пассат доходит до самой земли! Восемь дней мертвого штиля. И никаких надежд на перемену.

Я очень страдаю от поноса. Приходится усаживаться на край лодки не меньше двадцати раз в день.

Пассат просто обманщик: он привлекает вас, помогает проделывать три четверти пути, а потом бросает. И это еще в самое благоприятное время года! Что делать? Покоримся. Если я прохожу примерно по 30 миль в день, что дает в среднем 55 миль в день за все время плавания, я подойду к берегу в воскресенье 7 декабря. Терпение. Еще одна неделя. Но после этой недели я сдаюсь.

Понедельник 1 декабря. Вот и зима! Ноябрь прошел, а я так и не увидел земли. Пробую определить свою долготу: восход луны дает мне 50°, а заход — 60. Ничего не понимаю. Сегодня будет полная луна. Посмотрим.

Поднялся несильный попутный ветер, и я немного продвинулся вперед. Зато ночью был полный штиль. Где же я нахожусь? В 40 или в 1200 милях от земли?

Палящий зной. Горизонт пуст и подернут дымкой.

О, если бы я смог определить свою точную долготу, если бы у меня были батарея для радиоприемника и хронометр!

Только что состоялся утренний визит тропического белохвоста. Он чуть было не сел мне на рею. Я сфотографировал его, но едва взялся за кинокамеру, как птица испугалась и улетела прямо к солнцу.

11 часов. Я слишком хорошо знаю Жинетту и безумно волнуясь за нее. Она, наверное, в отчаянии. А ведь это может продолжаться еще дней десять. Я устал, измучился, понос меня совершенно выматывает. Беспокоюсь все больше, потому что начинает появляться кровь.

15 часов. Широта по-прежнему правильная. Держится небольшой ветер. Словно для того чтобы подбодрить меня, прилетела птица фрегат, четвертая за эти пять дней. Поскольку их встречают самое большее за 300 миль от берега, а я видел первую пять дней назад, можно считать, что мне остается проплыть сто миль. Не терять надежды!

18 часов. Я сделал непростительную ошибку, пересмотрев свои фотографии... Франция, Касабланка, Лас-Пальмас... Это испортило мне настроение. Испытание в самом деле слишком затянулось, и самое страшное, что я не знаю точно, где я нахожусь. Я считаю, что мне осталось примерно миль 200, но когда я доплыву — послезавтра, через десять или двадцать дней, или через месяц, это мне не известно. Иногда мне кажется, что лучше бы я остановился на Канарских островах. Но тогда меня замучила бы проклятая гордость.

Появись на горизонте хоть одно судно или будь у меня радио, я бы не чувствовал себя так одиноко. Боже, как я зол на тех, кто уверял меня, что ветер все время будет или восточным или северо-восточным. На самом же деле, со времени прошлой грозы, ветра или совсем нет, или он дует с юго-востока.

Вторник 2 декабря. (Настроение в то время у меня было крайне подавленное, и записи, относящиеся к этому периоду, читаются с большим трудом.) На горизонте по-прежнему ничего. Сегодня утром видел еще один, до сих пор не встречавшийся мне вид птицы, о котором так же говорится, что он не удаляется от суши далее чем на сто миль.

Близка или далека от меня земля? Попробуем подытожить все «за» и все «против».

«Против»: восход солнца, закат солнца, час полуденного солнцестояния и час восхода луны. Но три первых мне уже давали ошибку на один час при отправлении, когда я точно знал долготу. Что же касается восхода луны, указывающего, что я нахожусь на 50° западной долготы, то он компенсируется закатом.

«За»: время заката луны, указывающее, что я нахожусь на $60^\circ 2'$; неровность ветра, падающего к ночи; птица фрегат, вообще малое число птиц, однако, птиц, до сих пор еще не встречавшихся, и среди них ни одного альбатроса. И, наконец, я плыву от Канарских островов со средней скоростью 50—60 миль в день. Значит, если я проплыл 2320—2520 миль, мне еще остается проплыть не более 180—380 миль.

В лучшем случае я нахожусь на 59 или 60° западной долготы, в худшем на 50° .

Если бы ветер был таким же, как в начале плавания, я бы достиг берега еще неделю назад; но ветер держится лишь 5—6 часов в сутки, меньше, чем под Касабланкой. Что же я так никогда и не одолею эти 200—300 миль? Обидно! Пройти за месяц 2500 миль и столько же потратить на 300 оставшихся! И опять ни малейшего дуновения. Можно прийти в отчаяние! Я во всяком случае постепенно становлюсь пессимистом.

Ведь надо же случиться такой глупости! Сорок четыре дня мой опыт проходил как следует, словно для того, чтобы окончиться провалом именно сейчас, перед самым завершением.

Хоть бы я мог дать восточку о себе! Но вокруг все пусто. Ни самолета, ни корабля! Ну и макулатура же эта «Raft Book», какую чушь она преподносит о птицах. Если верить всему в ней написанному, можно действительно свихнуться.

15 часов. Не понимаю еще одной вещи! Мне бы сейчас следовало бороться против отклонения к югу, но даже тот несчастный ветерок, который иногда поднимается, и тот дует точнехонько с юга. В чем дело? Где же северо-восточный пассат? Он упрямо дует с юго-востока.

Сегодня 45-й день; ровно полтора месяца бедняжка Жинетта обо мне ничего не знает. Еще один потерянный день. К счастью, таких абсолютно безоблачных дней все же немного, а то у меня, наверное, давно расплавились бы мозги. На горизонте собирается внушительная гроза.

Среда 3 декабря. Все надоело. Ветер, наконец, снова северо-восточный, но довольно слабый. Зато перед этим он некоторое время дул вообще с запада, это было уже совсем мило!

11 часов. Ветер вдруг поднялся и крепчает. Такого ни разу не было за последнюю неделю. Только бы он не утих.

15 часов. Запасы пресной воды значительно сократились. Хоть бы пошел дождь. Только не очень большой!

18 часов. Еще одна птица фрегат; за последнюю неделю я уже потерял им счет, а «Raft Book» говорит, что фрегат не встречается дальше 100 миль от берега. Будем надеяться, что это относится именно к данной птице, потому что если бы это касалось и других, то я давно бы уже был на суше. У меня ужасающее расстройство желудка, и пить я хочу как тысяча чертей. О! Сейчас бы выпить залпом литр холодного молока!

Четверг 4 декабря. На горизонте ничего нового; все еще ничего... У меня начинается истощение организма.

Сегодня ко мне залетела бабочка. Утром я видел пролетающую паутинку. В конце концов, принимая все это во внимание, земля никак не может быть далеко. Но нет ни кораблей, ни самолетов.

Пятница 5 декабря. Земля может быть в нескольких десятках миль, а я не могу ее достичь: нет ветра. Я измучен и обессилен кровавым поносом настолько, что боюсь даже есть. Если так будет продолжаться, лодка, конечно, доплывет до берега, но доставит туда мой труп. Солнце печет, на небе ни облачка. Я больше ничего не понимаю и не знаю, где я нахожусь. Моя последняя просьба: если лодка привезет мой труп, пусть все-таки кто-нибудь надает от моего имени пощечин автору книги для потерпевших кораблекрушение. Она создана только для того, чтобы неудачник, имевший несчастье ее приобрести, потерял последнюю надежду на спасение. Например, в этой книге написано: «Значительное число птиц фрегатов свидетельствует о том, что земля находится примерно в 100 милях». Еще с неделю назад я их видел немало и с тех пор прошел миль триста. Следовательно, автор бесчестный человек, так как либо он пишет заведомую ложь, зная, что это ложь, либо пишет о том, чего сам не знает, и о чем бы ему лучше совсем не писать. Прошу отхлестать по щекам и тех, кто дает описание пассатов. Видно, сами они никогда здесь не плавали, разве что с мотором. Передайте им заодно, что в районе Антильских островов в ноябре — декабре два дня ветер, а десять дней полный штиль.

Задача: лодка движется со средней скоростью 100 метров в час. Сколько времени потребуется, чтобы пройти 150 км, отделяющие меня от земли, если таковая вообще существует?

Во всяком случае я раньше умру, сгорю на солнце, страдавший от жары и голода. Все сговорилось против меня. С утра под ужасающим солнцем я буквально варюсь в собственном соку. Надо мною ни облачка, а в каких-нибудь 800 метрах небо покрыто густыми тучами. Просто поразительно, до какой степени нами овладевает на море мания преследования! Кажется, что все против нас и ничего не ладится. Мелкие облака едва двигаются, влекомые легким ветром; у меня такое впечатление, что они нарочно обходят солнце вместо того, чтобы пройти перед ним, загородив меня хоть на мгновение от этого горнила.

Нет больше сил! Если я и погибну, это случится только потому, что против меня ополчились и безветрие и беспощадное солнце. Вчера вокруг меня бушевал ливень, но на меня не упало ни одной капли. Это жестоко! Парус лениво полощется. Несомненно, это пассат. Что такое зона пассатов? Район, где практически никогда нет ветра. Подобное безветрие невозможно объяснить даже предположением, что меня занесло в «зону бурь», так как в это время года она передвигается на 5° северной широты, а если бы я находился на этой параллели, я бы уже был на суше. А тут еще этот кошмарный понос... Теперь, если будет буря, я ни за что не брошу плавающий якорь. Будь что будет! Что я наделал! И почему я не остановился тогда на Канарских островах?

Жан-Люк, если я умру, так и не доплыв до земли, издай пожалуйста, книгу с моими записями; пусть она напоминает обо мне Жинетте. Недаром я говорил: «Если моряки утверждают, что мне удастся переплыть океан, это плохая примета». Средиземное море, Касабланка, Канарские острова — все считали, что это невозможно, а я все плыл да плыл. А теперь я погибаю самым плачевным образом. Ах, как некоторые будут торжествовать!

Бесполезное полоскание паруса перед самым носом... Сегодня, пожалуй, самый отвратительный день за все плавание, уж лучше буря! Я бросил за борт световую шашку: мне хотелось проверить, сколько времени я буду ее видеть. Меня очень тревожит, что если до сих пор даже в совершенно безветренную погоду где-то сверху был ветер, то сегодня его уже нет нигде. Неужели так будет еще восемь дней? Вот уже 32 дня как я не видел ни одного корабля и 21 день — ни одного самолета. Я в полном отчаянии. Джек говорил: «Нас погубят ветры, бури, тайфуны!» А я погибаю из-за полного штиля. Если бы я мог сейчас послать сигнал SOS!

Увы! Какая насмешка! Ни одно облачко не закрывает солнца, а ведь их немало. Ничего не понимаю: в небе появи-

лись мелкие облака, которые несутся быстро и низко, а у меня ни дуновения. Так бывало редко даже в Средиземном море. Как я хотел бы сейчас принять ванну!

Суббота 6 декабря. С севера подул довольно крепкий ветер. Это лучше, чем ничего. Сегодня утром еще раз видел трех тропических белохвостов одновременно: «До берега 60—80 миль». В конце концов не может быть, чтобы автор книги для терпящих бедствие ошибался абсолютно во всем. И так, завтра или послезавтра я, может быть, увижу землю. Тем не менее, я хочу выразить свою последнюю волю, потому что не уверен, доберусь ли до суши живым:

1. Я хочу, чтобы эти записки послужили основой для книги, все авторские права на которую завещаю моей жене Жинетте Бомбар. За справками об истории возникновения данного плавания прошу обратиться к ... (несколько имен).

2. Распоряжения, относящиеся к жене и дочери.

3. Я считаю своим долгом заявить, что нельзя допускать, чтобы авторы книг для потерпевших кораблекрушение морально убивали тех, для кого предназначена их писанина. Перечисляемые ими признаки близости земли — сплошная ложь, губящая людей. За свою смерть я считаю также ответственными и тех, по чьей вине у меня нет радиопередатчика.

В заключение я хочу сказать: то, что я погиб, вовсе не лишает надежды всех потерпевших кораблекрушение. Моя теория верна и подтверждается пятидесятидневным опытом: на большее человеческих сил не хватает. И последнее: желательно, чтобы в программы по астрономии для лицеев и школ был включен также курс практического мореплавания.

Воскресенье 7 декабря. На горизонте все еще ничего не появилось. Но я не думаю, что до берега очень далеко. (Пошел более четкий почерк.) Я должен добраться! Хотя бы ради Жинетты, Натали, Рено и Анны. Как это трудно!

Солнце безжалостно. Хочу пить. Вода кончается. Остается еще литров пять. А сколько литров мне пришлось тогда вылить за борт! Рыбы ловлю немного, но все же мне хватает. Неужели снова придется пить морскую воду и рыбий сок, да еще при таком поносе? Это поистине ужасно. Вчерашний сильный ветер отнес меня на 18 миль к югу, удаляя меня таким образом от Дезирады, от самого близкого берега. Теперь ветер снова очень слабый. Бог знает что!

Однако в «Морском справочнике» говорится: «Наиболее сильным и регулярным пассат бывает с декабря по март или апрель. В этот период он дует в наиболее северном направлении, то есть с востоко-северо-востока на северо-восток со средней скоростью около 4 по Бофорту» (Антильские острова, том 2, стр. 8).

Чего только не печатают типографии! Поистине, «бумага все стерпит». Если завтра или послезавтра земля не пока-

жется, я окончательно перестану что-либо понимать и на все махну рукой. При отплытии примерно на $15^{\circ}20'$ я определял координаты в 12 часов 10 минут. Сегодня я производил вычисления в 15 часов 10 минут; три часа разницы, значит я должен находиться на $60^{\circ}20'$ западной долготы. Дезирад находится на 61° , то есть на 38 миль западнее... Доминика и остров Мари-Галант на $61^{\circ}20'$ и $61^{\circ}12'$, то есть на расстоянии 56 и 49 миль. В чем же дело? Даже при скорости всего лишь в 30 миль в день завтра я должен быть от них в 28 и 19 милях. А поэтому, если земля не покажется на горизонте и послезавтра... подаю в отставку. Хватит! Мне это уже надоело. Бедная моя Жинетта! Она, вероятно, сгорает на медленном огне.

16 часов 30 минут. Положительно все сговорилось против меня. Снова поднялся ветер, но он гонит меня к югу. Ну почему мне так не везет? Что поделаешь, на юг так на юг. Тут у меня чистое поле вплоть до острова Гренады, до которого 240 миль. Жаль, что дрейф так задерживает движение.

Все говорит о близости земли... кроме появления самой земли. То там, то тут плавают кусочки дерева, косяк рыбы, очень похожей на летучую сельдь, идет за мной по пятам — все это не встречается на большом расстоянии от берегов. Но я-то хотел бы увидеть сам берег!

Понедельник 8 декабря. Земля еще не показалась, зато снова наступило безветрие. Я не могу без горечи думать, что такой тип, как автор книги для потерпевших бедствие, пишет брошюру для американского флота и в ней тоже ошибается на каждом шагу. Автор заявляет, что лишь однажды птицу фрегат видели за 300 миль от берега: последнюю из этих птиц я видел в среду, но с тех пор я уже прошел более 300 миль.

В субботу утром я снова видел сразу трех тропических птиц. В данном случае автор категоричен: три птицы вместе — до берега 60—80 миль. Пусть даже 100! Предположим, что с субботы до воскресенья я прошел 40 миль и с воскресенья до понедельника — еще 40, это минимум. В таком случае мне остается 20 миль. Но... на горизонте ничего, и день снова обещает быть беспощадно жарким. Сегодня 50-й день плавания. Моя средняя скорость составляет 54 мили в сутки. Вначале я плыл быстрее, последнее же время, за исключением одного дня, я прохожу в среднем по 30 миль в сутки. Снова штиль.

Чтобы проплыть 550 миль до Канарских островов, мне потребовалось одиннадцать дней. Теперь мне нужно преодолеть расстояние в пять раз больше. Значит, на это надо положить 55 дней. В таком случае я должен буду причалить в субботу.

У меня осталось мало пресной воды, а морскую воду я пить не могу из-за сильного расстройства желудка. Рыбы

ловлю очень мало: она меня боится. В конце концов черт с ней: мне хватает падающей прямо в лодку летучей рыбы. В крайнем случае цел неприкосновенный запас, съем его и умру. Тот, кто, основываясь на моем опыте, будет писать книгу для терпящих бедствие, должен особо отметить, что смена различных видов птиц указывает на приближение земли, однако земля при этом может находиться еще за сотни миль.

Если бы я мог точно определить свои координаты! Мне кажется, что если бы я был уверен, что точно знаю, где нахожусь — пусть это даже далеко от земли, — мне было бы легче. По-моему, все пароходные и авиационные линии проходят западнее островов, по Карибскому морю; в таком случае ни на самолеты, ни на суда надеяться нечего!

Как странно сейчас вспоминать, что однажды был такой сильный ветер, что я даже бросил плавучий якорь. Теперь парус поднят, и я его не спущу ни за что. Зато ветра больше нет. Что делать? Что делать, чтобы выйти из этой проклятой неуверенности?

День обещает быть невыносимо жарким. Ни одно облачко не хочет закрыть солнце. Что за невезенье! Вокруг меня дождь, а на меня не падает ни одной капли; вокруг тучи, а надо мной безжалостное солнце; сейчас период регулярных пассатов, а у меня один день — ветер, другой день — ветерок, а затем два-три дня полного штиля. Я почти не продвигаюсь вперед. Вот уже трое суток, как я вижу сзади себя зеленое пятно от брошенной мною световой шашки. И так с субботы 22 ноября: две с лишним недели почти полной неподвижности. О, я это запомню! И какой же я идиот, что доверился книге, написанной специалистами! Как жаль, что я погибну, так и не сказав им лично все, что я о них думаю. Где же этот пассат «регулярный и наиболее сильный»? При такой погоде живым мне, конечно, не добраться до земли, хоть она, должно быть, и недалеко.

Мне то и дело встречаются кусочки коры пробкового дерева. Но парус полощет. И это когда мне осталось как-нибудь 30 миль! Или 1500...

14 часов 30 минут. Ну вот, все как вчера: полный штиль и обвисший парус. Даешь пассат! Может мне кто-нибудь скажет: ничего, зато это признак того, что земля близка. Так покажите мне ее! Но я и завтра не надеюсь ее увидеть, так как вряд ли сдвинусь с места.

Прошло уже двое суток с тех пор, как я видел эти пресловутые стаи птиц. Думаю, что восемьдесят-то миль после этого я прошел. Где же земля?

16 часов. Хочется искупаться и заодно осмотреть днище лодки. Она-то должна добраться до берега, пусть даже через месец, если только не помешает какая-нибудь рыба-меч!

16 часов 30 минут. Море взволновалось, значит где-то есть ветер, но здесь у меня пока лишь слабое дуновение. Жара и жажда. Господи, продли мне жизнь хотя бы для того, чтобы я мог выпить залпом два литра молока.

Мне вспоминается, как я принимал ванны вместо того, чтобы их выпивать. Мир все-таки плохо устроен. Там я мог спокойно по рассеянности не закрыть кран. Здесь моя жизнь зависит от десятка литров воды.

17 часов. До Доминики меньше 40 миль, но мне ее никогда не достигнуть: нет ветра. (Дальше совершенно беспорядочным почерком, какого у меня не было никогда, написано: «какой ужасный день впереди!»).

Снова произвожу длинный подсчет, начиная со времени первого определения координат.

19 октября — 15°, время — 12 часов 15 минут.

14 ноября, время — 14 часов 00 минут; разница 1 час 45 минут, 41°, значит пройдено 1568 миль со скоростью 59 миль в сутки.

8 декабря, время — 15 часов 10 минут, следовательно, я нахожусь на 59°, и пройдено с 14 ноября еще 1044 мили со скоростью 43,5 мили в сутки. Значит, теперь мне остается 116 миль. Кстати, такое расстояние «устроило» бы и моих знаменитых птиц, тех, что должны появляться не далее 200—300 миль от берегов. В таком случае, судя по карте, земля должна показаться в среду, в четверг или в пятницу... если будет ветер. Пока что он едва ощутим.

Вторник 9 декабря. 15 часов. Со вчерашнего вечера с 7 часов подул ветерок. Хотя бы он не утих! Солнце все так же безжалостно печет. Всю ночь меня преследовали кошмары. Берега не видно, и было бы чудо, если бы он появился, так как я прошел за это время слишком малое расстояние. Сегодня утром видел еще трех тропических белохвостов, и они кричали. Если не ошибаюсь, птицы не должны кричать, когда они находятся далеко от земли. Придумал меню обеда, который я закажу за счет одного моего знакомого, державшего пари, что мне не доплыть. На всякий случай предусмотрел даже три варианта: либо гусиная печенка с трюфелями, суфле из креветок, утка с кровью, картошка «пай», различные сыры, омлет с ромом и вареньем и охлажденные фрукты в шампанском; либо омар «термидор», куропатка с трюфелями, зеленый горошек, различные сыры, блины «Сюзетт» (дюжину) и охлажденные фрукты в шампанском; либо, наконец, салат из раков, дюжина улиток, заяц по-королевски, паровая картошка или козий бок, различные сыры, омлет с ромом и вареньем и ананас в креме из кирша. А вина я выбрал такие: мускатель, помар 28, вон-романе 1930 года, муто-ротшильд 1947 года, шато-икем 1929 года, старый кюр и в заключение сигару.

«АРАҚАҚА». ПРИБЫТИЕ

Чудо произошло опять в среду! В то утро, помню, мне было очень трудно встать. Я просыпался обычно с восходом солнца, но последнее время уже не спешил окинуть взглядом горизонт, так как был уверен, что он пуст, как всегда. Поэтому я выжидал лежа, словно ночь еще не кончилась, пока солнце не поднимется выше и его лучи не начнут жечь мне лицо. И на этот раз, часов в 10, я начал неторопливо осматриваться, как вдруг подскочил, словно меня ударило током, и воскликнул:

— Корабль!

Действительно, справа по борту в двух с половиной милях от меня, пересекая мой курс, шел корабль. Это было крупное грузовое судно водоизмещением примерно в 7000 тонн. Оно двигалось на небольшой скорости. Меня, по-видимому, не заметили. Я бросился к гелиографу, чтобы обратить на себя внимание отраженным лучом солнца, как дети, пускающие зайчики в глаза прохожим.

Через некоторое время, которое мне показалось вечностью, меня заметили, и судно, изменив курс, направилось в мою сторону.

Настроение мое мгновенно улучшилось. Я почему-то сразу подумал, что это судно идет в один из портов Антильских островов и что земля, следовательно, близко. Быстро поднимаю мой маленький трехцветный флаг, укрепленный на конце весла. Какова же была моя гордость, когда я увидел, как на приближающемся судне трижды приподнялся и приспустился флаг «Юнион Джек»: так приветствуют только военные суда, встреченные в открытом море. Отвечаю, размахивая своим флажком. Но вот судно поровнялось со мной, и капитан поднимает рупор.

— Нужна помощь? — спрашивает он по-английски.

Я отвечаю:

— Скажите, пожалуйста, точное время и точную долготу.

— 49°50'.

Разница по сравнению с моими расчетами составляла ровно 10°, иначе говоря 600 миль.

Оглушенный этим известием, словно ударом молота по голове, в полнейшем отчаянии, я схватился за весла и начал подгребать к борту судна, лихорадочно твердя: «Тем хуже! Я вынес 53 дня! Хватит!»

Капитан спросил:

— Хотите подняться на борт?

Я подумал: «Тем хуже, пусть берут на борт, опыт окончен. В конце концов 53 дня в океане — прекрасное доказательство».

Поднимаюсь на борт «Аракаки», большого грузо-пассажирского судна, следующего из Ливерпуля. Меня встречает довольно полный и очень живой человек небольшого роста. На вид ему лет пятьдесят. Это капитан Картер из Ливерпуля. Он тотчас же предлагает:

— Мы вас доставим вместе с вашей лодкой в Британскую Гвиану, в Джорджтаун.

Сначала я соглашаюсь, но тут же вспоминаю о случае с «Сиди Феррук». Одновременно я представляю себе, как мои друзья, булонские моряки, скажут мне:

— Эге! Ты все-таки не переплыл Атлантический океан!

И тогда 53 дня жестоких испытаний потеряют всякую цену. Несмотря на то что моя теория получила достаточное подтверждение, для простых людей и особенно для мореплавателей сам факт, что я добрался до берега не на лодке, означал бы, что опыт не удался. Для того чтобы мой опыт мог спасти жизнь людей, нужно было обязательно с честью довести его до конца. Какую надежду породило бы среди моряков его успешное завершение! Поэтому я тотчас же взял себя в руки и попросил у капитана некоторое время для размышлений. Он предложил мне пока принять душ; я последовал его совету с благодарностью. Из душевой кабинки я совершенно случайно услышал разговор двух офицеров: «От этих французов никогда не знаешь, чего ждать!»

Итак, решение принято: буду продолжать плавание. Мысленно прикидываю — при той же скорости мне потребуется еще недели три. Сегодня 10 декабря, значит я буду на твердой земле числа 3 января; в таком случае для определения координат мне нужно книгу «Морские эфемериды» на 1953 год.

Я еще моюсь под душем, когда ко мне приходит капитан и спрашивает:

— Вы согласитесь немножко перекусить?

Сначала отказываюсь, но он настаивает:

— Вы не можете отказаться от горячего завтрака.

Первый завтрак за 53 дня! О, я его хорошо запомнил: яйцо, совсем крохотный кусочек говяжьей печенки, ложка капусты и немного фруктов. Этот более чем скромный завтрак, который впоследствии кое-кто ставил мне в вину, причинил моему желудку самые жестокие мучения за все время плавания.

После того как я позавтракал и отправил телеграмму жене, мне предложили осмотреть корабль. Навсегда запомнилась мне ослепительная офицерская кают-компания с кожаными креслами. Стол был накрыт для завтрака. Пассажиры пользовались подлинно британским комфортом. Глядя на все это, я повторял про себя: «Еще три недели, еще три недели!» Капитан провел меня в помещение, где находились карты. Здесь он показал мне точное местонахождение и указал на отклонения, которые необходимо будет учесть при приближении к суше. Он дал мне морской альманах со всеми необходимыми данными на 1953 год и, кроме того, подарил изумительное издание Британского адмиралтейства со своим посвящением.

И вот, слегка покачиваясь, но все же еще довольно твердо ступая, я направился к перилам. С борта уже свешивалась лестница, по которой я должен был спуститься на «Еретик». Капитан был взволнован. Весь экипаж ободрял меня и назначал мне свидание на суше. Когда я уже спускался по веревочной лестнице, капитан спросил:

— Что я могу для вас сделать? Мне это просто необходимо! Что бы вам доставило удовольствие, какие у вас желания?

Я вспомнил, что с самого начала пути не слышал Баха, и ответил, что мне очень хотелось бы в рождественскую ночь послушать VI Бранденбургский концерт.

— Если понадобится, я переверну весь мир, но даю вам слово, что в ночь под рождество вы услышите этот концерт.

Буксирная веревка брошена. «Аракака» ждет, чтобы я отплыл от ее страшного винта, который может затянуть мою лодку.

За это время поднялся небольшой ветер, и я поспешил им воспользоваться. Поднимаю парус и иду на запад.

Все это продолжалось часа полтора. «Аракака» снова пускает в ход машины и под оглушающий вой гудка медленно удаляется, трижды послав мне приветствие своим флагом.

Милая «Аракака», я знаю, что буду жалеть о тебе и говорить: «Почему я не воспользовался этим случаем, очевидно последним?..» Но для успеха моего опыта было совершенно необходимо, чтобы я шел вперед, чтобы я продолжал путь. По правде говоря, это было единственное, чем я впоследствии мог гордиться.

Возвращаюсь к своему судовому журналу:

«Среда 10 декабря. В среду со мной почти всегда что-нибудь случается. Я только что был на корабле, немного поел и плыву дальше. Но увы, я нахожусь всего лишь на 50° и мне остается еще 600 миль, то есть при моей скорости 15—20 дней пути. Больше мужества! Настроение улучшилось, но специалистам я ничего не прошу!

Теперь я могу правильно определить свою долготу. Как я ухитрился ошибиться и пометить время отъезда 12 часами 15 минутами, когда было не меньше 13.

Жинетта знает, что я жив, путешествие продолжается.

Господь бог преисполнен доброты.

Это был грузовой пароход «Аракака», следующий из Ливерпуля в Гвиану. Должен признаться, что я едва не остался на борту».

В самом деле, увидеть корабль в этой части океана — случай исключительный, все говорило за то, что я мог бы плыть до самой земли, не повстречавшись ни с кем. Если б так случилось, я, очевидно, скоро сошел бы с ума. Убеденный, что земля совсем близко, я бы все больше времени проводил, всматриваясь в горизонт, утомляя мозг и глаза, и с каждым днем все больше падал духом. «Аракака», ты спасла меня не только тем, что успокоила мою семью, ты спасла меня морально!.. Я знаю теперь, где нахожусь. Больше того, я могу теперь определять свою долготу. Дело в том, что капитан показал мне среди морских таблиц маленькую табличку, называемую уравнением времени. Она давала ежедневную поправку, которую надо было отнимать от времени прохождения солнца через меридиан. Следовательно, мне было достаточно знать приблизительно час прохождения солнца через меридиан, чтобы определить с точностью до 60 миль свое местонахождение. Теперь я мог, наконец, плыть как полагается: часы мои были проверены и «Аражака» подарила мне новую батарею для радиоприемника.

Откровенно говоря, ни в этот день, ни в последующие мне не хотелось рыбы. А кроме рыбы, у меня ничего не было. Вот первые последствия завтрака, который я съел на «Аракаке»...

Позднее, в Париже, один из крупных специалистов-диетологов сказал мне: «Если бы мы знали, что вы что-то поели на этом корабле, мы бы и гроша не дали за вашу жизнь!»

Со мной произошло совершенно то же самое, что происходит с политическими ссыльными и военнопленными после освобождения. Я перенес два режима питания. До этого завтрака на 53-й день пути я питался ненормально. А затем я просто недоедал, питался недостаточно, потому что рыба стала мне противна. Это естественно: организм постепенно привыкает довольствоваться гораздо меньшим количеством пищи, чем ему положено. Но как только ему снова дают нормальное питание, как только он вспоминает, что это нормальное питание существует, он сдается, как будто говоря: «Я вернулся в нормальные условия и теперь могу немного распуститьсь». Он подобен спортсмену, который остановился на полпути и не в состоянии бежать дальше. И вот тут желудок приходит

в отчаяние... Фотографии доказывают, что за последние 12 дней моего плавания после встречи с «Аракакой» я похудел гораздо больше, чем за предыдущие 53.

Я теперь точно знаю, что надо думать о книгах для потерпевших кораблекрушение, о советах по навигации, о признаках приближения земли — обо всех этих плывущих щепках, бабочках, паутинках, мухах и птицах. Не прогневайтесь, авторы вышеупомянутых книг, но птица фрегат, которая, возможно, и не проводит ночи в море, во всяком случае встречается за 1500 миль от земли. В ваших книгах также сказано, что фрегат не ловит рыбу для собственного пропитания, а я своими глазами видел, как он хватал в воздухе летучих рыб, которых золотые макрели выгоняли из моря.

Почему произошла ошибка в моих навигационных расчетах? В первый раз я определил свое местонахождение, отъезжая от Канарских островов. Море было очень беспокойно, и я принял гребень волны за линию горизонта. По счастливой случайности я правильно нашел широту, но ошибся временем. Поэтому я решил, что нахожусь на 15° западной долготы в 12 часов 15 минут, а на самом деле я был там в час дня. Отсюда ошибка в поправке на 45 минут, то есть на 10° . Отныне я отправлюсь в своих расчетах не от 60° западной долготы, а от 50, где я нахожусь в действительности. Таким образом, мне остается пройти еще 700—800 километров.

Я хотел достичь французской земли, тем более, что именно на западном побережье французских Антильских островов расположен единственный защищенный порт. Следовательно, я должен был держаться широты Мартиники и только в крайнем случае, если поднимется северный ветер, отклониться до Барбадоса. Я, конечно, все-таки рисковал, что меня отнесет южнее этого английского острова и что придется плыть еще 500 километров до самого континента.

Через три дня после встречи с «Аракакой» установилась какая-то нелепая погода, самая нелепая со времени отплытия. С утра опять был полный штиль, хотя мохнатые облака неслись почти над моей головой. Однако мое суденышко не двигалось, и я целый день бесился, глядя, как быстро они летят к берегам земли.

К счастью, в тот день я не был одинок: у меня появился спутник, несколько стеснительный, но все же спутник. Началось с того, что я услышал слева от лодки громкое сопение. Поворачиваю голову, и вижу, что ко мне плывет крупный кит. Вначале я боялся, что этот славный гигант подойдет слишком близко и, приласкав мою лодку хвостом, вызовет опасную аварию. Но кит оказался умницей и не подходил ближе, чем на 3—4 метра, хотя и маневрировал около меня целый день. Вечером он торжественно удалился, и больше я его не видел.

Тем временем приближалась буря. В час ночи первые большие волны начали играть моей скорлупкой. Океан не щадил меня в последние дни пути. До сих пор я перенес в общей сложности двадцать штормовых дней, но за это время вода лишь дважды наполняла мою лодку. А за оставшиеся двенадцать дней мне пришлось «принять ванну» четыре раза. Хорошо еще, что я сумел улучшить технику осушительных работ: как только лодка наполнялась, я начинал вычерпывать воду шляпой, в которую входило 2—3 литра, а затем уже завершал работу туплей. Как известно, чаще всего именно самые простые средства оказываются наиболее действенными в борьбе со стихиями...

С какой радостью я увидел, что парус, наконец, надулся так, словно хотел лопнуть! Как приятно было вновь услышать характерный шум, говорящий, что лодка идет с максимальной скоростью приблизительно в три узла. Лага у меня не было, и скорость хода я определял по шуму воды за кормой.

Чем больше миль оставалось позади, тем больше я боялся, что какая-нибудь глупость случится со мной у самой цели. Я постоянно помнил, что достаточно лишь одной волны, чтобы меня погубить. Это было невыносимо! К чему тогда все перенесенные страдания! На море никогда нельзя быть совершенно спокойным. И тем не менее, в моих ушах до сих пор звучит радостный клич, который я испустил, когда засвистел ветер!

Я спал счастливым сном, как вдруг проснулся с ощущением, что вокруг творится что-то неладное. Вскakiваю и вижу: около самой лодки поверхность моря бороздят сверкающие следы огромной рыбы. Кто это, рыба-меч или акула? Не знаю. Чудовище ведет себя на этот раз необычно: оно бросается на меня и проходит под самой лодкой, задевая за нее спиной. Такая игра продолжалась 6 часов. В отчаянии я уже хотел атаковать непрошеного гостя, но он вдруг исчез, так же внезапно, как и появился.

На следующее утро, хотя в лодку за ночь не попало ни одной волны, я проснулся промокшим. Стало очевидно, что лодка начала протекать. По-видимому ночной гость исцарапал резиновое дно своей грубой, как наждачная бумага, кожей. Нужно было как можно скорее кончать плавание: положение мое становилось всерьез незавидным! Разумеется, бортовые поплавки остались нетронутыми и воздух в них держался великолепно, но устранить просачивание воды сквозь мельчайшие царапины в дне было совершенно невозможно. Я предпочел бы настоящую дыру. Через каждые 5 часов, когда вода достигала уровня деревянного настила, мне приходилось ее вычерпывать. Так продолжалось десяток дней — последние дни пути.

Птиц становится все больше, их породы все разнообразнее. Наконец, 13 декабря, показалась первая чайка. Я почувствовал себя как дома.

В тот же день мне представился случай увидеть и заснять на кинолентку фантастическую сцену. Много дней около меня летала одна из самых красивых морских птиц — птица фрегат. Иногда она бросалась вниз, чтобы схватить в воздухе летучую рыбу. Я часто спрашивал себя, каким образом фрегат угадывает место, откуда его добыча должна взлететь в воздух? В тот день меня словно осенило: фрегат ловил летучих рыб вместе с дорадами. В определенный момент дорады бросались в самую гущу стаи. Летучие рыбы в испуге выскакивали из воды, а дорады продолжали их преследовать, высоко подпрыгивая над волнами. Как только фрегат видел, что охота началась, он падал вниз и всякий раз, взмывая в небо, держал в клюве рыбу. Поднявшись на большую высоту, он вдруг ронял свою добычу, затем стремительно пикировал, чтобы очутиться под ней, и снова подхватывал рыбу прямо в широко раскрытый клюв. Так птица фрегат ест свою добычу налету.

Но еще интереснее было наблюдать, как летучие рыбы и птицы мчатся в воздухе параллельным курсом. С помощью киноаппарата я попытался запечатлеть эту удивительную сцену.

* *
*

Легкий завтрак, съеденный мною на борту «Аракаки», вызвал самые неожиданные последствия. На следующий день ужасное расстройство желудка, от которого я очень страдал, почти прекратилось, хотя следовало бы ожидать обратного, потому что и фрукты, и капуста слабят. Но другой результат был еще удивительнее и главное чувствительнее: только после 10 декабря, когда я съел этот пресловутый завтрак, я понял, что такое настоящий голод! Схватки в животе не прекращаются! Я съедаю в день столько же, как и до встречи с кораблем, но меня одолевает голодная зевота, чего раньше, в предыдущие 50 дней, никогда не было. По ночам меня преследуют «гастрономические» кошмары. Чаше всего повторяется один и тот же сон — курица с рисом. Почему?! Понятия не имею!

20 декабря я провел в воспоминаниях обо всех пирушках, в которых я участвовал после войны, и особенно о тех, что были непосредственно перед отъездом. Я рассчитал, что мне осталось провести в море, если ничего особенного не случится, приблизительно столько же дней, сколько я провел в Касабланке, и теперь, принимаясь за свой планктон или рыбу, всякий раз вспоминаю о том, что я ел в соответствующий день на суше. Получается примерно следующее: «Сегодня я завтракаю в Адмиралтействе: подают жаркое из зайца. Обедая у врачей Касабланки: почки под белым вином»...

Наконец-то, я перебрался на новую карту! Свернув общую карту Атлантического океана, я обозначил свое местоположение на специальной карте Карибского моря. Поразительно, до какой степени более крупный масштаб создает впечатление, что пройдено большее расстояние.

В честь перемены карты я бросил в море последнюю записку в бутылке для планктона. В ней говорилось: «Опыт удался, задача практически решена. Нашедшего записку просят отослать ее... и т. д...»

Любопытно, попадет ли к адресату хотя бы одна записка, доверенная мною океану?

Я считал, что уже приехал. 21 декабря, к концу дня, за кормой появилась рыба метра в полтора длиной с заостренной мордой и пастью, вооруженной внушительными зубами. Это барракуда. Она поглядывала на меня так, как смотрит лакомка на вкусное блюдо. Сначала я швырнул в нее мулинетом¹, удерживая его за веревку. Таким способом я обычно пугал акул, которые в подобных случаях немедленно удирали. Но эта «рыбка» даже не дрогнула и продолжала преследовать меня с видом, не предвещавшим ничего доброго. Тогда я привязал свой нож-гарпун к подводному ружью и после двух-трех попыток глубоко вонзил его в тело рыбы. Так закончилось единоборство с барракудой, храбрости которой я отдаю должное, но чье жесткое мясо я так и не сумел оценить.

22 декабря я проснулся перед самым восходом солнца и был крайне удивлен, когда увидел, что меня только что обогнало большое грузовое судно. Я находился как раз на его пути и было невозможно меня не заметить. Решив послать весточку своим, я зажег бенгальский огонь, чтобы вернуть судно и выяснить, почему оно прошло мимо. Но корабль медленно уходил все дальше. Я подумал, что никто не видит бенгальских огней. Схватив последний, я бросил его высоко в воздух... Он описал длинную блестящую дугу... Корабль повернул и пошел обратно. Приблизиться к нему оказалось гораздо труднее, чем к «Аракаке», так как море было более спокойным. Это оказался голландский пароход, направлявшийся в Порт-оф-Спейн на английском острове Тринидад, самом южном из Антильских островов. Я хотел попросить сообщить на острова Мартинику и Барбадос о моем скором прибытии. И, кроме того, взять какое-нибудь кушанье, приготовленное не из рыбы, чтобы достойно отметить рождественскую ночь, если я не высажусь до тех пор на землю.

Капитан встретил меня очень любезно и предложил мне чашку кофе. Координаты мои подтвердились: я действительно

¹ Прибор для измерения скорости течения.

находился на 13°50' северной широты и 58°20' западной долготы.

У нас с капитаном произошел следующий разговор:

— Как это вы ухитрились пройти мимо и не заметить моей лодки?

— Мы ее заметили. Мы подошли совсем близко и обошли вокруг, но, не видя никаких признаков жизни, подумали, что это брошенная спортивная лодка, и продолжали путь. Только ваши сигналы заставили нас вернуться.

— Вы говорите: никаких признаков жизни!.. А поднятый парус, спущенный в воду руль, радиоантенна — разве это не признаки жизни? Вы не обнаружили меня, пока я вам сам не представился. А если бы я действительно потерпел кораблекрушение, лежал там полумертвый и не мог даже позвать на помощь? Неужели вы бы оставили меня погибать?

Очевидно, капитан об этом просто не подумал. Невероятно, но ему даже не пришло в голову дать гудок, чтобы посмотреть, не откликнется ли кто-нибудь.

И пусть читатель не думает, что это исключительный случай! Мы еще в Средиземном море заметили, что для пассажирских судов расписание — важнее всего, важнее даже жизни потерпевших кораблекрушение. Это не корабли, это морские трамваи. Они останавливаются лишь в том случае, если пассажир заметит что-нибудь подозрительное, а иначе трамвай пройдет своим путем.

Я снова сел в лодку и, отметив на карте свое местонахождение, убедился, что наступил последний этап. Мне оставалось пройти приблизительно 70 миль на юго-запад, чтобы достигнуть северного побережья острова Барбадос. Дул сильный ветер, и, рассчитав свою примерную скорость, я надеялся заметить сигнал маяка на северной оконечности острова между полночью и двумя часами ночи по Гринвичу. Белый с двойными проблесками свет этого маяка виден на 20 миль.

За день я очень устал. Прекрасно понимая, что берег еще слишком далек, я, словно в надежде на чудо, никак не мог оторвать глаз от горизонта.

Первую половину ночи я спал довольно хорошо, затем проснулся и встал на последнюю вахту. В половине первого внезапная световая вспышка разорвала небо. Почти тотчас же за ней последовала вторая. Я бросился к хронометру. Не прошло и десяти секунд, как новая вспышка осветила облака. Впервые за последние 65 дней я вновь обрел связь с землей. Это были отраженные облаками лучи маяка.

В это время я должен был находиться примерно в 16 милях от северной оконечности острова Барбадос, и для того чтобы решать вопрос, как лучше подвести лодку к берегу, в моем распоряжении было еще по меньшей мере полсутки. Следовательно, я имел возможность поспать, но, взволнован-

ный близостью того, во что уже перестал верить, я продолжал сидеть на борту лодки и с глупейшим видом взирать на регулярные вспышки, машинально отсчитывая секунды. Каждый раз они производили на меня впечатление чуда. Не так ли это было и в самом деле? Прошло не менее двух часов, пока я сумел окончательно убедить себя, что все это мне не снится.

Для тех, кто впервые подплывает к Барбадосу, его восточной берег совершенно неприступен. В самом деле, северная часть этого берега представляет собой скалы, о которые беспрестанно разбиваются волны. Южнее, параллельно берегу, тянется цепь рифов протяженностью около мили, отделенная от острова узким фарватером. Эта цепь прерывается многочисленными проходами, но воспользоваться ими может только тот, кто с ними хорошо знаком.

Именно здесь, в начале XVIII века знаменитый Сэм Лорд, местный сеньор, устроил западню. Он посадил два параллельных ряда кокосовых пальм, на которых повесил красные и белые фонари. Корабли, принимавшие эту декорацию за вход в порт, разбивались о рифы. В тот же момент Сэм Лорд подавал команду, и его черные рабы вырезали весь экипаж, не оставляя в живых ни одного свидетеля. Если кто-либо из рабов возвращался, не принеся ни одной головы, его тут же убивали. Таким образом, в их беспощадности Лорд был уверен. Груз кораблей продолжал увеличивать его богатства, которые со временем достигли сказочных размеров.

Итак, этот берег для меня был закрыт. Мне оставалось два варианта: попытаться причалить у небольшого, длиною в 7 километров участка северного берега, или, обойдя остров, бросить якорь с западной стороны и с помощью гелиографа вызвать лодмана из порта Спейгтауна.

Стало светать, и я с удивлением заметил, что нахожусь гораздо ближе к берегу, чем предполагал. Остров был от меня уже в каких-нибудь 4—5 милях. Мною овладело волнение, весьма отличное от того, что я испытывал при подходе к Канарским островам. В самом деле, шансы на то, что мне удастся обогнуть северную оконечность острова, избежав смертельной опасности восточного берега, были настолько же проблематичны, как и мои шансы 3 сентября, когда мне было, наоборот, необходимо, чтобы мою лодку вынесло на берег.

Впервые за все это плавание я спустил в воду кили, чтобы встав к ветру бортом, успеть обойти самую северную группу скрытых за брызгами скал.

Адмирал Соль предупреждал меня, что мне следует быть особенно осторожным в момент подхода к земле. В свою очередь я хотел бы, чтобы мой опыт в этом отношении также пошел на пользу потерпевшим кораблекрушение.

Друг мой, терпящий бедствие! Когда ты, наконец, увидишь землю, тебе покажется, что все твои несчастья окон-

чены. Было бы на самом деле слишком глупо, чтобы земля, в которой все твоё спасение, тебя погубила. Но не торопись! Нетерпение может все испортить. Останови лодку, внимательно осмотришь и выбирай. Помни, что «90% несчастных случаев происходит в момент высадки на землю». Необходимо, чтобы ты нашел место, где море наиболее спокойно и где берег песчаный, а не скалистый. Скалы — твоя смерть. Поэтому обрати внимание на цвет моря: белые барашки, признаки сильного прибоя, должны вызвать у тебя опасения — за ними скрывается риф. Доверяй только свободным пространствам без подводных скал и водоворотов.

Обогнув северную оконечность острова, я стал подавать гелиографом сигналы фермам и сахарным заводам, выстроившимся здесь вдоль побережья. В этом месте волны не разбивались, но катились внушительным валом. И вдруг мне стало очень страшно: я шел вдоль берега на расстоянии примерно в полмили, когда заметил у самой земли баркас с пятью мужчинами, делавший бесплодные попытки выйти в море. Может быть, меня увидели и спешили ко мне на помощь по бушующим волнам? Какой ужас! Падающая волна обрушилась на баркас, и, когда вода с него схлынула, людей в нем не было. Я чуть не сошел с ума. Вероятно, эти люди считали меня в опасности и теперь я буду причиной их смерти! Я поплыл к ним так быстро, как мог. Подойдя поближе, я увидел, что это были негры, рыбаки, которые меня совсем не видели и которые ежедневно, рискуя жизнью, выходят сражаться с бурным морем. Блуждая среди прозрачных волн, они высматривали морских ежей и ныряли за ними, не обращая внимания на волны, хотя их могло выбросить на песчаный пляж за 200 метров отсюда.

Я находился в 300 метрах от этого пляжа и хотел подвести к нему лодку. Мне понадобилось на это больше 3 часов.

Теперь, когда я обнаружил песчаный берег, опасность для жизни миновала: я благополучно привел к цели свое суденышко и все, что на нем имелось. В особенности я оберегал свои драгоценные записи, которые может быть спасут сотни жизней.

Я был очень истощен и поэтому задача моя была особенно трудна. Как на всех песчаных отмелях африканского побережья и Антильских островов сила волн здесь периодически то увеличивается, то уменьшается; этот период различен в зависимости от типа отмели. Наиболее опасными являются либо седьмая, либо шестнадцатая волна — их надо избегать во что бы то ни стало. В данном случае самой сильной была седьмая волна.

Ветер дул сбоку, и я повернул лодку кормой к земле. С третьей волной я взял курс на берег. Когда подошла пятая, я снова развернул лодку и поставил ее носом, так, чтобы она лучше приняла грозно подвигающийся седьмой вал. Так

мало-помалу я сблизился с землей, каждый раз разворачиваясь перед седьмым гребнем, который становился все более опасным. Рыбаки заметили меня, но еще не осознали странности моего появления — они не догадывались, что с этой стороны моя лодка могла приплыть только от далеких берегов их предков. Вскоре меня окружили три лодки, и началась беседа на фантастическом английском языке. Три негритенка влезли на борт «Еретика». Впервые за все время плавания по Атлантическому океану у меня появился экипаж! Однако они мне доставили немало беспокойства, всюду лазая, шаря и заглядывая то туда, то сюда. Один из них потребовал мои часы, но обнаружив, что их тиканье еле слышно, скорчил презрительную физиономию. Другой заинтересовался куском мыла, который он, казалось, собирался съесть. Третий схватил бинокль, и, приставляя его к глазам обратной стороной, пытался обозреть горизонт. Я ему объяснил, что бинокль полон воды. Тогда он принялся его трясти, как это делают, когда хотят опустошить бутылку до последней капли.

Как ни велика была моя радость, я все же начинал серьезно беспокоиться за две вещи: за удочки и особенно за продукты, которые мне хотелось доставить нетронутыми до первого полицейского участка. Но я был слишком усталым, а поэтому решил просто найти двух-трех свидетелей, способных подтвердить целостность упаковки моего неприкосновенного запаса.

«Еретик» все еще находился метрах в двадцати от пляжа, который из желтого сделался черным от любопытных. Рыбаки советовали мне дожждаться отлива, уверяя, что тогда волна будет значительно меньше. В действительности же им хотелось успеть как следует обшарить мою лодку до того, как она попадет в руки толпы, ожидающей на берегу. Но желание вступить на твердую землю, вдохнуть ее запах, почувствовать горячий песок оказалось сильнее всего. За свое судно я не беспокоился, а непослушный экипаж измучил меня вконец. Поэтому я схватил плавучий якорь, прыгнул в воду и направился к берегу вплавь. Сотни собравшихся бросились навстречу и вытянули меня на сушу. Как только я встал на ноги, земля подо мной закачалась, но все же это была земля, и моя радость была так велика, что я на некоторое время забыл о муках, причиняемых мне голодом.

На одно обстоятельство я хочу обратить особое внимание потерпевших бедствие. Необходимо, чтобы первая трапеза ни в коем случае не была ни слишком поспешной, ни слишком обильной, иначе она может оказаться смертельной. Ты можешь принять все, что тебе предложат из жидкого, но, брат мой, остерегайся твердого: это беспощадный враг твоего слабого кишечника. Ты вырвал свою жизнь у моря, не отдай же ее так просто на земле.

Узнай, как и я, что тяжелая борьба с голодом сменяется тотчас, как ты ступишь на берег, борьбой против переедания.

ЗЕМЛЯ

Итак, я вступил на землю Барбадоса. Земля оказалась весьма непрочной, так как это был зыбучий песчаный пляж. Как я удержался на ногах, до сих пор не знаю, но я даже шел по нему, и он мне казался землей обетованной.

Нелегко мне было уследить за своими вещами: туземцы смотрели на каждую мелочь, словно это был божий дар и проявляли пренебрежительное стремление считать своим все, что им удавалось схватить. Портсигар, подаренный мне женой капитана Картера, был опустошен в одно мгновение. Кто-то из «встречающих» завладел моим подводным ружьем, которое, кстати, было теперь без стрел, и старался сообразить, на что можно употребить эту вещь. Когда я сказал, что дарю ему ружье, он был крайне польщен. Другой схватил старую рубашку, а третий объяснил мне знаками, что мои часы ему очень нравятся. А когда я стал объяснять, что они у меня одни, он показал на ручной компас и сказал:

— Но вот же у вас вторые!

Какая-то женщина завладела мылом для морской воды, уверенно откусила, но тут же скорчила такую гримасу, что сразу стало видно: это мыло не так вкусно, как обычное. Между тем я мало-помалу доставал из лодки разные предметы, складывая отдельно те, что наиболее пострадали от воды: когда я перебирался через песчаную отмель, мое суденышко наполнилось водой до краев. Когда с помощью «добровольцев» была вытащена запечатанная банка, на которой туземцы увидели слово «продукты», казалось все вокруг заглохло:

«Фуд! Фуд!»¹.

Тут я с ужасом понял, что за всем уследить у меня не хватит глаз. Каждую минуту я ожидал, что банка с продуктами будет взломана. Если даже внутри все останется нетронутым, все равно для доказательства моей теории это будет катастрофой. Подошел полицейский и сообщил мне, что до ближайшего участка три километра. Я должен был прило-

¹ Фуд (англ.) — пища.

жить нечеловеческие усилия, чтобы проделать весь этот путь пешком. До сих пор не могу понять, как я дошел. Но все же у меня хватило рассудка и сил немедленно засвидетельствовать целостность моего неприкосновенного запаса. Поскольку для этого нужны были люди с определенным уровнем интеллектуального развития, свидетелями стали школьная учительница (она же по совместительству местный пастор) и полицейский. Затем я роздал американские консервы, снискав этим благодарность желудков местных жителей.

Позднее меня упрекали за то, что я не опечатал немедленно свой судовой журнал, чтобы доказать, что я не подделал впоследствии свои расчеты. По-видимому те, кто обращается ко мне с подобными упреками, совершенно не представляют, как чувствует себя человек, вступивший на берег после 65 дней, проведенных в полном одиночестве и почти без движений. Представить это, сидя дома в пижаме, конечно, нелегко.

Медленно, подталкиваемый со всех сторон туземцами, останавливаясь на каждом повороте, чтобы выпить стакан воды (до такой степени я был обессилен и так потел), я двигался к полицейскому участку. Было совершенно ясно, что начальник участка, глядя на меня, задумался, с кем он имеет дело: с крупным преступником или с каким-то бесстрашным мореплавателем? На всякий случай, с великолепной корректностью британского полисмена — отца всякого доверенного ему человека — он предложил мне чашку чая и хлеб с маслом. Началась борьба против «излишеств» питания; я довольствовался чаем, в который положил побольше сахара.

Улица представляла живописное зрелище: здание полиции было окружено многими сотнями людей в ярких одеяниях, столь популярных среди жителей этих островов.

Наконец, в 11 часов меня вызвал по телефону сам полковник Реджи Мичелин, верховный полицейский комиссар всей английской части Антильских островов. Это, видимо, произвело на начальника участка благоприятное впечатление и он предложил мне душ.

Верховный комиссар полиции сообщил, что за мной заедет машина, которая отвезет меня в Бриджтаун.

Около двух часов пополудни я уже был в столице острова. Прежде всего спрашиваю:

«Блуждающая нимфа» здесь?

— Она прибыла еще 1 декабря, то есть 23 дня назад, и, по-моему, уже отплыла. Она должна заехать за Энн Дэвидсон, которую ждут на острове Антигуа.

Мне стало ясно, что во время разговора с капитаном «Араками» произошло маленькое недоразумение. Когда он меня спросил, где я рассчитываю высадиться; я ответил: «На Антилах». Англичане же называют Антильские острова Вест-

Индией. Поэтому он подумал, будто я хотел сказать «Антигуа», и решил, что я собираюсь высадиться именно на этом острове. Значит, меня ждали там; мои друзья Стэниленды очевидно решили, что на Антигуа они встретят и меня и Энн Дэвидсон. Однако кто-то из присутствующих сказал: «А мне кажется, что эта яхта все еще здесь».

Наконец, меня принял полковник, типичный англичанин, моложавый и энергичный. Здесь же был и французский консул г-н Коллинс. Не успел я объяснить, что через несколько дней, немного отдохнув, собираюсь возвратиться во Францию, как подъехала машина, а в ней трое моих друзей: Джон, Бонни и Винни. Завидев меня, они испускают радостные вопли и тут же объявляют, что, если я соглашусь, то смогу жить на их яхте. Весьма довольный, я принимаю это приглашение.

Вместе с ними приехал городской врач, доктор Дэвид Пэйн, которого я попросил подвергнуть меня немедленному медицинскому осмотру. Пусть результаты моего путешествия будут всем известны. Тогда я еще держался молодцом: мог стоять, даже немного ходить и подниматься по лестнице. Но через несколько дней начали серьезно сказываться последствия неподвижности, длительного одиночества и ненормального образа жизни, который я вел последние месяцы.

Наконец, со всеми таможенными формальностями покончено. С помощью нашего милого консула отправляю несколько телеграмм во Францию. А к 6 часам вечера я уже на «Блуждающей нимфе». Труднее всего бороться против «излишеств» питания. В течение по крайней мере недели я могу позволить себе лишь жидкую пищу. Я удаляюсь в свою каюту в крайне нервном состоянии: совершенно не могу спать. Начинаю возиться с радио: снимаю нейлоновый чехол, предохранявший его от брызг, тщательно протираю мой приемничек, чтобы он прибыл во Францию в полном порядке.

Около 10 часов вечера я сижу и медленно вращаю ручку настройки, стараясь поймать Би-Би-Си, и вдруг к величайшему удивлению моих друзей, голос диктора Би-Би-Си объявляет по-французски:

«Доктор Бомбар, мы получили телеграмму капитана «Аракаки». Благодарим вас за подвиг, который вы совершаете ради спасения всех терпящих бедствие. Мы знаем, что сейчас на своем «Еретике» вы плывете в открытом океане. Слушайте заказанный вами Бранденбургский концерт завтра вечером в это же время на таких-то и таких-то волнах».

На следующее утро радио Би-Би-Си, предупрежденное о моем прибытии на Барбадос, еще раз подтвердило, что заказанный мною концерт будет передаваться этим вечером. Одновременно я получил еще два известия, которые были для меня самыми приятными после телеграммы от жены:

1. Королевский яхт-клуб Барбадоса сообщал, что считает меня своим членом на все время моего пребывания в Бриджтауне.

2. Пришла телеграмма от капитана Картера:

«Поздравляю истинного джентльмена, который нашел в себе мужество и силы продолжать свой нелегкий путь, когда к его услугам были Комфорт и Безопасность».

Это послание утешало меня, когда некоторое время спустя начались выпады по моему адресу. Человек, которого я встретил в океане, настоящий моряк послал мне знак своего уважения, восхищения и дружбы.

Последовавшая затем неделя на Барбадосе прошла для меня как в сказке, несмотря на утомление, сказывавшееся все больше и больше. Сначала я вынужден был приобрести трость, затем почти совсем перестал ходить. Я осматривал этот очаровательный остров, передвигаясь на автомобиле. Осточертевшая мне синева моря сменилась зеленью природы и какой зеленью! Это было время рождества, то есть самый разгар весны на Антильских островах.

Губернатор оказал мне очень теплый прием. Некогда ему пришлось побывать в плену у японцев, и он мог, как никто, оценить моральное значение моего эксперимента. Из Франции я получил ободряющие телеграммы. На улице туземцы с дружеской фамильярностью кричали мне: «Хэлло, Док!»

Это было приятно! На улицах Бриджтауна моя борода становилась легендарной. Члены французской колонии встретили меня очень мило, особенно г-н Поммарэ и часовщик Бальдини, которому я отдал починить свои часы.

Однако пора было кончать с развлечениями и возвращаться во Францию, где меня и так заждались Жинетта — это чувствовалось по ее телеграмме — и мои друзья. 31 декабря днем я сел в самолет.

Самолет Британской Вест-Индской авиакомпании должен был доставить меня до Пуэрто-Рико. На Антигуа меня ждала еще одна приятная новость: во время пересадки я узнал, что Энн Дэвидсон, отплывшая от Канарских островов много позже меня, накануне достигла маленького порта Инглиш Харбур.

Я тотчас послал весточку своим друзьям Стэнилендам, чтобы они не беспокоились о судьбе своей знакомой.

По прибытии в Пуэрто-Рико я отправился к иммиграционным властям. Здесь меня ожидал сюрприз другого сорта: у меня не было визы и, узнав об этом, американский инспектор в ужасе воздел руки к небу. Тщетно я его уверял, что я здесь только проездом. За время моего пребывания в океане иммиграционный закон изменился, и теперь даже для того, чтобы только проехать через территорию Соединенных Штатов, необходимо было иметь транзитную визу. Поэтому я вынужден был на некоторое время прервать свое путешествие.

В ожидании визы, которая, как говорили, будет выдана очень скоро, члены экипажа английского самолета устроили меня в шикарной городской гостинице. Без визы я вынужден был бы возвратиться к англичанам на Антильские острова или в Фор-де-Франс, откуда можно лететь прямо во Францию.

Трудно было получить визу в Новый год, так как естественно на работе никого не было. Однако чиновники иммиграционного отдела оказались крайне любезны, и, чтобы помочь мне, приложили максимум усилий. Через сутки, проведенные мною в сказочно красивом городке Сан-Хуан, было получено разрешение на продолжение путешествия и виза сроком на месяц.

Озаряемый лучами яркого весеннего солнца самолет взмыл в воздух. Я улетал в Нью-Йорк, где меня ждал мой друг Перси Кнаут.

В Нью-Йорке меня встретила настоящая снежная буря. Здесь стояли ужасающие морозы. Вот уже год, как я не испытывал такого холода: мой путь через Атлантический океан проходил почти целиком по тропическому поясу. Ночь перед рождеством я еще проводил растянувшись на пляже, залитом светом звезд совершенно ясного теплого неба.

Этот перелет меня настолько утомил, что я вынужден был отложить свое возвращение в Европу и немного отдохнуть, несмотря на то что знал, с каким нетерпением меня там ждут все мои друзья. Большую часть времени я проводил в гостинице, лежа в постели, или в маленьком порту Сэг-Харбур, где жили мои друзья в доме под очаровательной вывеской «Белый кит».

Однако меня с нетерпением ждали во Франции и надо было трогаться в путь. 6 января вечером я снова сел в самолет.

Маршрут был такой: Нью-Йорк — Монреаль — Гандер — Париж. На аэродроме в Монреале меня узнали многие молодые канадцы французского происхождения. Они поздравили меня с благополучным завершением путешествия через Атлантический океан и начали фотографировать меня под вспышки магния. Это вызвало немалое удивление одной актрисы, которая в тот момент поднималась по трапу в самолет. Указав на меня, она спросила:

— Кто это?

Ей ответили:

— Доктор Бомбар.

— Доктор Бомбар?

— Ну да, тот, что недавно переправился через Атлантический океан.

— Но ведь я тоже, — возразила певица, — собираюсь пересечь Атлантический океан!

Возмущенная стюардесса молча отошла от несчастной артистки, даже не объяснив ей, что я переправился через океан в «несколько особых условиях».

Ночью экипаж пришел в замешательство: нарушилась регулировка отопления и температура в самолете начала быстро подниматься. Создалось впечатление, что самолет загорелся. Стюардесса с великолепным хладнокровием, присущим всем членам воздушных экипажей, скрывала свою тревогу. И может ли быть более приятная похвала, чем та, что заключалась в ее словах: «Если мне суждено упасть в океан, то пусть это случится сегодня, когда вы здесь». В этих словах уже сказался моральный эффект моего опыта.

Таким образом, моя цель хотя бы в какой-то степени была достигнута.

Но вот и Париж. Мне указывают на толпу встречающих. Я волнуюсь, как перед экзаменом. Замирают моторы. Самолет приземляется, дверь открывается, и я оказываюсь перед приветливо шумящим морем друзей, собравшихся здесь, чтобы присутствовать при моем вступлении на землю Франции. Я возвратился туда, откуда начал. Круг замкнулся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Путешествие «Еретика» окончено. Теперь я буду бороться за то, чтобы моя «ересь» была понята и стала христианской верой для всех, кто в будущем может потерпеть кораблекрушение.

Всякий бедствующий в море может достигнуть земли, причем не в худшем состоянии, чем я. Я был такой же терпящий бедствие, как и другие. Мое здоровье не представляет ничего исключительного. До войны я трижды болел желтухой, а в послевоенный период перенес тяжелые заболевания, связанные с длительным недоеданием. Следовательно, у меня не было никаких преимуществ перед другими, совершающими такое же плавание. Конечно, за время плавания я сильно похудел, но все же достиг берега. Повторяю, речь идет не о хорошей жизни, а о том, чтобы выжить в течение времени, нужного для того, чтобы достичь земли или встретить пароход.

Теперь я уверенно заявляю, что море «снабжает» питьем и едой в достаточном количестве, чтобы смело двинуться в путь к своему спасению.

Нельзя сказать, что во время моего шестидесятипятидневного пути от Канарских к Малым Антильским островам мне как-то особенно везло. Ни в коем случае нельзя также рассматривать мое путешествие как подвиг, как нечто исключительное.

Я похудел на 25 килограммов, и мне пришлось перенести немало тяжелых недомоганий и болезней. Я достиг берега с серьезной анемией (5 млн. красных кровяных шариков перед началом путешествия и 2,5 млн.— по возвращении) и с общим количеством гемоглобина, граничащим со смертельным.

Период, последовавший за легким завтраком на «Аракаке», едва не оказался для меня роковым.

Ужасающий понос с немалыми кровавыми выделениями мучил меня в течение двух недель (с 26 ноября по 10 декабря). Дважды я едва не терял сознание: 23 ноября, когда появились первые признаки надвигающейся бури, и 6 декабря,

в день, когда я написал завещание. Моя кожа вся покрылась сыпью и мелкими прыщами. Ногти на пальцах ног выпали. Я претерпел серьезное расстройство зрения, очень заметную потерю мускульной силы и голод. Но я достиг берега!

В течение 65 дней я питался исключительно тем, что мог взять у моря. Получаемого рациона белков и жиров мне хватало. Недостаток сахара вызвал значительное истощение организма, но все же не настолько сильное, чтобы оно угрожало моей жизни. То, что перед отъездом я утверждал теоретически, теперь подтвердилось на опыте.

Еще одно доказательство преобладания психики над физиологией: «психический» голод после встречи с «Аракакой» оказал гораздо более вредное действие на мое здоровье, чем голод физический, который мы переносили с Пальмером в течение довольно длительного периода в Средиземном море. Первый это, конечно, не настоящий голод, это скорее желание чего-то другого, но очень опасно желать и не получать. Второй особенно мучителен во время первых двух суток, когда он сопровождается болями, похожими на судороги, которые затем успокаиваются и уступают место сонливости и значительно ослаблению организма.

В первом случае организм сам себя сжигает, во втором он тлеет подобно угольку.

Медицинский осмотр по прибытии на Барбадос показал, что у меня не было никакого заболевания, связанного с недостатком витаминов. Следовательно, планктон все же дал мне необходимый для организма витамин С.

Дождевую воду я получил только через 23 дня. Таким образом, в течение этих 23 дней я доказал, что рыбы вполне достаточно, чтобы утолять жажду, что *питье тоже можно добывать из моря.*

Если считать со времени отплытия из Монако, то в течение 14 дней я утолял жажду морской водой и в течение 43 дней — соком, выжатым из рыбы. Так я победил жажду в океане.

Мне говорили, что морская вода действует как слабительное, но в период длительной средиземноморской голодовки ни у Пальмера, ни у меня не было стула в течение 11 дней. Никакого признака предсказываемой интоксикации не обнаружилось. Слизистые никогда не пересыхали.

Мои медицинские выводы будут подробно изложены в диссертации. Кроме того, вместе с командованием военно-морского флота я приму участие в выпуске книги для терпящих бедствие, в которой будут зафиксированы выводы из моего опыта.

Здесь же я хочу лишь заявить следующее: спасательное судно может продержаться в море значительно более десяти дней. Оно обладает достаточными навигационными качествами, чтобы сохранить жизнь потерпевшему кораблекрушению. Мой «Еретик» представляет собой один из образцов та-

ких спасательных лодок. Я хочу также написать для терпящих бедствие правила жизни, подробный распорядок дня, который помог бы деятельно и с пользой проводить время и сохранять волю к достижению цели.

Человек, который, придя в отчаяние, думает, что все кончено, всегда может приободриться и получить второе дыхание. Это ему поможет продолжать борьбу, как Антею, который каждый раз обретал новые силы, едва касался земли.

На дне спасательных судов должна быть уложена карта ветров и течений всех морей земного шара. Если кораблекрушение произошло даже недалеке от африканского берега, все равно бедствующие должны, не колеблясь, взять курс на Америку, каково бы ни было расстояние.

Чтобы вселить надежду и веру в то, что в конце путешествия их ждет спасение, я бы хотел, чтобы в лодке было написано: «Помните, что один человек уже прошел этот путь в 1952 году».

Но мой опыт подтверждает также, что никто не может и не должен рисковать жизнью иначе, как для общественной пользы.

Надеяться — это значит стремиться к лучшему. Потерпевший кораблекрушение, лишенный всего после катастрофы, может и должен сохранять надежду. Внезапно он поставлен перед дилеммой: жить или умереть, и он должен собрать все свои силы, всю волю к жизни, все мужество для борьбы против отчаяния.

Молодежь, дети, все, кто думает, что можно прославиться или просто бесплатно прокатиться на плоту в Америку или еще куда-нибудь, заклиная вас, подумайте получше или обратитесь ко мне за советом. Обманутые миражом, увлеченные заманчивой идеей, представляя себе такое плавание как увеселительную прогулку, вы поймете всю серьезность борьбы за жизнь лишь тогда, когда будет уже слишком поздно, для того чтобы успеть собрать все свое мужество. Ваше смятение будет тем большим, что вы подвергли свою жизнь опасности без всякой пользы. А ведь в мире существует столько прекрасных и благородных целей, ради которых можно рисковать жизнью!

Но ты, терпящий бедствие брат мой, если ты будешь верить и надеяться, ты увидишь, что твои богатства начнут увеличиваться изо дня в день, как на острове у Робинзона Крузо, и у тебя не будет основания не верить в спасение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Поль Бюдке, заместитель директора Национального музея естественной истории и директор Лаборатории рыбного промысла в колониальных водах, был настолько любезен, что согласился дать научную справку о некоторых животных, которые мне встретились и фотографии которых он видел.

Белый кит

Скорее всего это был спиноперый кит, *Balaenoptera physalus*, или головач обыкновенный, которого китолowy называют «фин», или «финбак». Эти животные нередко встречаются в Средиземном море. Как известно, спиноперые киты отличаются от обыкновенных тем, что у них есть спинной плавник, который ясно различим в тот момент, когда кит ныряет. Форма и расположение плавника, а также характерные движения уходящего в глубину кита на фотографии говорят о том, что в данном случае мы имеем дело именно с головачом обыкновенным. Но точно определить вид кита можно только после более полного осмотра.

Что касается его белой окраски, то она действительно необычна: тело беловатое, плавник белый с черной каймой на задней части, хвостовая часть сероватая. Резко выраженная неровная пигментация у спиноперых китов обычное явление, но экземпляры совершенно белых китов-альбиносов чрезвычайно редки. До сих пор о них не упоминалось ни в одной из опубликованных работ. Однако мой коллега, председатель исследовательского комитета Н. А. Макинтош, рассказывал мне в марте 1953 года, что один из его инспекторов-китоловов видел, как на плавучем заводе в Антарктике среди прочих китов разделяли одного белого головача. Инспектор не счел нужным вмешиваться, и кит-альбинос был без всяких церемоний разделан, точно так же как и его пигментированные собратья.

Кроме этого, известен еще лишь один случай альбинизма у китообразных: в 1951 году китобой «Англо-Норса» загарпунили у берегов Перу белого кашалота,

Акула

Очень длинные грудные плавники с белыми концами, округленный спинной плавник тоже с белым концом, характерная морда — все это указывает на то, что эта акула принадлежит к *Carcharhinus longimanus*, или white-tipped shark. Кусто и Тайе переслали мне фотографию подобной же акулы, сделанную под водой во время погружения в районе островов Зеленого Мыса.

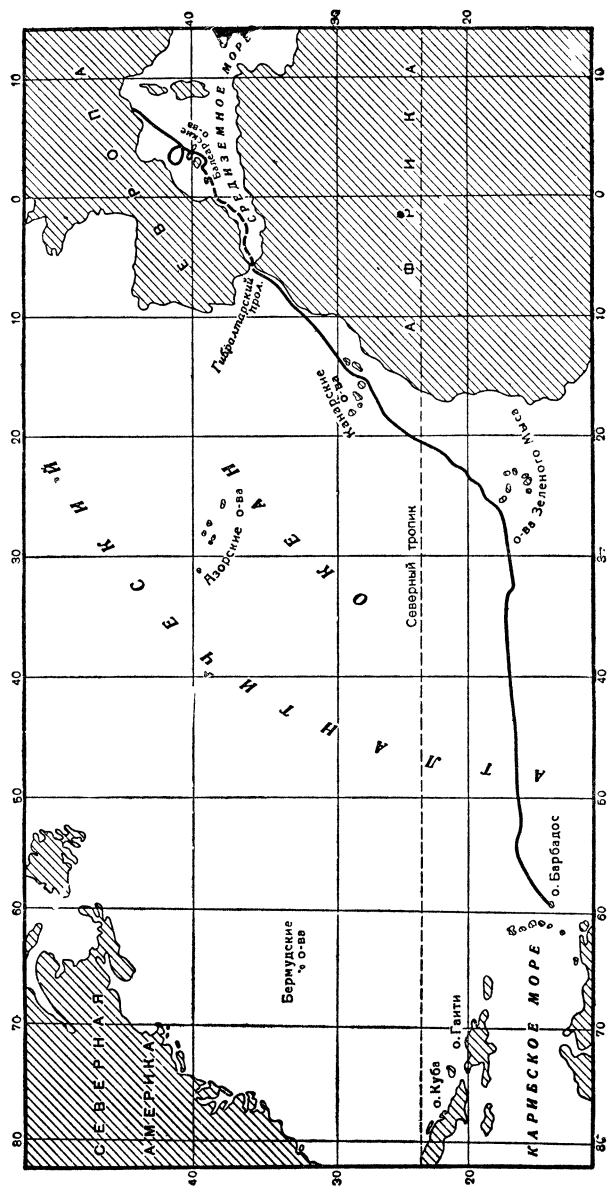
Это пелагическая акула, более «океанская», чем ее прибрежные сородичи из того же вида *Carcharhinus*. Она встречается и в Средиземном море, но гораздо чаще в южной части Атлантического океана и обычно далеко от берегов. Таких акул не видели ни у берегов Соединенных Штатов, ни у африканского побережья. Говорят, что эта акула нападает на людей, но это все еще не доказано. Наиболее крупный из точно измеренных экземпляров достигал трех с половиной метров в длину, однако встречаются акулы четырех метров и более. Принадлежит к виду живородящих. Поскольку эти акулы живут в открытом океане, они менее известны, чем другие виды, обитающие вблизи берегов.

Балиста

Балисты — рыбы, обычно живущие вблизи берегов. Их редко употребляют в пищу, так как они считаются ядовитыми и даже смертельно ядовитыми. Балисту называют Triggerfish, «рыба-замок», так как ее первый спинной позвонок как бы запирается вторым, более коротким.

В книге Джордана и Эверменна «Рыбы Северной и Центральной Америки», часть II, на странице 1698 о балистах сказано: «Употребление этих рыб в пищу вызывает симптомы самого острого отравления. Доктор Менье считает, что ядовитое мясо балист действует сначала на нервные ткани желудка, вызывая жестокие спазмы мускулатуры этого органа, а затем на спазмы всего тела. Все тело охватывают судороги, язык распухает, глаза стеклянеют, дыхание становится затрудненным и пострадавший умирает от страшного болевого шока».

Поль Бюдке

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Рождение идеи	5
Подготовка	9
Научная подготовка	14
Практическая подготовка	22
Средиземное море	
Отплытие	38
Плавание вблизи берегов (25—27 мая 1952 года)	42
В открытом море (28 мая — 7 июня)	53
С 7 по 21 июня	65
Битва за снаряжение. Танжер	71
Первые итоги	77
Атлантический океан	
Отплытие из Танжера	81
Один в океане	84
Касабланка — Лас-Пальмас	90
Земля. Испытание. Колебания	97
«Человек соленой воды»	104
Вода снизу и сверху	135
Какая долгота?	145
«Аракака». Прибытие	160
Земля	172
Заключение	178
Приложение	181

Ален Бомбар

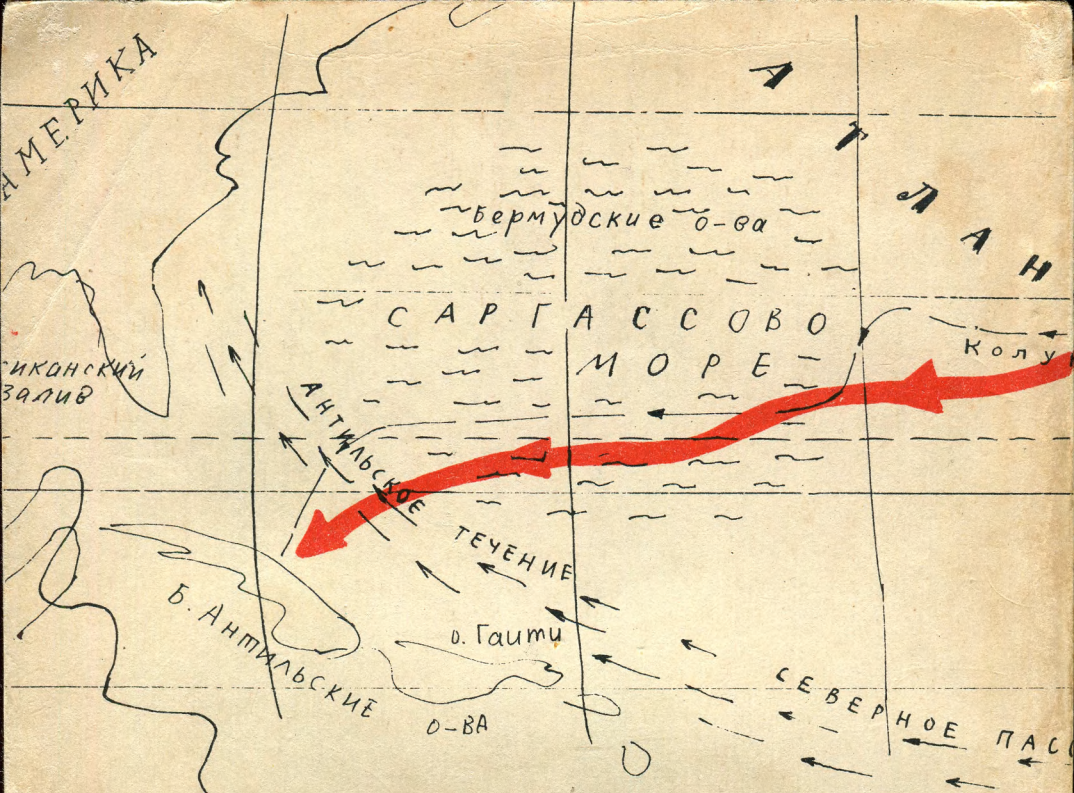
ЗА БОРТОМ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ

Редактор *А. Б. Беленький*
 Художественный редактор *Т. И. Алексеева*
 Технический редактор *Э. Н. Виленская*
 Корректор *Т. М. Денисова*

Т 00742. Сдано в производство 22/1-59 г. Подписано в печать с матриц 22/1-59 г.
 Формат 60×92¹/₄. Физических листов 12,25. Печатных листов 11,5+0,75 л. вкл.
 Издательских листов 11,2. Тираж 150.000 экз. Цена 3 р. 55 к. Заказ № 3034.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15. Географгиз.

Отпечатано с матриц типографии «Красный пролетарий» в ордена Ленина
 типографии газеты «Правда» имени И. В. Сталина,
 Москва, ул. «Правды», д. 24. Заказ № 714.

3 р. 55 к.

ГЕОГРАФИЗ 1959

H 5

CATH